

ВЕСТНИК МГПУ.

**СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ».**

**MCU JOURNAL OF PHILOLOGY.
THEORY OF LINGUISTICS.
LINGUISTIC EDUCATION**

№ 1 (53)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2024**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М.

председатель

Рябов В. В.

заместитель председателя

Геворкян Е. Н.

заместитель председателя

Агранат Д. Л.

заместитель председателя

ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО

президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО

первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО

проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Тарева Е. Г.

главный редактор

Викулова Л. Г.

заместитель главного редактора

Смирнова А. И.

заместитель главного редактора

Алмазова Н. И.

Аминова В. Р.

Афанасьева О. В.

Беляева И. А.

Богданова Л. И.

Борботько Л. А.

ответственный секретарь

Бубнова И. А.

Геймбух Е. Ю.

Гиллеси Д. Ч.

Джумайло О. А.

Журавлева Е. А.

Колесников А. А.

Колмогорова А. В.

Курдюмов В. А.

Лесневская Д. С.

Матвеева И. И.

секретарь

Меркулова М. Г.

Романова Г. И.

Серебренникова Е. Ф.

Собянина В. А.

Сулейманова О. А.

Тивьяева И. В.

Чернявская В. Е.

Чупрына О. Г.

Шафранская Э. Ф.

Якушевич И. В.

доктор педагогических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)

доктор филологических наук, доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет)

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор (МГУ им. М. В. Ломоносова)

кандидат филологических наук, доцент

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

кандидат педагогических наук, профессор

доктор филологических наук, доцент (Южный федеральный университет)

доктор филологических наук, профессор (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Казахстан, Алматы)

доктор педагогических наук, доцент

доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ, Петербургская школа гуманитарных наук и искусств)

доктор филологических наук, профессор

доктор филологии, доцент (Университет национального и мирового хозяйства, София, Болгария)

кандидат филологических наук, доцент

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, доцент

доктор филологических наук, профессор (Иркутский государственный университет)

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, доцент

доктор филологических наук, профессор, член Санкт-Петербургского союза ученых (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, доцент

доктор филологических наук, доцент

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Головко В. М.* Идеи народнического теоретика П. Л. Лаврова в художественной рецепции И. С. Тургенева (из творческой истории романа «Новь»)7
- Романова Г. И., Смирнова А. И.* Поэтика достоверности (Художественный мир произведений Ф. М. Достоевского и Г. Газданова).....25
- Крылова С. В., Яковлев М. В.* Нарративные вариации сюжета «блудница и ее сын» в русской литературе: М. Горький, Л. Петрушевская, К. Рябов.....37
- Красовицкая Ю. В.* Свой – другой: стратегии и тактики сближения («Двенадцать человек не дюжина» В. Ферра-Микуры, «Все о Манюне» Н. Абгарян).....51

Русистика. Германистика. Романистика

- Маркина Л. В.* Семантика стереотипных представлений о маскулинности в русских поговорках: вчера и сегодня.....68
- Беляева М. В.* Специфика разговорного синтаксиса в коммуникативно-когнитивном аспекте (на примере немецкого языка).....82

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

- Сулейманова О. А., Чернышова А. И.* Перевод синтаксических композитов при помощи программ машинного перевода и переводчика91
- Косиченко Е. Ф.* Принцип дополнительности семиотических систем в интерпретации события (на материале рассказа Э. Хемингуэя «Канарейку в подарок»).....105

**Языковое образование. Методика преподавания
филологических дисциплин**

<i>Тарева Е. Г., Дорохова А. М.</i> Современный межкультурный дискурс: статус в лингводидактике.....	124
<i>Ладохина О. Ф., Кузуб Ю. В., Васильев С. А.</i> Музеи Б. Л. Пастернака и В. В. Маяковского: из опыта организации и проведения социокультурной практики студентов МГПУ.....	136
<i>Черкашина Е. И.</i> Модель обучения иностранному языку специальности студентов архитектурных вузов.....	148
<i>Толмачева Т. А.</i> Альтернативное оценивание уровня иноязычной просодической компетенции	161
Требования к оформлению статей.....	175

CONTENTS

Literary Science

- Golovko V. M.* Ideas of Populist Theorist Petr L. Lavrov as Represented Through Ivan S. Turgenev's Artistic Reception (Relying on the Novel «Nov» Creative History) 7
- Romanova G. I., Smirnova A. I.* Authenticity Poetics (Literary World of Fyodor M. Dostoevsky's and Gaito Gazdanov's) 25
- Krylova S. V., Yakovlev M. V.* Narrative Variations of the «Hart and her Son» theme in Russian Literature: M. Gorky, L. Petrushevskaya, K. Ryabov 37
- Krasovitskay Yu. V.* Ours vs Other: Strategies and Tactics of Rapprochement («Twelve People are not a Dozen» by V. Ferrá-Mikura, «All about Manyunya» by N. Abgaryan) 51

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

- Markina L. V.* Semantics of Stereotypical Views on Masculinity in Russian Parodies: Yesterday and Today 68
- Belyaeva M. V.* Colloquial Syntax as Reviewed Through Communicative and Cognitive Perspective (Using German as an Example) 82

Linguistic Theory. Cross-Cultural Communication Theory

- Suleimanova O. A., Chernyshova A. I.* Machine vs Manual Translation of Syntactic Compounds 91
- Kosichenko E. F.* Complementarity of Semiotic Systems as a Principle of Interpreting Events (Based on E. Hemingway's Story «A Canary for One») 105

**Language Teaching. Methodology of Teaching
Philological Disciplines**

<i>Tareva E. G., Dorokhova A. M.</i> Present-day Intercultural Discourse: Focus on Teaching Languages.....	124
<i>Ladokhina O. Ph., Kuzub Yu. V., Vasilyev S. A.</i> Sociocultural Field Classes in Institute of Humanities: MCU Students Visiting Boris L. Pasternak and Vladimir V. Mayakovsky Museums	136
<i>Cherkashina E. I.</i> Teaching LSP to Architecture Students.....	148
<i>Tolmacheva T. A.</i> Alternative Assessment of a Student's Level of L2 Prosodic Competence	161
 Requirements for the Style of Articles.....	 175

Научная статья

УДК 821.161.1-31.09«18»

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.01

ИДЕИ НАРОДНИЧЕСКОГО ТЕОРЕТИКА П. Л. ЛАВРОВА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЦЕПЦИИ И. С. ТУРГЕНЕВА (ИЗ ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОМАНА «НОВЬ»)

Головко Вячеслав Михайлович

Северо-Кавказский федеральный университет,

Ставрополь, Россия,

vmgolovko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5244-8972>

Аннотация. Актуальность исследования идей П. Л. Лаврова в творческой рецепции И. С. Тургенева обусловлена тем, что социальная философия «постепеновства снизу» автора «Нови» имела много точек соприкосновения с программой «революционного культурничества» этого народнического идеолога. В процессе работы над «Новью» Тургенев поддерживал активный диалог с Лавровым, одобрил третий вариант «Программы» его журнала «Вперед!», разделял установки на постепенную работу в народе в целях подготовки общественных преобразований. В связи с этим статья направлена на анализ общности представлений писателя и теоретика революционного народничества: понимание ими народных потребностей, знание законов народной жизни, стремление к изменениям в общественной жизни в интересах народа и силами самого народа. Показано, что целью Лаврова был социальный переворот во имя народного блага; целью Тургенева была мирная эволюция как путь достижения лучшего будущего России. Но идеи Лаврова оказали воздействие на воплощение образа Соломина в романе «Новь». Анализ творческого диалога Тургенева и Лаврова способствует конкретизации позиций «постепеновства снизу» писателя. Сделаны выводы о том, что позиция Тургенева, обосновывавшего не политические, а культурно-просветительские формы социальных преобразований, предвосхищала стратегию и тактику работы в народе идеологов культурного течения в реформаторском народничестве 1880–1890-х годов, второго этапа «хождения в народ». Анализ идей Лаврова подчиняется задачам изучения романа в парадигме социального эволюционизма Тургенева. Ведущими методами в исследовании являются сравнительно-исторический и типологический.

Ключевые слова: революционное народничество, реформаторское народничество, работа в народе, «постепеновство снизу», скромные труженики, народные потребности, роман-foresight.

Для цитирования: Головко, В. М. (2024). Идеи народнического теоретика П. Л. Лаврова в художественной рецепции И. С. Тургенева (из творческой истории романа «Новь»). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(53), 7–24. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.01>

Original article

UDC 821.161.1-31.09«18»

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.01

IDEAS OF POPULIST THEORIST PETR L. LAVROV AS REPRESENTED THROUGH IVAN. S. TURGENEV'S ARTISTIC RECEPTION (RELYING ON THE NOVEL «NOV» CREATIVE HISTORY)

Viacheslav M. Golovko

North-Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia,

vmgolovko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5244-8972>

Abstract. Studying the way Petr. L. Lavrov's ideas are exemplified in Ivan S. Turgenev's creative reception proves relevant due to the social philosophy of «gradualism from below» that is propagated in the «Nov» overlapping the program of «revolutionary culturalism». While working on the «Nov», Turgenev maintained an active dialogue with Lavrov, approved the third version of the «Program» that appeared in his revolutionary magazine «Forward!», and shared the goal of encouraging common people towards social reforms. In this regard, the article aims at analyzing the ideas the writer and the revolutionary populism theorist shared. They believed that such work should rely on understanding people's needs and knowing the laws of people's life development that changes in public life should be carried out in the interests of the people and by the people themselves. The article shows that Lavrov aspired for an inevitable social revolution, while Turgenev championed peaceful, gradual development as a way to achieve a better future for Russia. Nevertheless, Lavrov's ideas had a certain impact on the interpreting the image of Solomin in the novel «Nov». Analyzing the creative dialogue between Turgenev and Lavrov helps to specify the writer's views of the «gradualism from below». The findings reveal that Turgenev's «gradualism from below», which substantiated not political, but cultural and educational forms of social transformation, anticipated the strategy and tactics of ideological «Going to the People» movement by the cultural branch in the reformist populism of the 1880–1890s, i.e., the second stage of «Going to the People». Reflecting on Lavrov's ideas coincides with studying the novel in the paradigm of Turgenev's social evolutionism. The leading research methods are comparative historical and typological.

Keywords: revolutionary populism, reform populism, Going to the People, «gradualism from below», humble workers, people's needs, novel-foresight.

For citation: Golovko, V. M. (2024). Ideas of populist theorist Petr L. Lavrov as represented through Ivan S. Turgenev's artistic reception (relying on of the novel «Nov» creative history). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(53), 7–24. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.01>

Введение

Народническое окружение И. С. Тургенева давно привлекает внимание исследователей. Оно было актуализировано изданием в 1930 году сборника «И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеро-семидесятников» со вступительной статьей Н. К. Пиксанова (И. С. Тургенев в воспоминаниях..., 1930) и выходом двух томов «Литературного наследства», в которых была опубликована переписка Тургенева и Лаврова, неизданные воспоминания Г. А. Лопатина о Тургеневе, статьи, посвященные связям писателя с деятелями революционно-народнического движения (Литературное наследство, 1964, 1967). Что касается связей Тургенева с идеологами народнического движения, то рассматривались главным образом отношения писателя с революционерами-семидесятниками, как правило, в связи с «Новью». Это вполне объяснимо: в истории замысла романа, как и в «Бесах» Достоевского, сыграло свою роль «нечаевское дело», а на творческой истории «Нови» и на авторской ее самоинтерпретации отразились дискуссии писателя о характере общественного движения второй половины 1860-х – 1870-х годов и о деятелях этого времени с народниками-революционерами П. Л. Лавровым, Г. А. Лопатиным, П. А. Кропоткиным, С. Н. Кривенко, Н. В. Чайковским и др.

Материалы и методы

Практически не изученными остаются типологические связи автора «Нови» с движением реформаторского, легального (правого) народничества 1880–1890-х годов, что неизбежно актуализируется *при сравнительном анализе* притяжений и отталкиваний идей Тургенева и П. Л. Лаврова — во многом предшественников идеологии народников-культурников второго этапа народнического движения, в частности Я. В. Абрамова. Суждения писателя о типе общественного деятеля времени кризиса «хождения в народ», которые конкретизировались в ходе его творческого диалога с Лавровым, нашли отражение как в эпистолярной, в выступлениях писателя, так и в романе «Новь». Эти суждения совпадают с теми представлениями о герое времени, которые обнаруживаются в публицистике теоретиков реформаторского народничества эпохи второго «хождения в народ» «на великую культурную работу» (Абрамов, 1896, с. 227). Анализ творческого диалога Тургенева и Лаврова в таком проблемном контексте дает дополнительный материал для типологического изучения преемственных связей концепций «постепеновца» Тургенева

и идеологов «культурного течения» в легальном народничестве 1880–1890-х годов, поскольку из всех вождей революционного народничества 1870-х годов Лавров был ближе всех к идеям социальной философии как Тургенева, так и идеологов реформаторского народничества двух последних десятилетий XIX века.

Вопрос об идейно-творческих контактах Тургенева и Лаврова изучался Н. Ф. Будановой (Буданова, 1977) и Б. С. Итенбергом (Итенберг, 2006). Н. Ф. Буданова, рассматривая историю отношений Тургенева и Лаврова, полемику между «революционерами» и «легалистами» о выборе исторического пути России — революционного или мирного, — показала отношение автора «Нови» к тактике и стратегии народнического идеолога, придававшего большое значение подготовительному этапу в деле революционных преобразований в России. Дальнейшая исследовательская работа в этой области приобретает смысл только тогда, когда анализ отражения идей Лаврова на творческой истории «Нови» подчиняется задачам освещения программы «постепеновства снизу» автора романа, его видения тенденций цивилизационного и культурного развития страны с точки зрения преемственных связей революционного и реформаторского народничества и не замыкается рамками истории отношений писателя с революционерами-семидесятниками.

Результаты исследования

Тургенев в романе «Новь» (1876) и письмах середины 1870-х – начала 1880-х годов настойчиво пропагандировал стратегию и тактику «постепеновства снизу» в отрыве от политики, говорил об эпохе «скромных тружеников», «серых, одноцветных, народных людей», но «людей с идеалом» (Тургенев, 1960–1968, т. 12, с. 298, 299), пришедших на смену «блестящим натурам», «красивым и пленительным» Базаровым (Тургенев, 1960–1968, Письма, т. 10, с. 295–296). В письме А. П. Философовой 11 (23) сентября 1874 года писатель указывал на то, что в пореформенной России «народная жизнь переживает воспитательный период внутреннего, хорового развития, <...> ей нужны помощники — не вожаки, и лишь только тогда, когда этот период кончится, снова появятся крупные, оригинальные личности» (Тургенев, 1960–1968, т. 10, с. 296).

О том же писал выдающийся просветитель, идеолог «культурного течения» в реформаторском народничестве 1880–1890-х годов, прозаик и публицист Я. В. Абрамов. Его идеалом тоже является «среднего типа человек» — «не герой и не тряпка» (Абрамов, 1885, стб. 1412). Абрамов вслед за Тургеневым апеллировал в своих статьях к трудовой интеллигенции, ратовал за культурно-просветительскую деятельность в отрыве от политики (Мокшин, 2021, с. 106). «Нужда в таком человеке <...> способном на простое, честное дело, <...> великая, — подчеркивал он, — и будущее принадлежит ему» (Абрамов, 1885, стб. 1412).

Абрамов почти повторял автора «Нови», который устами Паклина утверждал, что «будущее <...> принадлежит» «серым, простым» Соломиным (Тургенев, 1960–1968, т. 12, с. 298, 299).

Исследования в области типологии общественно-политического и исторического мировоззрения Тургенева и народнических проповедников второго этапа «хождения в народ» пока только начинаются. Именно в этой перспективе нас привлекает творческий диалог писателя с одним из самых видных идеологов революционного народничества, который, предвосхищая народников-культурников 1880–1890-х годов, рассматривал работу в народе как программу широкой культурно-просветительской деятельности.

До сих пор недостаточно проясненным остается генезис идей социального эволюционизма Тургенева, его философии «постепенности», а вопрос о сопряженности социально-эволюционных идей с художественной метафизикой и натурфилософией этого великого писателя находится на стадии констатации многоуровневости его художественного мира (П. Н. Сакулин, Г. А. Бялый, Ю. М. Лотман и др.). Специальных исследований о «постепенности снизу» автора «Нови» мало (Задорожнюк, 2010; Головкин, 2017; Задорожнюк, 2020), в результате чего появляются работы, в которых социальные программы Тургенева отождествляются с заурядным либерализмом и даже с теорией малых дел. Это говорит о необходимости глубокого, комплексного изучения культурной ситуации в России после завершения революционной ситуации 1879–1881 годов.

Изучение творческих отношений Тургенева и Лаврова органично вписывается в перспективу анализа типологии социальной философии великого писателя и теоретиков реформаторского народничества 1880–1890-х годов. На точки соприкосновения «революционного культурничества» Лаврова и социальных концепций «культурника» Абрамова указывает, например, один из наиболее авторитетных современных историков-народниковедов Г. Н. Мокшин (Мокшин, 2021, с. 106).

Основой сближения идей Тургенева и Лаврова стали позиции демократического просветительства. То, что Тургенев не разделял позиций «вспышечников» (Тургенев, 1960–1968, т. 13, кн. 1, с. 73), т. е. сторонников радикальных общественных преобразований (Тургенев, 1960–1968, т. 13, кн. 2, с. 173; т. 12, кн. 1, с. 112, 132; т. 13, кн. 1, с. 103 и др.), вовсе не значит, что он не ценил деятельность народнической молодежи. Лавров верно подметил в своих воспоминаниях о Тургеневе: «История его научила, что никакие “реформы свыше” не даются без *давления* <...> снизу на власть; он искал силы, которая была бы способна произвести это давление, и в разные периоды его жизни ему представлялось, что эта сила может появиться в разных элементах русского общества» (Тургенев в воспоминаниях современников, 1983, т. 1, с. 353. Выделено Лавровым. — *В. Г.*). В революционном народничестве он усматривал силу, которая участвует в «историческом деле» (Тургенев в воспоминаниях современников, 1983, т. 1, с. 353), хотя, подчеркнем еще раз, тактику народников-революционеров никогда не разделял.

Понимая это, важно конкретизировать вопрос о том, как сам Тургенев в пору работы над «Новью» и в конце 1870-х — начале 1880-х годов трактовал суть своих «либерально-постепеновских» позиций. Разграничивая идеологические течения общественной жизни, писатель в «Речи на обеде в “Эрмитаже” 6/18 марта 1879 г.» и в открытом письме «Редактору “Вестника Европы”» 2 января 1880 года отделил «либерализм» 1840-х годов от либерализма конца 1870-х годов (с которым его постоянно отождествляют), подчеркивал просветительно-демократическую доминанту в мировоззрении «людей “сороковых годов”» и указывал на свою принадлежность к этому течению общественной мысли. В условиях революционного подъема конца 1870-х годов Тургенев дистанцировался от «трусливого русского либерализма», обращая внимание на то, что либералы «не способны ни к смелому делу, ни к риску, ни к жертве и что поэтому невозможна организация их в политическую партию с определенной программой...» (Тургенев в воспоминаниях современников, 1983, т. 1, с. 362).

Лавров, видевший первоначально в Тургеневе только либерала, признавал, что писатель имел «более чутья, чем его товарищи», «готов был сочувствовать и даже содействовать *всякой* нарождающейся силе, оппозиционной по отношению абсолютизма» (Тургенев в воспоминаниях современников, 1983, т. 1, с. 381. Выделено Лавровым. — В. Г.). В отличие от либералов Тургенев в обозначенный период не возлагал надежд на «реформы сверху» (Тургенев в воспоминаниях современников, 1983, т. 1, с. 379) и постоянно говорил о своих республиканских идеалах (Тургенев, 1960–1968, т. 9, с. 343, 351–352, 395, 399; т. 10, с. 162, 230).

Писатель, осознавая значимость конституции, был убежденным сторонником тех, кто делал ставку на «медленную и терпеливую» «работу в народе» во имя коренных социальных преобразований (Тургенев, 1960–1968, Письма, т. 10, с. 296). И в публицистической, и в художественной форме он выражал важную идею: «пора <...> бросить мысль о “сдвигании гор с места”, о крупных, громких и красивых результатах» (Тургенев, 1960–1968, Письма, т. 11, с. 33). В этом проявлялось объективное понимание общественной ситуации в России: «скромная деятельность» — это исторически обусловленное средство «постепенного развития» на данном социальном этапе русской жизни (Тургенев, 1960–1968, Письма, т. 10, с. 296). Подобные взгляды разделял и теоретик «культурного течения» в народничестве периода «второго хождения в народ» Я. В. Абрамов (Абрамов, 1896).

Именно такая идея воплощена в «Нови», в характере разработки сюжетной линии Марианна – Соломин. В связи с этим уместно напомнить, что Тургенев в письмах Я. П. Полонскому от 30 декабря 1876 года (11 января 1877 года) и 22 января (3 февраля) 1877 года назвал Соломина «главным лицом» романа (Тургенев, 1960–1968, Письма, т. 12, кн. 1, с. 52, 73. Выделено Тургеновым. — В. Г.).

Над «Новью» писатель работал с 1870 по 1876 год, а с февраля 1873-го по март 1876-го активно переписывался с Лавровым. Тематика их переписки вовсе не ограничивалась вопросами финансовой поддержки Тургеновым

бесцензурного революционного журнала «Вперед!» (1873–1877), который издавался этим народническим деятелем. Предметом напряженной дискуссии стала «Программа» журнала (Итенберг, 2006), третий вариант которой, рассчитанный на постепенную, длительную «работу в народе» в целях просветления его самосознания и подготовки к коренным социальным преобразованиям, был одобрен писателем, который в письме к Лаврову 1 (13) июля 1873 года заявил о своей согласии с главными положениями «Программы» (Тургенев, 1960–1968, Письма, т. 10, с. 123).

Автору «Нови» импонировали идеи Лаврова о необходимости «дать крестьянству то образование и то понимание его общественных потребностей, без которого оно никогда не сумеет воспользоваться своими легальными правами, <...> и никак не выйдет из-под эксплуатации меньшинства, даже в случае самого удачного переворота» (Лавров, 1934, с. 30). Это те «специально русские цели, которым должен содействовать всякий русский, желающий прогресса своему отечеству» (Лавров, 1934, с. 30), — утверждал редактор журнала «Вперед!».

Тургеневу, убежденному в том, что дело революционных народников, пытавшихся «разом» изменить общественный строй в России, «ложно и нежизненно» (Тургенев, 1960–1968, Письма, т. 12, кн. 1, с. 51, 44), были созвучны установки Лаврова. Народнический теоретик не призывал к искусственным революционным действиям (Лавров, 1934, с. 35). Он писал в программе журнала, что «будущий строй русского общества <...> должен воплотить в дело потребности большинства, им самим осознанные и понятые» (Лавров, 1934, с. 31). С Лавровым писателя сближало и глубокое понимание того, что «работа в народе» возможна только на основе знания «народных потребностей» и законов саморазвития народной жизни (Тургенев в воспоминаниях современников, 1983, т. 2, с. 163; Лавров, 1934, с. 36).

Закономерно, что «Программа» журнала «Вперед!» учитывалась писателем в период его идейных исканий после «Дыма», входила в число источников, к которым он обращался в процессе работы над романом «Новь». Современники Тургенева отмечали, что уже в конце 1870-х годов в ходе обсуждения «Нови» он не раз говорил о необходимости «возделывать и растить те общественные идеалы и нравственные принципы, которые кроются в... самой... народной среде» (Тургенев в воспоминаниях современников, 1983, т. 2, с. 163). И Лавров соотносил перспективы деятельности тех, кто «желал блага России», с пониманием задач развития народной жизни. «Вооружившись основательным знанием и усвоив народные потребности», надо, «став в ряды чернорабочих», «идти в народ», — убеждал он; надо «всю свою умственную подготовку <...> употребить <...> на уяснение своим братьям-труженикам того, на что они имеют право; того, к чему они обязаны стремиться во имя своего человеческого достоинства» (Лавров, 1934, с. 36).

Тургенев говорил о необходимости работы «полезных рабочих и народных слуг» (Тургенев, 1960–1968, Письма, т. 10, с. 296). А в беседе с С. Н. Кривенко

по поводу «Нови» он, имея в виду «постепеновца снизу» Соломина, утверждал, что только просветительская работа обеспечит «почву под ногами» таких деятелей: на этой почве они «могут твердо стоять и гораздо увереннее действовать» (Тургенев в воспоминаниях современников, 1983, т. 1, с. 419). С идеями программы журнала «Вперед!» Тургенев переключается, когда наделяет Соломина пониманием того, к каким печальным результатам приводит «отсутствие народа» в деятельности революционеров, так как «без этого самого народа... “ничего ты не поделаешь”» (Тургенев, 1960–1968, Сочинения, т. 12, с. 112, 323). Воплощая стремления, недовольство, надежды всех людей, Соломин делает «свое дело», которое, как ранее у Базарова, «вызвано... народным духом» (Тургенев, 1960–1968, Сочинения, т. 12, с. 223, 299; т. 8, с. 244). Соломин, в отличие от Нежданова, Маркелова, знал реальное положение народа и не идеализировал его.

Итак, «главное лицо» «Нови», Соломин, не человек фразы, а человек дела, действующий «правильно и разумно» (Тургенев, 1960–1968, Сочинения, т. 12, с. 299, 109). В характере изображения героя, тактики и стратегии его «постепеновства снизу» проявляются вполне ожидаемые переключки с установками Лаврова на «медленную и терпеливую» «работу в народе» в целях «уяснения народу русскому его истинных потребностей, его вечных прав, его грозных обязанностей, его могучей силы...» (Лавров, 1934, с. 39–40).

Деятельность Соломина и его единомышленника рабочего Павла генетически связана не с теорией и практикой малых дел, как может показаться при поверхностном рассмотрении вопроса, а оказывается гораздо ближе к конечным результатам «революционного культурничества» Лаврова, к его социалистическим идеалам. Как и автор «Программы» журнала «Вперед!», Соломин «не верит в близость <...> революции в России», считает, что народ к новой жизни «долго готовить надо — да и не так и не тому, как те», т. е. «петербургские революционеры» (Тургенев, 1960–1968, Сочинения, т. 12, с. 335, 291, 112. Выделено Тургеньевым. — В. Г.). Напомним, что оппонентом «тех» «петербургских революционеров» был именно Лавров, представлявший эволюционную тенденцию революционного народничества. Неслучайно он писал в рецензии «Новый роман г-на Тургеньева», посвященной «Нови», о том, что при таком положении дел, которое описано в произведении, «до русской революции <...> очень далеко» (Литературное наследство, 1967, с. 203).

Идеи Лаврова нашли отражение в романе Тургеньева при характеристике Соломина. Обратим внимание на положения третьего варианта «Программы» журнала «Вперед!». Не «призывая молодежь на новые бесполезные жертвы», Лавров писал: «Разом торжество наших целей осуществиться не может, <...> нужна подготовка, ясное понимание возможного в данную минуту. <...> В небольших прогрессивных явлениях мы постараемся указать *возможность* сделать из них почву дальнейшего прогресса» (Лавров, 1934, с. 23, 25–26. Выделено Лавровым. — В. Г.). В романе «Новь» «разом» призывают изменить

общественный строй России только «обезьяны» Маркеловых, Остродумовых, Машуриных (Тургенев, 1960–1968, Сочинения, т. 12, с. 145).

В тургеневском решении проблем общественного развития очевиден цивилизационный подход. В художественном творчестве писатель стремился воплотить мысль о необходимости просветительской деятельности в народе, о подготовке «постепенной реформы», а также того «сильного и внезапного», что может стать результатом не только революционных, но и эволюционных преобразований. Так уточнял он свои позиции в письме Лаврову 23 ноября (5 декабря) 1874 года (Тургенев, 1960–1968, Письма, т. 10, с. 331).

На этой почве укреплялся интерес Тургенева к социальным программам Лаврова, рассчитанным на подготовку общества к социалистическим преобразованиям. Идеал социализма был вовсе не чужд Тургеневу. Неслучайно Г. А. Лопатин в воспоминаниях об авторе «Нови» писал: «Тургенев допускал, что социализм, может быть, и будет венцом социального развития человечества. Но социализм рисовался ему в такой дали, что еле верилось в него. Ему казалось, что ни технические, ни экономические, ни моральные предпосылки не созрели еще для проведения его в жизнь...» (Тургенев в воспоминаниях современников, 1983, т. 1, с. 388–389). Такие убеждения укрепляли писателя на конструктивных позициях «постепенности снизу». Его вера в необходимость создания предпосылок сближала его с «революционным культурничеством» автора «Программы» журнала «Вперед!»: Лавров тоже отмечал, что достижение социализма как «общественного идеала» — дело «далекого будущего» (Лавров, 1934, с. 28).

Соломин, понимающий, что «разом» ничего изменить нельзя, готовит «почву» для продвижения вперед и, как говорит Нежданов, «идет себе да идет» по дороге, ведущей в «лучшее будущее» (Тургенев, 1960–1968, Сочинения, т. 12, с. 295, 280. Ср.: Лавров, 1934, с. 26). Организованный Соломиным завод, действующий на артельных началах в духе идей русского социализма Герцена, — это своего рода прообраз «общественного идеала... далекого будущего», реализация которого предполагает органическую связь социальных, экономических и культурных вопросов, что, по мнению Лаврова, может достигаться за счет «солидарности между отдельными лицами и обширной кооперации для общей цели» (Лавров, 1934, с. 28).

В феврале 1874 года, в период интенсивной работы над «Новью», Тургенев получил первый номер журнала «Вперед!», в котором была опубликована «Программа» журнала (Тургенев, 1960–1968, Письма, т. 10, с. 197). А в ноябре того же года писатель стал на сторону Лаврова в его идейной полемике с П. Н. Ткачевым, идеологом «русского бланкизма», рассчитывавшим на быстрые радикальные преобразования силами революционного меньшинства (см.: Тургенев, 1960–1968, Письма, т. 10, с. 330–331).

Идеи Лаврова, обращенные одновременно к сторонникам как радикального, так и конструктивного подходов к «делу» и постепенного развития сознания

народа, оказывали определенное воздействие на изображение в «Нови» деятельности Нежданова, Маркелова, Машуриной, Остроумова, с одной стороны, и Соломина, его помощников — с другой. Первые вполне закономерно не достигали ожидаемых результатов, поскольку не «работали в народе». Деятельность вторых оценивается автором как проектная и продуктивная.

Герои-народники «Нови», в отличие от Соломина, целиком погружаются в политическую жизнь. Тем самым, как говорит Соломин, они «даром губят» и себя, и других (Тургенев, 1960–1968, Сочинения, т. 12, с. 113). В письме А. П. Философовой от 11 (23) сентября 1874 года Тургенев так сформулировал эту мысль: «... Те, которые бросятся в политику, только даром погубят себя» (Тургенев, 1960–1968, Письма, т. 10, с. 295–296). В эпоху «хорового развития» народной жизни важны не политические требования, считал Тургенев, а культурно-просветительская и социальная работа в народе, что отражено в последнем романе писателя. Подобные установки реализовывались в теоретической и социальной практике деятелей не политического, а культурного течения в реформаторском народничестве 1880–1890-х годов (Мокшин, 2021). В такой деятельности во многих проявлениях осуществлялся синтез идей демократического просветительства («постепеновца снизу») Тургенева и «революционного культурника» Лаврова.

Если Тургенев и Лавров в тактике, отрицающей возможности социальных перемен действиями «разом», сближались максимально, то в стратегии достижения дальнейшего прогресса их взгляды расходились. Целью Лаврова было «мирное, постепенное» развитие как путь достижения «лучшей будущности» народной России (Лавров, 1934, с. 35, 22, 31; Тургенев в воспоминаниях современников, 1983, т. 1, с. 368, 383), содействии тому, чтобы «народная революция стала необходимой», так как «исцелить раны... России» может именно «народное восстание» (Лавров, 1934, с. 22). Тургенев реальной силой, способной «исцелить общественные раны», считал «практиков», «постепеновцев снизу», которые, как говорит в романе Паклин, «дела своего не оставят», «продолбят» его (Тургенев, 1960–1968, Сочинения, т. 12, с. 295). Вот почему писатель подчеркивал, что политические убеждения его и Лаврова «различны», напоминал, что народнический идеолог упрекал его за сопротивление «развитию революционной мысли в России» (Тургенев, 1960–1968, Письма, т. 13, кн. 1, с. 369). Тем не менее Тургенев «находил деятельность» Лаврова «полезной, несмотря на неизбежные “drawbacks”» (Тургенев, 1960–1968, Письма, т. 11, с. 48).

Суть программы Соломина — в конкретизации идей социального эволюционизма («постепеновцы до сих пор шли сверху <...> а мы попробуем снизу»), постепенного усовершенствования общественной жизни (Тургенев, 1960–1968, Сочинения, т. 15, с. 60). Социальную философию и практику «постепеновства снизу» писатель активно отстаивал в 1870-е и в начале 1880-х годов в качестве альтернативы революционным концепциям, а в социально-философском плане — в противовес идеям социального активизма в формах массового и элитарного революционаризма. Лавров тоже полемизировал со многими теоретиками

и практиками революционного народничества (М. А. Бакунин, П. Н. Ткачев, С. Г. Нечаев, П. Г. Заичневский и др.), прежде всего по вопросу «навязывания народу революционных идей» (Лавров, 1934, с. 31). С Тургеневым он солидаризировался в критике «парламентских говорунов» и либеральных «реформ сверху» (Лавров, 1934, с. 29; Тургенев в воспоминаниях современников, 1983, т. 1, с. 356), в более чем скромных результатах которых автор «Нови» убеждался все больше и больше (Тургенев, 1960–1968, Письма, т. 12, кн. 1, с. 26). У Тургенева в условиях кризиса «хождения в народ» революционеров-семидесятников и реформистской деятельности «верхов» концепция «постепеновства снизу» наполнялась конкретным содержанием: утверждением исторической роли «народных людей» (Тургенев, 1960–1968, Письма, т. 10, с. 295–296). Устами Паклина в романе выражена мысль о том, что именно они «суть настоящие» (Тургенев, 1960–1968, Сочинения, т. 12, с. 298).

Общественные деятели соломинского типа, «способные на простое, честное дело», их единомышленники и последователи (см.: Абрамов, 1885; Абрамов, 1896), по словам Тургенева, «продолжали дело», начатое поколением сороковых годов (Тургенев, 1960–1968, Сочинения, т. 15, с. 59). В многочисленных тургеневских статьях, речах, открытых письмах (своего рода публицистических параллелях к роману «Новь») фиксируются типологические связи идеологов «постепеновства снизу» (позже и теоретиков реформаторского народничества 1880–1890-х годов) с демократическим просветительством 1840-х годов, в котором укоренены интенции философии социального эволюционизма Тургенева. Показательно, что «постепеновец снизу» Соломин не ограничивается лишь распространением образованности, не сводит свое дело только к организации школы и больницы, как предусматривалось в «Программе» журнала «Вперед!». Это говорит о том, что образование было лишь одним из компонентов концепции «просвещения» героя «Нови», одной из многих его целей, которыми наделил героя Тургенев, переключаясь с идеями Лаврова. Программа народнического просветителя эпохи реформаторского народничества Я. В. Абрамова также предусматривала ближайшие и перспективные цели как закономерный результат эволюционного развития, перетекание «малых дел» в «великие дела», кардинальное изменение самой сути «общественного порядка» во имя «обращения человека... в более высокий тип», во имя торжества идеалов гуманизма и социальной справедливости (Абрамов, 1896, с. 218).

Социальные идеи главного персонажа романа затрагивали столь широкий спектр экономической, культурной, просветительской деятельности, что позволили Паклину назвать Соломина «исцелителем общественных ран» (Тургенев, 1960–1968, Сочинения, т. 12, с. 295). Он действительно «отличный образчик русской сути, русской жизни»: его «сердце тем же болеет», чем и у всех людей, «ненавидит он то же», что и любой другой человек; для него «идти в народ» означает не что иное, как «трудиться для него» (Тургенев, 1960–1968, Сочинения, т. 12, с. 121, 299, 188).

В советском литературоведении такие оценки деятельности Соломина героями романа игнорировались, вся его деятельность сводилась к тому, что определяется термином «малые дела». Теория малых дел народнических идеологов трактовалась в исторической и филологической науках тех лет односторонне, в целом негативными были характеристики деятельности так называемого либерального народничества, а концепции представителей разных течений в народничестве 1880–1890-х годов не дифференцировались. Это оказывало влияние на историю изучения творчества позднего Тургенева. Пересмотр оценок реформаторского народничества начался в 1990-е годы благодаря исследовательским инициативам ученых-историков: В. И. Харламова, В. В. Зверева, Б. П. Балугева, С. Я. Новака, Г. Н. Мокшина и др. В свете преемственности идей «постепеновства снизу» Тургенева и народников-культурников открывается перспектива трактовки писателем вопроса о деятеле переходного времени, «воспитательного периода» развития народной жизни (Тургенев, 1960–1968, Письма, т. 10, с. 296) и дальнейших эпох. Это показывает, что программа демократического просветительства Тургенева не была плодом головных решений; напротив, она основывалась на глубоком анализе реального положения дел в стране и на методологических основах социально-философского эволюционизма, определявшего суть демократического просветительства и цели цивилизационного прогресса.

В эпилоге романа устами Паклина дана характеристика Соломина, напоминающая «формулярный список» героя, предназначенный для «продолжения» произведения. Тургенев и сам обращал на это внимание: «“Новь” ведь у меня не кончена, — говорил он С. Н. Кривенко. — Я удивляюсь, как это не заметили. <...> Как бы мне хотелось, если только буду в состоянии, написать продолжение или что-нибудь подобное на ту же тему» (Тургенев в воспоминаниях современников, 1983, т. 1, с. 420). Это говорит о том, что образ Соломина, занимающий особую роль в системе тургеневских персонажей (Durand-Lapitskaïa, 1993), является проектным образом, т. е. героем будущего. Вот почему писатель в подготовительных материалах «Нови» подчеркнул, что Соломин «не должен представляться читателям как буржуа...» (Тургенев, 1960–1968, Сочинения, т. 12, с. 315. Выделено Тургеневым. — В. Г.). В обосновании закономерности появления такого «героя времени» Тургенев вполне мог опираться на идеи «революционного культурничества» Лаврова, решающего политическим путем те же самые проблемы русской жизни. Но опираться до известного предела, т. е. до момента пропаганды народническим идеологом революционных средств достижения социалистического идеала.

Для художественной интерпретации темы «постепеновства снизу» в романе «Новь» важна сама методология социально-философского мышления писателя, важна в той же мере, как для Д. И. Менделеева, убежденного в том, что в качестве альтернативы революции «постепеновство будет брать верх», что «главными»

могут быть «перемены» только «постепеновско-эволюционного характера» (Менделеев, 1905). Это было сказано ученым спустя два с лишним десятилетия после появления «Нови». Что касается автора романа, то он не абсолютизировал деятельность ни «героев или художников труда», ни «скромных тружеников» (Тургенев, 1960–1968, Письма, т. 10, с. 295, 296), поскольку тип общественного деятеля той или иной эпохи определяется конкретно-историческими условиями. Но в оценке деятельности поколений Тургеневым общей была методология социально-философского эволюционизма и утверждения идеала постепенного развития общественной жизни.

В свете этого идеала в романе дается ощущение героями «русской жизни» с точки зрения того, к чему устремлена «безымянная Русь» (Тургенев, 1960–1968, Сочинения, т. 12, с. 121, 300). Существует традиция связывать концепт «безымянная Русь» эпилога «Нови» с предисловием Лаврова к первому тому журнала «Вперед!», вышедшего в Цюрихе в августе 1873 года. Но данный концепт содержательно связан не с лавровской идеей «безымянной России», а с программой постепенного, мирного национального развития, предвосхитившей социально-философские идеи реформаторского народничества и любые последующие концепции социально-эволюционного развития страны.

Напомним этот эпилог. Роман завершается диалогом Паклина и Мушуриной:

— Или вами распоряжается безымянный какой? — Машурина уже перешагнула порог.

— А может быть и безымянный!

Она захлопнула дверь. <...> Паклин долго стоял неподвижно перед этой закрытой дверью.

“Безымянная Русь!” — сказал он наконец».

(Тургенев, 1960–1968, Сочинения, т. 12, с. 300)

Н. Ф. Буданова полагает, что образ «безымянной Руси» восходит к следующему тезису из «Предисловия» к «Программе»: «У нас нет имен. Мы — все русские, требующие для России господства народа, <...> сознающие, что это господство может быть достигнуто лишь народным восстанием и решившиеся подготовить это восстание...» (Лавров, 1934, с. 22; Буданова, 1977, с. 106–109).

Тургенев, разумеется, знал это «Предисловие» (см.: Тургенев, 1960–1968, Письма, т. 10, с. 197). Способность борца за общее благо на «безымянную жертву» высоко ценилась писателем (Тургенев в воспоминаниях современников, 1983, т. 1, с. 418–419), что, скорее всего, и дало основание Н. Ф. Будановой сделать вывод о том, что «для Тургенева “безымянная Русь” олицетворяла собой прежде всего русских революционеров» (Буданова, 1977, с. 107). Подобной точки зрения придерживались и придерживаются многие исследователи (Г. А. Бялый, Л. М. Лотман, В. К. Кантор и др.). В свое время В. В. Воровский с образом «безымянной Руси» связывал поколение Чернышевского и Добролюбова (Воровский, 1908).

Несмотря на некоторые точки соприкосновения Тургенева с идеями Лаврова, смысл финала романа «Новь» не может исчерпываться мотивом «у нас нет имен». Здесь важнее другое: ведь связь романной кульминации (приобщение Соломина и Марианны к решению задач общенациональной жизни) с образом «безымянной Руси» как *народной* Руси в финале романа наполняется смыслом в результате того, что именно формы «работы в народе» в системе «постепеновства снизу» сюжетно опредмечены как потенциально результативные — в противовес действиям героев-народников, революционеров донкихотского склада (Машуриной, Остродумова, Маркелова), которые имели в виду именно «социальный переворот» и призывали «немедленно “приступить”...» (Тургенев, 1960–1968, Сочинения, т. 12, с. 84).

Кроме того, следует учитывать, что понятия «безымянная Русь» и субстантивированное «безымянный какой» (в данном случае конспиративный, скрытный, не относящийся к числу тех, кого имел в виду Лавров, когда писал о «всех русских» независимо от их «имен») по своей художественной семантике совершенно различные. Идея революционности не связывает два семантических аспекта «безымянности» в пределах даже эпилога романа «Новь», и маловероятно, чтобы образ Руси писатель соотносил с «безымянными какими». Это разные сущности. Идея «безымянной Руси» не ассоциируется с идеей Лаврова о «безымянности» в смысле множественности, присутствия всюду тех, кто готов был «действовать сообща» в «народном восстании» (Лавров, 1934, с. 27, 22). К революционному множеству «не имеющих имен» образ «безымянной Руси» еще и потому вряд ли имеет отношение, что у Тургенева и Лаврова цели и средства идеала, как уже говорилось, различались принципиально. «Безымянная Русь» — это народ как целое, которое охватывает всех, в том числе самоотверженных героев, способных на «безымянную жертву».

Тексты «Нови» и «Предисловия к первому тому журнала “Вперед!”» содержат общие концепты-метафоры: «раны общества», «общее дело», «разом»/«внезапно» и т. д. (ср.: Тургенев, 1960–1968, Сочинения, т. 12, с. 295, 18, 280; Лавров, 1934, с. 22, 25). Но строго привязывать последнюю фразу Паклина к диалогу с Машуриной, оказавшейся по отношению к нему по другую сторону, смысла нет: Паклину гораздо ближе «народные люди» Соломины, стоящие на «настоящей, исконной... дороге» России (Тургенев, 1960–1968, Сочинения, т. 12, с. 298, 299). Социально-философская прогностика эволюциониста Тургенева не согласуется и с прочтением финала как указанием на то, что «Россия еще не нашла себя <...> и являет собой неосвоенные просторы нераспаханной почвы» (Кривина, 2016, с. 916). В такой интерпретации исчезает основная интенция автора, связанная с обоснованием перспектив социокультурного прогресса России, игнорируется жанровая специфика «Нови», обусловленная указанной художественно-философской прогностикой ее автора.

Что же касается тургеневских «постепеновцев снизу», то их максимальное сближение с народом является, по справедливому утверждению Г. А. Тиме,

воплощением идеи «социальной соборности», выражением возвращения к «хоровым началам» народной жизни (Тиме, 2011). При такой интерпретации образа «безымянной Руси» его источники обнаруживаются в публицистике А. И. Герцена, К. С. Аксакова, Ф. М. Достоевского (Тиме, 2011, с. 155). Соломин как иной тип общественного человека, по сравнению с Дон-Кихотами «Нови», чувствует исторические потребности «безымянной Руси» в силу своей соприродности народу как целому. В этом смысле он относится к числу «народных людей» (Тургенев, 1960–1968, Сочинения, т. 12, с. 298).

Заключение

В «Нови», «романе-предвидении», «романе-foresight», реализуется новая художественная методология, связанная с определением возможного будущего, стратегий перестройки общественной жизни и создания социума нового типа, с прогнозированием ожидаемого социально активного деятеля. Народная, «безымянная Русь» — это «новь», т. е., как указывается в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, «нѣпашь», «залог», «целина», и подымать целину, обновлять страну должны «полезные», «трезвые» «постепеновцы снизу», образованные люди, основным инструментом, «плугом» которых будет просвещение в широком значении этого слова — от движения мысли до принципиального обновления во всех сферах социума.

Современные специалисты в области социальной философии находят в тургеневской «Нови» прогнозы многих общественно-исторических реалий России конца XIX–XX веков (Задорожнюк, 2020). Социально-философская идея эволюционизма одушевляла поколение общественных деятелей России двух последних десятилетий XIX века — теоретиков и практиков реформаторского, легального народничества, реализовывавших программы демократического просветительства (Зверев, 2023, с. 103–175).

Тургеневские прогнозы культурно-просветительской деятельности в народе во имя «лучшей будущности России» (П. Л. Лавров), постепенных преобразований силами народа и в интересах народа отзвучат в программах легальных народников 1880–1890-х годов (см.: Мокшин, 2021). Эту стратегию Тургенев не увязывал только с деятельностью «скромных тружеников», он придавал ей универсально-эволюционный характер. На следующем историческом этапе эта стратегия и тактика могли реализовываться иными общественными силами, востребованными другим временем. Это еще раз подтверждает обоснованность предвидений Тургенева, мыслителя и художника, который социальную философию «постепеновства снизу» трактовал в методологической парадигме универсального эволюционизма.

Список источников

1. И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. (1930). Н. К. Пиксанов (Ред.). Academia.
2. Литературное наследство. Т. LXXIII: Из парижского архива И. С. Тургенева: в 2 кн. (1964). А. Н. Дубовиков, И. С. Зильберштейн (Ред.). Кн. 1: Неизданные произведения И. С. Тургенева, Кн. 2: Из неизданной переписки. Наука.
3. Литературное наследство. Т. LXXVI: И. С. Тургенев. Новые материалы и исследования. (1967). А. Н. Дубовиков, И. С. Зильберштейн (Ред.). Наука.
4. Абрамов, Я. В. (1896). Малые и великие дела. Книжки «Недели»: Ежемесячный литературный журнал, 7, 214–227.
5. Буданова, Н. Ф. (1977). Тургенев и Лавров в 70-е годы. («Непериодическое обозрение» «Вперед!» как источник «Нови»). В М. П. Алексеев, А. И. Батюто, Н. Ф. Буданова и др. & М. П. Алексеев (Ред.). Тургенев и его современники, 88–109. Наука.
6. Итенберг, Б. С. (2006). Иван Тургенев и Петр Лавров. Вопросы литературы, 6, 198–225.
7. Тургенев, И. С. (1960–1968). Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. Наука.
8. [Абрамов, Я. В.] (1885). Стоит ли работать в деревне? Неделя, 41, 1412.
9. Задорожнюк, И. Е. (2010). Постоянство постепенности или пароксизмы революционаризма? Вопросы философии, 6, 89–102.
10. Головкин, В. М. (2017). «Постепенность снизу» как выражение позиций демократического просветительства И. С. Тургенева. Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 2(26), 8–17.
11. Задорожнюк, И. Е. (2020). Постепенность «сверху» и «снизу»: И. Тургенев и Н. Лесков о характере социальных перемен. Свободная мысль, 4(1682), 204–217.
12. Мокшин, Г. Н. (2021). Основы культурного народничества Я. В. Абрамова. В В. М. Головкин (Ред.). Я. В. Абрамов и его эпоха (с. 115–126). Коллективная монография. Флинта.
13. И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. (1983). Художественная литература.
14. Лавров, П. Л. (1934). Избранные сочинения на социально-политические темы: в 8 т. Т. 1–4. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев.
15. Durand-Lapitskaïa, I. (1993). *Le Roman De Tourgueniev «terres Vierges» Et L'évolution Des Personnages Tourgueniéviens* [Dissertation for Doctor of Philosophy. Paris]. Université Paris-Sorbonne.
16. Менделеев, Д. И. (1905). Заветные мысли. (2024, 14 января). https://iphras.ru/elib/Mendeleev_Zavetnye_mysli.html
17. Воронский, В. В. (1908). Памяти «Неистового Виссариона». (2024, 14 января). http://az.lib.ru/w/worowskij_w_w/text_0080.shtml
18. Кривина, Т. М. (2016). «Новь» Тургенева в переводе Майкла Персглава: современный текст романа. В Л. А. Балькова, Н. П. Генералова, Н. Г. Жекулин, В. А. Лукина и др. & Н. П. Генералова, В. А. Лукина (Ред.). И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы, IV, 894–916. Альянс-Архео.
19. Тиме, Г. А. (2011). Пути примирения философских противоречий: безымянная Русь и феномен серого человека. Тиме Г. А. Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX–XX веков, 147–166. Нестор-История.

20. Зверев, В. В. (2023). *Роль В. П. Воронцова в эволюции народнической доктрины (вторая половина XIX – начало XX в.)*. Российский университет дружбы народов.

References

1. *I. S. Turgenev as remembered by revolutionaries of the 70s*. (1930). N. K. Piksarov (Ed.). Academia. (In Russ.).
2. *Literary heritage. Vol. LXXIII: From the Parisian archive of I. S. Turgenev*: in 2 books. (1964). A. N. Dubovikov & I. S. Zilberstein (Eds.). Book 1: Unpublished works of I. S. Turgenev, Book 2: From unpublished correspondence. Nauka. (In Russ.).
3. *Literary heritage. Vol. LXXVI: I. S. Turgenev. New materials and research*. (1967). A. N. Dubovikov & I. S. Zilberstein (Eds.). Nauka. (In Russ.).
4. Abramov, Ya. V. (1896). Small and great things. *Books of the Week: Monthly Literary Magazine*, 7, 214–227. (In Russ.).
5. Budanova, N. F. (1977). Turgenev and Lavrov in the 70s. («Non-periodic review» «Forward!» as a source of «Nov»). In M. P. Alekseev, A. I. Batyuto, N. F. Budanova et al. (Eds.). *Turgenev and his contemporaries*, 88–109. Nauka. (In Russ.).
6. Itenberg, B. S. (2006). Ivan Turgenev and Piotr Lavrov. *Voprosy literatury*, 6, 198–225. (In Russ.).
7. Turgenev, I. S. (1960–1968). *Complete collection of works and letters*: in 28 vols. Nauka. (In Russ.).
8. [Abramov, Ya. V.] (1885). Is it worth working in the village? *Nedelya*, 41, 1412. (In Russ.).
9. Zadorozhnyuk, I. E. (2010). The constancy of gradualism or the paroxysms of revolutionism? *Voprosy filosofii*, 6, 89–102. (In Russ.).
10. Golovko, V. M. (2017). «Gradualism from below» as an expression of the positions of the democratic enlightenment of I. S. Turgenev. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(26), 8–17. (In Russ.).
11. Zadorozhnyuk, I. E. (2020). Gradualism «from above» and «from below»: I. Turgenev and N. Leskov on the nature of social change. *Svobodnaya mysl'*, 4(1682), 204–217. (In Russ.).
12. Mokshin, G. N. (2021). Fundamentals of cultural populism of Y. V. Abramov. In V. M. Golovko (Ed.). *Y. V. Abramov and his era* (pp. 115–126). Collective monograph. Flinta. (In Russ.).
13. *I. S. Turgenev in the memoirs of his contemporaries*: in 2 vols. (1983). Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
14. Lavrov, P. L. (1934). *Selected essays on socio-political topics*: in 8 vols. Vol. 1–4. All-Union community of political prisoners and exiled settlers. (In Russ.).
15. Durand-Lapitskaïa, I. (1993). *Le roman de Tourgueniev «Terres Vierges» et l'évolution des personnages tourgueniéviens* [Dissertation for Doctor of Philosophy. Paris]. Université Paris-Sorbonne. (In French).
16. Mendeleev, D. I. (1905). *Treasured thoughts*. (2024, January 14). https://iphras.ru/elib/Mendeleev_Zavetnye_mysli.html (In Russ.).
17. Vorovskiy, V. V. (1908). *In memory of «Furious Vissarion»*. (2024, January 14). http://az.lib.ru/w/worowskij_w_w/text_0080.shtml (In Russ.).
18. Krivina, T. M. (2016). «Nov» by Turgenev translated by Michael Pursglava: modern text of the novel. In L. A. Balykova, N. P. Generalova, N. G. Zhekulin, V. A. Lukina et al (Eds.). *I. S. Turgenev. New Research and Materials IV*, 894–916. Al'yans-Arkheo. (In Russ.).

19. Time, G. A. (2011). Ways to reconcile philosophical contradictions: nameless Rus' and the phenomenon of the gray man. In Time G. A. *Russia and Germany: philosophical discourse in Russian literature of the 19th – 20th centuries*, 147–166. Nestor-Istoriya. (In Russ.).

20. Zverev, V. V. (2023). *The role of V. P. Vorontsov in the evolution of the populist doctrine (second half of the 19th – early 20th centuries)*. Peoples' Friendship University of Russia. (In Russ.).

Информация об авторе

Вячеслав Михайлович Головки — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета.

Information about the author

Vyacheslav M. Golovko — Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian and World Literature, North-Caucasus Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 821.161.1.09«18/19»

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.02

ПОЭТИКА ДОСТОВЕРНОСТИ (ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И Г. ГАЗДАНОВА)

Романова Галина Ивановна¹,

Смирнова Альфия Исламовна²

^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

¹ galinroma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6173-2411>

² alfia-smirnova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9198-548X>

Аннотация. Рассмотрена специфика художественного мира реалистических романов Ф. М. Достоевского и модернистских произведений Г. Газданова. Анализируется такая черта поэтики обоих авторов, как достоверность (жизнеподобие) изображения действительности, ее конкретики, достигаемой своеобразным сочетанием реального и фантастического, обрисовки объектов действительности с точки зрения персонажей. Понятие достоверности изображения мира в произведениях писателей не сводится к упрощенно понимаемому жизнеподобию или правдоподобию, оно расширяет границы художественной картины мира. Утверждается, что реалистическое и условное органично соотносятся и продуцируют смыслы, раскрывающие индивидуальный художественный мир произведения каждого из писателей. Достоверность («физиологичность») изображения художественных картин повседневного быта и городской жизни в творчестве Достоевского в ряде случаев рассматривается как основа для изучения конкретно-исторической реальности с привлечением исторических свидетельств, в том числе государственных документов XIX века. В продолжение традиции Достоевского Газданов-романист стремится к «жизнеподобному» изображению, воплощению предметного мира, сюжета и системы персонажей, за которыми стоят подлинные истории их жизни и реальные события. Эффект достоверности достигается разными средствами, позволяя скрыть условность литературных форм. В обоих случаях стихийности и хаотичности сюжетных событий противостоит упорядоченность вечных морально-нравственных ценностей. Делается вывод о том, что специфика творческого метода, проявляющаяся в создании метапредметной сферы произведений, не исключает сходства поэтики писателей, представляющих разные художественно-эстетические системы.

Ключевые слова: поэтика достоверности, художественный мир, Ф. Достоевский, Г. Газданов, хронотоп, сюжет, персонажи.

Для цитирования: Романова, Г. И., Смирнова, А. И. (2024). Поэтика достоверности (художественный мир произведений Ф. М. Достоевского и Г. Газданова). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(53), 25–36. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.02>

© Романова Г. И., Смирнова А. И., 2024

Original article

UDC 821.161.1.09«18/19»

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.02

**AUTHENTICITY POETICS
(LITERARY WORLD OF FYODOR
M. DOSTOEVSKY'S AND GAITO GAZDANOV'S)****Galina I. Romanova¹,****Alfia I. Smirnova²**^{1,2} Moscow City University,

Moscow, Russia,

¹ galinroma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6173-2411>² alfia-smirnova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9198-548X>

Abstract. The focus is on the artistic features of F. M. Dostoevsky's realistic novels and G. Gazdanov's modernist works. The article analyses such a poetic feature common for both authors as the reliable (life-like) depiction of reality, its concreteness, achieved by a special combination of the real and the fantastic, outlining real objects from the characters' stance. The notion of world image reliability in the works under study is not reduced to a simplistically understood life-similarity or plausibility; it expands the boundaries of the artistic picture of the world. The article emphasizes that realistic and conventional organically correlate to produce meanings that reveal the individual artistic world of each writer's work. The credibility («physiological») of depicting the artistic pictures of everyday routine and urban life in Dostoevsky's works forms the certain basis for studying the concrete-historical reality with the involvement of historical evidence, including the 19th century state documents. In continuation of Dostoevsky's tradition, Gazdanov-novelist strives for «life-like» depiction, which is the embodiment of the subject world, plot and character system, behind which there are true stories of their lives and real events. The effect of authenticity is achieved by different means, allowing to hide the conventionality of literary forms. In both cases, the spontaneity and randomness of plot events are countered by the orderliness of eternal moral and ethical values. The findings prove that the specific features of the creative method as manifested in the meta-subject sphere of works, contribute to the poetics of writers being similar though belonging to different artistic and aesthetic systems.

Keywords: authenticity poetics, the world of the literary work, F. Dostoevsky, G. Gazdanov, chronotope, plot, characters.

For citation: Romanova, G. I., Smirnova, A. I. (2024). Authenticity poetics (Literary world of Fyodor M. Dostoevsky's and Gaito Gazdanov's). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(53), 25–36. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.02>

Введение

Поэтика литературного произведения — один из актуальнейших вопросов современного литературоведения, что связано и с общими методологическими поисками в науке, и с разработкой проблемы художественного метода как комплекса принципов и приемов художественного освоения действительности. Важнейший аспект поэтики произведения — изучение его художественного мира (поэтической реальности), включающего в себя пространственно-временную организацию, персонажей и их систему, сюжетные события. Мировоззренческие основы миромоделирования (Мейлах, 1983), специфика картин, их образность и символичность остаются в центре внимания исследователей (Романова, 2017). При этом такое качество, как *достоверность* (жизнеподобие, правдоподобие) изображения жизни, свойственное произведениям разных эпох и направлений, еще не было рассмотрено. Эта черта присуща как произведениям самых ранних эпох, так и литературе новейшего времени (Барнашова, 2013), хотя правдивость жизненных картин признается важнейшей чертой реалистического изображения, понимаемого как противопоставление нормативному (абстрактному, идеальному) (Певак, 2018). Отметим, что понятие достоверности не отрицает (хотя часто заслоняет) аксиому об *условности* любого изображения в искусстве. Жизнеподобное изображение создает иллюзию реальности представленного в произведении, максимально скрывая условность литературных форм.

С обращением к такому аспекту литературы XIX и XX веков, как жизнеподобие (создание впечатления безобразности) художественного мира, связана новизна работы. Ее цель — рассмотреть сходство в художественном мире произведений классического реализма (Ф. М. Достоевского) и модернизма (Г. Газданова), связанное со стремлением писателей достоверно воспроизвести конкретику жизни.

Результаты исследования

В произведениях Достоевского предметный мир низший, фабулический, по определению Вяч. Иванова (Иванов, 1987), уровень романа-трагедии, но является основой и психологического, и метафизического слоев содержания. Именно он воспринимается как образное воплощение смысла произведения и определяет читательские интерпретации, чем обусловлена значимость изучения этого аспекта формы: пространства и времени (пейзаж, интерьер), персонажей, сюжетов.

Мир романов Достоевского наряду с предметами включает в себя и изображение невещественных явлений (идей, теорий), а также «информационное пространство, в формировании которого наряду с фактами реальной жизни —

происшествиями, событиями, поступками, лицами, предметами, пространством, временем и другими обстоятельствами, важнейшую роль играют факты виртуального характера — сообщения, свидетельства, рассказы, признания, слухи, догадки, обличения, теории, гипотезы, дезинформация и т. п.» (Фокин, 2018, с. 71).

В творчестве Достоевского создан незабываемый образ Петербурга, который воспринимается настолько достоверным, что, наряду с давно вошедшими в педагогическую практику исследованиями, появляются и в наши дни работы, в которых продолжают попытки обнаружения мест совершения сюжетных (вымышленных) действий. Однако специфика петербургского пейзажа не является результатом словесной фотографии (дагерротипа), как это характерно для физиологического очерка. Особенную убедительность городским картинам придает явно ощущаемая субъективность точки зрения, с которой даются описания. Окружающая героев реальность передана в восприятии персонажей. Этому приему писатель придавал особое значение: «... в том-то и весь вопрос: на чей взгляд...? чтоб только приметить факт, нужно тоже в своем роде художника» (Достоевский, 1994, т. 13, с. 319). Реалистичность описания выражается в достоверности впечатления.

Мрачная атмосфера пронизывает место действия романов: тяжелый, нездоровый климат (душное и пыльное лето, зима с пронизывающим ветром и мокрым снегом), безрадостные картины бедных кварталов с доходными и публичными домами, распивочными и трактирами, полицейскими участками. Историки рассматривают достоверность изображения, в ряде случаев оспаривая точность (физиологичность) художественных картин повседневного быта и городской жизни, ссылаясь на государственные документы XIX века (Деханова, 2023). Концентрация негативных деталей, событий, переживаний воспринимается как характерная черта стиля писателя, неоднократно отмеченная критиками и давшая основания для появления определения «достоевщина».

Конкретно-исторические картины в произведениях Достоевского сочетаются с элементами *фантастического* (обозначение не высшей степени качества или редкого явления, а необычного, нереального). Как оценка слово «фантастический» звучит, например, в суждениях писателя об истине: «Истина поэтичнее всего, что есть в свете, особенно в самом чистом своем состоянии; мало того, даже фантастичнее всего, что мог бы налгать и напредставить себе <...> ум человеческий. В России истина почти всегда имеет характер вполне фантастический» (Достоевский, 1994, т. 12, с. 141). Фантастика в мире Достоевского имеет преимущественно мистический оттенок или психологическую основу (например, галлюцинации Ивана Карамазова в романе «Братья Карамазовы»), показывая особенности восприятия и переживания персонажами реальности. К фантастическим событиям можно отнести в первую очередь те, на которые содержатся указания в речи героев или повествователя, передающие их восприятие. «Не рассудок, так бес!» — подумал Раскольников,

случайно обнаружив топор в дворницкой. С этой точки зрения фантастическое — это странные совпадения, мистические знаки, зависимость от «чар, от колдовства, обаяния, от наваждения» (Достоевский, 1989, т. 5, с. 60). Как фантастические осознаются и неожиданные события, когда мотивировка происходящего неочевидна и проявляется позже. Так воспринимает Раскольников преследующего его мещанина, решившего, что студент — «убийца». Непостижимая прозорливость оказывается проявлением обидчивости и подозрительности характера незнакомца («обидно мне стало»). Условно фантастическими можно назвать и трагикомические фантазии Катерины Ивановны Мармеладовой в «Преступлении и наказании», и небылицы патологических лжецов и фантазеров, например генерала Иволгина в романе «Идиот». Несмотря на долгую традицию изучения данного аспекта поэтики Достоевского (Захаров, 2008), тема фантастического в мире писателя требует дальнейшего изучения.

Романы великого пятикнижия густонаселены: в них представлены разнообразные слои городских жителей, с чем связана постановка социальных проблем, характерных для социально-психологического повествования. Система персонажей произведений преимущественно моноцентрична, что говорит о тщательной продуманности плана и, соответственно, условности художественного мира. Так, Раскольников как центральный персонаж «Преступления и наказания» соединяет всех других действующих лиц, которые проявляют в отношениях с ним свою сущность и характеризуют его самого. Второстепенные персонажи персонифицируют идею главного героя. Сюжетная роль каждого из персонажей второго и третьего плана однозначна и символична. Как было отмечено Г. Фридендером, «один образ в романе Достоевского как бы комментирует другой»; «основной тип является расчлененным в целом ряде лиц» (Фридендер, 1964, с. 184). В гендерном отношении изобретенный Достоевским мир, безусловно, мужской, так как социально женщины несамостоятельны и зависимы, в частности в финансовом плане, поэтому ими руководят и манипулируют, вынуждают их к жертвенности.

В сюжетных событиях, в которых, как известно, отразилась современная писателю криминальная хроника, также ощущается установка на создание иллюзии реальности. Однако со временем все яснее проявляется условность сюжетов Достоевского. Многочисленные реминисценции из приключенческой западноевропейской литературы, черты детектива, бульварного романа, нагромождение катастроф, занимательность интриги воспринимаются как подчеркнутая литературность.

Множество побочных сюжетных линий в их переплетениях (драматические истории жизни второстепенных, внесценических, эпизодических персонажей), нагромождение событий и смешение этапов развития сюжетов с ложными кульминациями (сценами скандалов) создают эффект хаотичности и неупорядоченности жизни, в которой практически невозможно сохранить устойчивость. Все это представлено повествовательными инстанциями

и переживается героями как жизненный конфликт, неразрешимый в принципе, экзистенциальный кризис, требующий философского осмысления. В результате формулируются и дискутируются идеи, теории, концепции, что дает основания для изучения не только характеров героев-идеологов, но и идеологичности сюжетов романов Достоевского. В работах достоевистов исследуется глубина философского замысла, психологический и метафизический смысл изображенных событий. Как ни парадоксально, но именно идеологичность сюжетов, а не документальная достоверность уголовных дел окрашивает «фантастические истории» в реалистические тона.

В мире романов Достоевского подвергаются сомнению научные теории, стихийными и неуправляемыми предстают законы частной и общественной жизни, а логика мышления и психология человека кажутся непостижимыми. Стремление к успеху в общественной жизни, к финансовому благополучию осложняется частными, семейными отношениями, что провоцирует множественные конфликты материальных интересов и идейных взглядов, создавая впечатление хаотичности движения жизни. Житейскому хаосу в пространственно-временной реальности романов противостоит упорядоченность вечных христианских ценностей, в чем исследователи (от В. Соловьева и Д. Мережковского до современных ученых) видят отражение христианской картины мира писателя.

Художественные открытия Достоевского подготовили почву для зарождения модернизма в России. С этой точки зрения вызывает интерес творчество Гайто Газданова, воспитанного на традициях русского классического романа и усвоившего открытия французского экзистенциализма с его вниманием к индивидуальному опыту переживания бытия, к проблемам выбора человека, его свободы, одиночества, смерти. Исследователи неоднократно отмечали экзистенциальную модель мира в прозе писателя (Семенова, 2001; Матвеева, 2001; Третьякова, 2008), указывали на его верность эстетике смерти.

Характерное свойство художественного мира Газданова проявилось уже в первом его романе «Вечер у Клэр» (1929). По мнению Г. Струве, «вымысла в нем не чувствовалось», так как Газданов следовал традиции «европейского романа, <...> тяготевшего к исповеди или к документу» (Струве, 1996, с. 197). Установка на создание *иллюзии достоверности* является одним из важных эстетических принципов писателя, чему способствует и выбор формы повествования — от первого лица. Исповедальная интонация романа «Вечер у Клэр» обусловлена *автобиографическими* интенциями в повествовании. В тексте приводятся факты из жизни писателя, указываются точные даты, круг чтения в отроческие годы, детские воспоминания о поездках на Кавказ, где жили родственники отца, дано описание деда-долгожителя: «Я помнил деда маленьким стариком, в черкеске, с золотым кинжалом. В девятьсот двенадцатом году ему исполнилось сто лет» (Газданов, 1996, т. 1, с. 79). Автобиографические факты встречаются и в романе «Ночные дороги», который начинается

с воспоминаний рассказчика, русского эмигранта, освоившего, как и Газданов, профессию таксиста. Ночной таксист делится своими первыми впечатлениями о Париже, когда он работал грузчиком, мойщиком паровозов, жил в бараке сначала среди поляков, а затем с русскими эмигрантами.

Композиция романа «Вечер у Клэр» необычна. Его сюжет построен не по хронологическому (линейному), а по концентрическому принципу, когда в центре внимания находятся психологические связи, внутренние движения души героя Николая Соседова. *Событийный* план произведения объединяет настоящее и прошедшее. Внутренние движения души ярче представлены в ретроспективном выражении, в воспоминаниях героя о детстве и юности, о родных, пребывании в кадетском корпусе, о встрече с юной Клэр, об участии в Гражданской войне на стороне белых, в его размышлениях о смерти и т. д. В произведении проявляется примечательная особенность, характерная для литературного процесса XX века: «Обращение к памяти персонажа как к внутреннему пространству для развертывания событий» (Роднянская, 2001, с. 1177). Этот прием часто реализуется в прозе писателя. Моноцентричность повествования находит выражение в том, что все происходящее в романе раскрывается через восприятие Николая Соседова, с которым сюжетно связаны остальные персонажи.

В романе «Ночные дороги» Газданов рисует наблюдаемую героем мозаичную картину ночной жизни Парижа с характерными для нее типажам: проститутками, сутенерами, клошарами. Работа ночного таксиста знакомит его с «физиологией» Парижа и вызывает у него отвращение к той реальности, с которой герою приходится сталкиваться, и одновременно желание не быть «захлестнутым той бесконечной и безотрадней человеческой мерзостью, в ежедневном соприкосновении с ней» (Газданов, 1996, т. 1, с. 465). Описывая свои впечатления от пребывания в кафе, находящемся недалеко от вокзала (в ожидании первого поезда и первых пассажиров), герой ощущает себя «все более и более отравленным» этой «мрачной поэзией человеческого падения» (Там же, с. 478).

Система персонажей романа способствует воплощению этого болезненного чувства, владеющего героем-повествователем. Эпизодическими героями повествования становятся алкоголик и философ Платон, бывшая аристократка, а ныне опустившаяся проститутка Жанна Ральди, растратившая все свое богатство, но сохранившая пронизательный ум и изысканные манеры; русские эмигранты Васильев и Федорченко, Сюзанна, оставившая проституцию ради брака с Федорченко, красавица Алиса, занимающаяся тем же древним ремеслом. В романе много эпизодических персонажей: пассажиры ночного такси, завсегдагаи кафе, такие же таксисты, как и герой-повествователь. Эти подлинные истории в романе складываются в картину «прокаженного мира» (Газданов, 1996, т. 1, с. 573) с «ужасной беднотой и <...> человеческой падалью» (Там же, с. 485). И в то же время у героя складывается «определенное отношение к чреву Парижа,

смешанное чувство жалости, сострадания к падшим <...> и болезненное ощущение противоестественности этой жизни...» (Смирнова, 2006, с. 302).

Есть нечто общее в описании Парижа у Газданова с образом Петербурга Ф. М. Достоевского, что выражается в мотивах болезни и бреда. «...Этот зловещий и убогий Париж, пересеченный бесконечными ночными дорогами, был только продолжением моего почти всегдашнего полубредового состояния...» (Газданов, 1996, 1, с. 639). Образ Парижа в романе двойится: с одной стороны, достоверно, с документальной точностью воспроизводится пространство города, его топография, с другой — в восприятии повествователя Париж предстает как ирреальный «город далекой и чужой страны», как некое *метафизическое пространство*, в котором умудренный жизненным опытом таксист ощущает себя «путешественником, попавшим в чуждую ему стихию» (Там же).

В субъективном восприятии героем Парижа доминирует ощущение статичности, неподвижности города. Автор создает иллюзию достоверности в его описании, подкрепляя наблюдения таксиста чужим мнением. В рассуждения героя о разделенности Парижа на несколько непересекающихся неподвижных зон вводится посторонний субъект высказывания — рабочий бумажной фабрики, который некогда рассказал таксисту, «...что за сорок лет пребывания в Париже он не был на Елисейских полях» (Газданов, 1996, т. 1, с. 467).

Париж в романе предстает городом контрастов, где «еще была жива <...> далекая психология, чуть ли не четырнадцатого столетия, рядом с современностью, не смешиваясь и почти не сталкиваясь с ней» (Там же). Наблюдения за жизнью Парижа приводят героя к печальному выводу: «Население ночного Парижа резко отличалось от дневного и состояло из нескольких категорий людей, по своей природе и профессии чаще всего уже заранее обреченных» (Газданов, 1996, т. 1, с. 465). Этот вывод далек от социальных обобщений, но переводит размышления героя в экзистенциальную плоскость.

Для героев Газданова характерны ощущения, обусловленные раздвоенным существованием, болезненностью восприятия своего положения. Так, в романе «Вечер у Клэр» раскрывается «мир внутреннего существования» Николая Соседова: «Дома я точно переселялся в какую-то иную страну, где нужно было жить не так, как всюду» (Газданов, 1996, т. 1, с. 82). Это свойство сближает героев произведений писателя. В «Истории одного путешествия» внутренняя жизнь Володи, его мечты, иллюзии, сны, воспоминания о прошлом, духовные странствия замещают реальность и преображают ее.

Художественный мир произведений Газданова неуютен и мрачен, что подчеркнуто реалиями внешнего пространства и деталями интерьера. Так, в рассказе «Гавайские гитары», где речь идет о смерти и похоронах сестры главного героя, сумрачность и чуждость окружающего мира воссоздаются через восприятие героя, который видит печальную обстановку в комнате умирающей, слышит «непрерывный грохот» городской улицы, неуместный во время

похоронной процессии. Невольно он вспоминает тихие похороны в России, где процессии двигаются медленно, «в тишине и важности», а встречные прохожие молча снимают шапки, отдавая дань уважения покойному. Герой болезненно реагирует на оскорбительное для родственника умершей поведение врача из похоронного комиссариата, священников и служек в церкви во время отпевания сестры, на провокационное поведение дамы, желающей «утешить» бедного вдовца в первую же ночь после похорон. Его душевная боль коррелирует с реальными физическими страданиями от слишком тесной новой обуви, которые все усиливаются и наконец на кладбище становятся непереносимыми.

Внутренняя жизнь героя раскрывается с помощью подсознания, воображения, а также пограничных состояний между сном и явью. Экзистенциальная картина мира выражается в рассказе именно через работу сознания героя, через осознание присутствия в неуютном и чужом мире собственного «я».

Фантастическое в художественном мире Газданова, как и у Достоевского, реализуется в мистическом начале или имеет психологическую основу. Так, в сознании героя рассказа «Гавайские гитары» «непостижимым образом» соединились два далеких друг от друга события: бессонная ночь в чужом доме, когда он впервые услышал непонятные для него звуки гавайских гитар, и день похорон сестры. Экзотические для русского слуха звуки безладовой гитары, давшие название рассказу, объясняются лишь в финале: для героя, ощутившего в день похорон зыбкость и непрочность мира, звуки характерного гитарного глissандо оказываются очень близкими его состоянию. Эти звуки заключили в «прозрачную коробку» два таких разных дня, и в ней отныне хранятся для него «яма, туман, странное мясо за обедом, шампанское, статуэтки из черного дерева — и еще постоянная ноющая боль в ногах от слишком узких туфель» (Газданов, 1996, с. 126).

Фантастическое у Газданова замещает происходящее в реальности. В романе «История одного путешествия» повествуется о бывшем поручике артиллерии, оказавшемся в эмиграции. Настоящее в новой жизни ему «бесконечно чуждо» и заменяется игрой воображения, фантастическими рисунками. «Неправдоподобное существование» героя сравнивается в тексте с «фантастическим романом». Александр Александрович — путешественник, «далекий от всего мира» (Газданов, 1996, т. 1, с. 220), совершающий свои метафизические странствия.

Исследование художественного мира Газданова в дискурсе поэтики достоверности позволяет прийти к выводу о расширении эстетических возможностей воплощения предметного мира в прозе писателя по сравнению с предшественниками. В литературе XX века выработывались индивидуально-авторские приемы создания предметного мира. Писатели стремились к оригинальности, искали новые средства художественной изобразительности, основываясь на традиции, заложенной в литературе XIX века.

Заключение

Цель изучения поэтики текста состоит в понимании смысла произведения, для чего необходимо обратиться к его художественной структуре, чтобы осознать «возможности смыслообразования» (Н. Д. Тамарченко). В статье предложена исследовательская модель, предполагающая через анализ структурных особенностей (художественное пространство, сюжетные ситуации, система персонажей; функция фантастического, семантика детали и др.) выявление иллюзии достоверности в романах Достоевского и Газданова. Проведенный анализ показал, что понятие достоверности изображения мира в произведениях писателей не только не сводится к упрощенно понимаемому жизнеподобию или правдоподобию, но и расширяет границы художественной картины мира, где реалистическое и условное органично соотносятся и продуцируют смыслы, раскрывающие индивидуальный художественный мир произведения каждого из писателей. В продолжение традиции Достоевского Газданов-романист стремится к «жизнеподобному» изображению, воплощению предметного мира и системы персонажей, за которыми стоят подлинные истории их жизни и реальные события. Эффект достоверности достигается разными средствами, позволяя скрыть условность литературных форм.

Список источников

1. Барнашова, Е. В. (2013). Вариации мимесиса в литературе и искусстве XIX в. *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*, 1(9), 23–30.
2. Газданов, Г. И. (1996). *Собрание сочинений*: в 3 т. Т. 1. Согласие.
3. Деханова, О. А. (2023). Питейные заведения в романе «Преступление и наказание». Художественная деталь в правовом поле питейной реформы 1861 года. *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*, 2(22), 106–127.
4. Достоевский, Ф. М. (1994). *Полное собрание сочинений*: в 30 т. Т. 5, 12–13. Наука.
5. Захаров, В. Н. (2008). Фантастические страницы Достоевского. *Проблемы исторической поэтики*, 8, 116–125.
6. Иванов, Вяч. (1987). *Собрание сочинений*: в 4 т. Т. 4. Foyer oriental chrétien.
7. Касаткина, Т. А. (2015). *Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского*. ИМЛИ РАН.
8. Матвеева, Ю. В. (2001). «Превращение в любимое»: Художественное мышление Гайто Газданова. Уральский госуниверситет.
9. Мейлах, Б. С. (1983). Философия искусства и художественная картина мира. *Вопросы философии*, 7, 116–125.
10. Певак, Е. А. (2018). К вопросу о многоаспектности оппозиции реализм — не-реализм. *Stephanos*, 3(29), 99–106.
11. Роднянская, И. Б. (2001). Хронотоп. *Литературная энциклопедия терминов и понятий*. Интелвак.
12. Романова, Г. И. (2017). Картина мира и мир произведения: к разграничению понятий. *Неклассические модели мира в русской литературе*, 9–19. Инженер.

13. Семенова, С. Г. (2001). Путешествие по «беспощадному существованию» (Гайто Газданов). В С. Г. Семенова. *Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия* (с. 529–545). ИМЛИ РАН.
14. Смирнова, А. И. (2006). Гайто Газданов. *Литература русского зарубежья (1920–1990)*, 295–313. Флинта: Наука.
15. Струве, Г. П. (1996). *Русская литература в изгнании*. 3-е изд. УМСА-Press; Русский путь.
16. Третьякова, О. А. (2008). Экзистенциальное «путешествие на край ночи» в романах Г. Газданова и Л.-Ф. Селина. *Гайто Газданов в контексте русской и западно-европейской литератур*. ИМЛИ РАН.
17. Фокин, П. Е. (2018). Информационная картина мира в романах Ф. М. Достоевского: структура и поэтика отражения (на материале романа «Преступление и наказание»). *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*, 1, 70–78.
18. Фридлиндер, Г. М. (1964). *Реализм Достоевского*. Наука.

References

1. Barnashova, E. V. (2013). Variations of mimesis in 19th century literature and art. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 1(9), 23–30. (In Russ.).
2. Gazdanov, G. I. (1996). *Collected works: in 3 vols. Vol. 1. Soglasie*. (In Russ.).
3. Dekhanova, O. (2023). Drinking Establishments in the Novel Crime and Punishment. An Artistic Detail in the Legal Field of the Drinking Reform of 1861. *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, 2(22), 106–127. (In Russ.).
4. Dostoevskij, F. M. (1994). *Collection of Opus: in 30 vols. Vol. 5, 12–13*. Nauka. (In Russ.).
5. Zakharov, V. N. (2008). Fantastic pages by Dostoevsky. *The problems of historical poetics*, 8, 116–125. (In Russ.).
6. Ivanov, Vyach. (1987). *Collection of Opus: in 4 vols. Vol. 4. Foyer oriental chrétien*. (In Russ.).
7. Kasatkina, T. A. (2015). *The sacred in the everyday: a two-article image in the works by F. M. Dostoevsky*. IMLI RAN. (In Russ.).
8. Matveeva, Yu. V. (2001). «Turning into a favourite»: Gaito Gazdanov's artistic thinking. *Ural'skij Gosudarstvennyj Universitet*. (In Russ.).
9. Meylakh, B. S. (1983). Philosophy of art and artistic picture of the world. *Problems of Philosophy*, 7, 116–125. (In Russ.).
10. Pevak, E. A. (2018). On the multidimensionality of the opposition between realism and non-realism. *Stephanos*, 3(29), 99–106. (In Russ.).
11. Rodnyanskaya, I. B. (2001). Chronotope. *Literary Encyclopaedia of Terms and Concepts*, 1173–1177. Intelvak. (In Russ.).
12. Romanova, G. I. (2017). Picture of the world and the world of the literary work: to the distinction of concepts. *Non-classical models of the world in Russian literature*, 9–19. Inzhener. (In Russ.).
13. Semenova, S. G. (2001). Travelling through «ruthless existence» (Gaito Gazdanov). In S. G. Semyonova. *Russian poetry and prose of 1920–1930s. Poetics – Vision of the World – Philosophy* (p. 529–545). IMLI RAN. (In Russ.).
14. Smirnova, A. I. (2006). Gajto Gazdanov. *Literature of the Russian Abroad (1920–1990)*, 295–313. Flinta: Nauka. (In Russ.).

15. Struve, G. P. (1996). *Russian literature in exile*. 3rd edition. YMCA-Press; Russkij put'. (In Russ.).
16. Tret'yakova, O. A. (2008). Existential «journey to the edge of the night» in the novels by G. Gazdanov and L.-F. Selin. *Gaito Gazdanov in the context of Russian and Western European literature*. IMLI RAN. (In Russ.).
17. Fokin, P. E. (2018). Information picture of the world in the novels by F. M. Dostoevsky: structure and poetics of reflection (on the material of the novel «Crime and Punishment»). *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, 1, 70–78. (In Russ.).
18. Fridlender, G. M. (1964). *Dostoevsky's realism*. Nauka. (In Russ.).

Информация об авторах

Галина Ивановна Романова — доктор филологических наук, доцент, профессор департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Альфия Исламовна Смирнова — доктор филологических наук, профессор, начальник департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the authors

Galina I. Romanova — Doctor of Philology, Docent, Professor at the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Alfia I. Smirnova — Doctor of Philology, Full Professor, Head of the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научная статья

УДК 821. 161.1-3.09«19/20»

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.03

НАРРАТИВНЫЕ ВАРИАЦИИ СЮЖЕТА «БЛУДНИЦА И ЕЕ СЫН» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: М. ГОРЬКИЙ, Л. ПЕТРУШЕВСКАЯ, К. РЯБОВ

Крылова Снежана Владимировна¹,
Яковлев Михаил Владимирович²

^{1,2} Государственный университет просвещения,
Мытищи, Россия,

² Государственный гуманитарно-технологический университет,
Орехово-Зуево, Россия,

¹ sv.krylova@guppros.ru <https://orcid.org/0000-0002-4071-2884>

² 79104310619@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5211-6994>

Аннотация. В статье сопоставлены три реалистических рассказа с повторяющимся сюжетом «блудница и ее сын»: «Страсти-мордасти» М. Горького, «Сынок» Л. Петрушевской, «Мальчик» К. Рябова. Написанные с разницей в целый век, они при сходстве сюжетных линий различаются деталями, способом рассказывания и нравственными акцентами. Цель настоящего исследования — сравнить нарративные стратегии трех русских писателей, обратившихся к одному сюжету, сделать выводы о том, как нарратив влияет на общее звучание текстов и их нравственные итоги. В ходе исследования использованы сравнительно-сопоставительный метод и нарративный анализ. Доказано, что для авторов важно прежде всего морально-этическое, а не социальное измерение, при этом сравнение нарративных планов рассказов фиксирует отрицательную деформацию, случившуюся с русским человеком за сто лет, — неуклонное убывание любви. Три рассказа отразили этот процесс не только на сюжетном, но и на нарративном уровне, вскрывающем нравственную неполноценность мира взрослых, косвенно разделяющих вину матери своим равнодушием.

Ключевые слова: повторяющийся сюжет, нарратив, проблема оскудения любви.

Для цитирования: Крылова, С. В., Яковлев, М. В. (2024). Нарративные вариации сюжета «блудница и ее сын» в русской литературе: М. Горький, Л. Петрушевская, К. Рябов. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(53), 37–50. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.03>

Original article

UDC 821. 161.1-3.09«19/20»

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.03

**NARRATIVE VARIATIONS
OF THE «HART AND HER SON» THEME
IN RUSSIAN LITERATURE:
M. GORKY, L. PETRUSHEVSKAYA, K. RYABOV**

Snezhana V. Krylova¹,Mikhail V. Yakovlev²^{1,2} Federal State University of Education,
Mytishchi, Russia,² State University of Humanities and Technology,
Orehovo-Zuevo, Russia,¹ sv.krylova@mgou.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4071-2884>² 79104310619@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5211-6994>

Abstract. The article compares three realistic stories with a repetitive theme «a harlot and her son» namely «Passion-muzzle» by M. Gorky, «Son» by L. Petrushevskaya, «Boy» by K. Ryabov. A century in between the release dates, these works appear to have similar storyline, though they differ in details, moral emphases, and the way the stories are told. The purpose of this study is to compare the narrative strategies of the three Russian writers who turned to the same plot and to reveal how narration affects the overall texts and their morales. The study implied a comparative method and narrative analysis. There is evidence that the authors attributed primary importance to the moral and ethical aspects rather than social dimension. A comparison of the narrative planes of the stories captures the monstrous deformation that has happened to a Russian person over a hundred years which is the steady decline of love. Three stories reflected this process not only at the plot level, but also at the narrative level, revealing the moral inferiority of the adult world, who indirectly share the mother's guilt with their indifference.

Keywords: repetitive plot, narrative, the problem of the impoverishment of love.

For citation: Krylova, S. V., Yakovlev, M. V. (2024). Narrative variations of the «hart and her son» theme in Russian literature: M. Gorky, L. Petrushevskaya, K. Ryabov. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(53), 37–50. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.03>

Введение

Проблема повторяющихся сюжетов, основательно исследованных в фольклорных жанрах, массовой культуре, а также в авторской литературе, не перестает интересовать ученых. В 1895 году французский драматург Ж. Польти, пользуясь подсказкой гетевских «Разговоров с Эккерманом», свел все многообразие сюжетов в пьесах к тридцати шести драматическим

ситуациям: похищение, загадка, бунт, соперничество и т. п. (Polti, 1924). Эта классификация вполне применима и к прозе. Литературоведы вслед за фольклористами нередко называют повторяющиеся сюжеты бродячими. Азербайджанский литературовед С. Ш. Шарифова считает это «методологически необоснованным»: «Система “постоянных” сюжетов призвана квалифицировать тот или иной конкретный сюжет в контексте “вечных” литературных вопросов, тогда как феномен “бродячего” сюжета отражает адаптивность конкретного сюжета в инородной культурной среде» (Шарифова, 2021, с. 57).

Цель настоящего исследования — изучить, как меняется один и тот же сюжет на протяжении века в рамках одной национальной литературы, используются ли прямые связи с текстами-предшественниками и каковы причины сюжетных повторов. Для анализа выбрано три небольших рассказа: «Страсти-мордасти» М. Горького (1911), «Сынок» Л. Петрушевской (2008), «Мальчик» К. Рябова (2019).

Представляется, что основу сюжетных повторов в литературе задает сама жизнь, человеческие судьбы: встречи, расставания, влюбленность, предательство, смерть. В глобальном смысле любая литература написана об одном и том же, но старые сюжеты всякий раз осмысливаются на материале современности. И так как искусство принципиально чуждо копированию, то мы имеем дело со способом говорения, феноменом рассказывания одного и того же жизненного материала.

Избранные нами произведения посвящены тому, что мы условно назвали сюжетом «блудница и ее сын». По классификации Ж. Польти, это сюжет о жертве (№ 7-B): «Falling prey to cruelty or misfortune» («стали жертвой жестокости или несчастья») <...> «The Innocent Despoiled by Those Who Should Protect» («Невинные, ограбленные теми, кто должен защищать») (Polti, 1924, p. 31). В каждом из повествований говорится о молодой женщине, ведущей разгульный образ жизни на глазах у сына и невольно вовлекающей его в мир порока. В них много общего на сюжетном уровне, но композиционно и нарративно они различны. По точному замечанию Т. Н. Марковой, «проза XX века демонстрирует самые разнообразные метаморфозы нарративных структур» (Маркова, 2003, с. 11).

Сходство сюжетов

«Страсти-мордасти» Горького входят в знаменитый цикл «По Руси» (1912–1917); повествование ведется от первого лица — молодого человека демократических взглядов, который стал свидетелем жизни двадцатилетней паклюжницы Машки Фролихи и ее одиннадцатилетнего сына-инвалида Ленки. Девушка родила его в пятнадцать лет от старичка-нотариуса, у которого служила горничной.

Основную историю описывает рассказчик, пораженный контрастом нищеты и грязи подвала, в котором живет Машка с сыном, ее внешнего уродства (провалившийся нос — знак перенесенного сифилиса), и ангельской красоты,

добродушия мальчика. Наррация текста построена по линии постепенного узнавания повествователем жизни Леньки и его матери, которую рассказчик пьяной вытащил из грязной лужи и привел «домой».

Обаятельный мальчик с мертвыми ногами живет в подвале в абсолютном одиночестве. Его игрушки — «зверильница» (Горький, 1972, с. 522) из насекомых, у каждого из которых есть свое имя. Реалистическая манера позволяет раскрыть характеры главных героев: беспечной доброй алкоголички, давно махнувшей на себя рукой; ее умньего и приветливого сына, который любит мать и относится к ней как старший к младшему; горячего, отзывчивого рассказчика, в финале скрипящего зубами, «чтобы не зареветь» (Горький, 1972, с. 533) от негодования, жалости и бессилия что-то изменить.

Повествователь занимает позицию если не адвоката, то сочувствующего человека. В неряшливой опустившейся женщине он отмечает веселый нрав, сердечность, добродушие, детскость, любовь к сыну. Она называет Леньку «утешеньишком» (Горький, 1972, с. 526), любит его, в трезвом виде заботится о нем по мере сил. В финале рассказа она в знак благодарности к рассказчику предлагает ему себя: «Я рожу-то платком прикрою...» (Горький, 1972, с. 533).

Машка давно уже стала дешевым средством удовлетворения физиологических потребностей у воров и выпивох, но тем не менее Горький не винит ее, а видит в ней скорее жертву. Даже ее жалкую «благодарность» рассказчик воспринимает не как привычку к пороку, а как знак ее щедрости и душевного богатства: «Она говорила неотразимо по-человечьи, — так ласково, с таким хорошим чувством. И глаза ее — детские глаза на безобразном лице — улыбались улыбкой не нищей, а человека богатого, которому есть чем поблагодарить» (Горький, 1972, с. 533). Это финальная характеристика Машки, которая затем склонится над постелью сына и запоет ему свою жуткую колыбельную.

Подобную историю, только из жизни женщины, вероятно, XXI века (особых примет времени нет) рассказывает «голосом толпы и сплетни» (Петрушевская, 2003, с. 322) Л. Петрушевская. Сюжет произведения концентрический, ослабленный многочисленными подробностями из жизни героини. Повествование начинается с оценочного суждения, подводящего итог некоему этапу жизни героев: «А какой еще мог получиться у нее сынок, если она пила и ходила по всяким сборищам, используя каждый момент, дни рождения, праздники, то получка, то пятница и т. д.» (Петрушевская, 2008, с. 87). В этой реплике ощутимо неблагоприятие героев истории — матери и ее сына. Неизвестный голос, принадлежащий, видимо, окружению героев повествования, начинает рассказывать историю с уходящего в будущее конца, с фразы, которую легко подслушать в любом месте. Свободное использование чужого слова вместо привычного авторского повествования от третьего лица — отличительная черта прозы Петрушевской. Ей в равной степени интересны и герои истории, и те, кто ее рассказывает. В этом способе передачи трагедии и принципиальном отсутствии автора она, должно быть, лучше ощущает смысловые токи реальности, прислушивается к ней. Как точно заметила Цзинцзюань Лю,

писательница «специализируется на нелинейных нарративах для выражения воспоминаний, повторов и неуправляемости травматических образов в сознании персонажей» (Цзинцзюань, 2023, с. 161).

В прозе Петрушевской, ориентированной на устную речь, имена нередко появляются на второй странице, когда основные обстоятельства истории уже изложены. Так обычно и рассказываются лишённые литературности случаи из жизни. В данной истории имена героев тоже открываются не сразу и они оказываются подчеркнуто распространёнными (мама Настя и сынок Сережа) как знак типичности ситуации.

Степень нищеты героев иная, чем у Горького. Они живут в постсоветском пространстве спустя семьдесят лет после революции, провозгласившей уничтожение социальной несправедливости. Некрасивая и неумная женщина пытается создать вокруг себя ореол успеха и дружеского демократизма. Её жизнь — это вечные посиделки, алкоголь, смена партнёров. За её «любящим и любимым» сыном поначалу ухаживает бабушка — «разъяренная мать» (Петрушевская, 2008, с. 88), и мальчик до школы растёт ухоженным и воспитанным. После смерти бабушки сын-первоклассник сам готовит себе еду, нередко уходя в школу голодным, общается с пьяными друзьями матери. Его детская чистота и доброта являются предметом её хмельной гордости:

«Другие вон и водят то на музыку, то куда, и стирают каждодневно, а у меня строгий закон: ребенок, не мешай. И мой меня ценит, да, Сережка?»

Сережа прижимается к матери, не отходит, нашёл драгоценность. Конечно, она добрая, участливая, всех выслушает, ко всем с радостью, никаких претензий, никаких конфликтов, светлый человек».

(Петрушевская, 2008, с. 89)

В приведенном отрывке обращает на себя внимание диалогизм нарративов. «Нашёл драгоценность» — сказано чьими-то взыскательными устами. И рядом идет положительная оценка компанейской Насти. Весь рассказ и колеблется между этими двумя полюсами.

Хор голосов, вплетенный в повествование, звучит до самого конца, нарушаемый лишь изредка нотками печали, витающей вокруг истории¹: «И как-то забывается, что у нее морда типичная посталкогольная, как у вокзальной шлюхи, что у нее заплывшие глазки, что юбка у нее короткая, что ложится она со всяким кто хочет» (Петрушевская, 2008, с. 89). Голос толпы редко впадает в частности. Чуть раньше такой же скороговоркой описан Сережка: «...не смотря на, какой сын растёт! Симпатичная круглая мордочка, все время около мамы, рассказывает (в лицах) как в школе, гости за столом, он тоже притуляется...» (Петрушевская, 2008, с. 88). И почти рядом еще один, а может, и тот же самый голос: «...был бы девчонкой, давно бы его уже трахнули мужские гости, которым по пьяни все равно» (Петрушевская, 2008, с. 89). В этих репликах ошутима жесткая женская оценочность, сквозь которую поданы гротескные

¹ О роли сигнальных слов в поздней прозе Петрушевской см.: Крылова, 2015.

типажи алкогольной компании Насти, ее разгульное поведение, бытовые детали разваливающегося семейного мира. Причем иногда неперсонифицированная рассказчица говорит голосом самой Насти (так бывает в устных историях), но знаками препинания слова героини не обозначены. Например:

«...целый бизнес — звонки, звонки, бегодня занять денег, купила бутылку и шась за ворота.

Домой вечером? К мамаше, которая будет проедать голову? Читать книжку Сережке на ночь? О-о-о, только не это».

(Петрушевская, 2008, с. 88)

Последние пять предложений словно подслушаны у Насти соседкой по дому или сослуживицей (кем угодно) и вставлены в повествование не прямой речью, не микроцитатой, а путем вторжения чужой интонации в речь рассказчицы — свидетельницы и отчасти судьи этой драмы. Безусловно, «неравнодушие — ведущая черта языковой личности авторов женской прозы, достойная внимания» (Фесенко, 2022, с. 106). Однако неравнодушие бывает и со знаком минус. Петрушевской важно пропустить сюжет через чужое сознание, но она принципиально не желает это сознание индивидуализировать. «Голос толпы и сплетни» кажется ей максимально показательным срезом *vox populi* — общественного мнения, априори деформированного своим отношением к любой драме *прежде всего* как к предмету увлекательного рассказывания, а не живого сочувствия, констатации, а не анализа.

По наблюдениям Г. Чжэн, «исследователи нарратива указывают на различную скорость изложения в художественном произведении» (Чжэн, 2021, с. 332). Время в рассказе «Сынок» сжато до предела. Между смертью бабушки и жуткой фразой «Сережку посадили» (Петрушевская, 2008, с. 89) прошло около пяти лет. Одиннадцатилетний ребенок начал прогуливать школу, его, голодного и неприкаянного, «оприходовала» дворовая шпана, сделав вором-форточником. На небольшие деньги, полученные от подельников, «он ребят из класса водил в Макдональдс, зарабатывал всеобщую дружбу, как мать на его глазах, которая была доброй ко всем» (Петрушевская, 2008, с. 89–90). Старших дружков во время следствия он не выдал, опасаясь расправы.

Если у Горького рассказ завершился уходом негодующего повествователя из подвала, где бок о бок живут порок и детская чистота (которую писатель видит и в блуднице Машке), то у Петрушевской, начавшей историю с подсказки о мрачном будущем сына, все обрывается фигурой умолчания — страшной в своей недосказанной определенности:

«Он так и говорил следователю все время и не изменял своих показаний — как и никогда в дальнейшем.

Мать собрала под заявлением подписи друзей, а друзья помогли через своих друзей. Нашлась адвокат.

Сережку выпустили, но он уже был другой.

И другая поехала жизнь, совершенно другая».

(Петрушевская, 2008, с. 90)

Как видим, печальная тональность прорывается и в этот нарратив. Писательница на какое-то мгновение отодвигает безжалостную «коллективную» рассказчицу: из повествования исчезают разговорные интонации и словечки, идет перечисление страшных фактов, а потом появляется задумчивое суждение: «Сережку выпустили, но он уже был другой» (Петрушевская, 2008, с. 90). В тексте сознательно опущены подробности «другой» жизни, в которой, очевидно, найдется место разнообразным социальным порокам. Голос толпы в этой истории возлагает вину на «добрую» мать. Рассказ оставляет чувство горечи, острой жалости к сломанной судьбе ребенка, а «намеренно ослабленный сюжет подводит к философским размышлениям о сущности бытия» (Матвеева, 2013, с. 45). Несмотря на жесткость языка и подачи материала (а может, и благодаря им), Петрушевская всегда вызывает у читателя нужное ей состояние — укола в сердце.

Рассказ «Мальчик» петербургского писателя К. Рябова (р. 1983) вошел в его книгу с невеселым названием «Висельники» (2020) и посвящен тому же сюжету. Единственная примета времени здесь — обесцененные советские деньги, т. е. речь идет о начале девяностых. В рассказе воспроизведен один день (или даже часть дня) безымянных героев: мальчика, уже две недели не посещающего школу; его матери, принимающей клиентов в однокомнатной квартире на пятом этаже, и ее нынешнего любовника-моряка, дяди Вити, с которым мама знакомит продрогшего сына. Она выставляет его гулять во двор, когда принимает клиентов, а ночью мальчик спит в шкафу, рядом с ложем, где продолжается пир плоти.

Тема городского неблагополучия знакома Рябову по личному опыту и петербургскому литературному слою, эту тему так или иначе отразившему (рассказы и повести М. Басырова, В. Шамшурина и др.). Проза Рябова лишена афористичности С. Довлатова, метафоричности Т. Толстой, авторской оценочности, которая современным прозаикам кажется стилистически неинтересной.

История рассказана максимально нейтрально голосом автора, но через призму восприятия мальчика: мы видим и слышим только то, что видит и слышит ребенок. Рябов не стремится воспроизвести душу замерзшего голодного существа, выставленного «гулять» под холодный октябрьский дождь. Он описывает мир, который этот ребенок видит здесь и сейчас: закрытая дверь квартиры, к звонку которой он тянется палочкой; пахнувшая потом, вином и табаком мать; «толстая, волосатая рука» (Рябов, 2020, с. 87), протягивающая ему из-за спины матери купюру на мороженое; пивной ларек по пути в магазин и т. п. Рябов не живописует, а называет состояния, которые переживает мальчик: хочется есть, писать, страх перед встретившейся по дороге учительницей, хочется домой, не хочется спать.

В рассказе много кратких диалогов мальчика: с матерью, со старой соседкой Галиной Ивановной, с продавщицей, с пьяным соседом по дому. Только учительнице он так и не смог ответить ни слова на ее вопросы, почему он прогуливает школу. Каждый из диалогов отражает нежелание и неумение взрослых видеть

беду маленького героя и помочь ему. И тем острее в этой голой прозе о неприкаянном детстве у читателя рождается сочувствие ребенку. Рябов не ставит вопросы, кто виноват и какое будущее у мальчика. Он изображает обстоятельства, не желая описывать характеры. Они только намечены, но не раскрыты ни в авторской речи, ни в диалогах: терпеливый мальчик; безликая неряшливая мать; ненасытный «капитан», советующий ей сдать сына в интернат; лысый сосед — алкоголик, явно хотевший заманить к себе беззащитного ребенка в целях сексуального характера; истеричная неухоженная учительница, от которой вряд ли можно дожидаться помощи.

В финале рассказа мальчик, к которому ни разу никто так и не обратился по имени (а предполагаемому насильнику — соседу он себя не назвал), получил разрешение посмотреть телевизор, где перед рекламой и не нужным ему футболом увидел конец старого сентиментального фильма, в котором женщина держала в объятьях мальчика и говорила ему, что он самый красивый в мире.

Заканчивается рассказ двумя диалогами:

— Ты когда уплываешь?

— Да я еще не приплыл толком, качает до сих пор, а ты, когда уплываешь...

— Ну, просто...

— Не скоро, не скоро. Зиму здесь...

Мальчик открыл дверь шкафа и высунул голову.

— Мама, а я красивый?

— Спать, я сказала! — ответила она».

(Рябов, 2020, с. 95)

Различия в композиции и нарративе

Несмотря на сходство обстоятельств и действующих лиц, три похожие истории рассказаны по-разному. Горький и Рябов выбрали синхронный тип описания событий, в рассказе Петрушевской говорится о ближайшем прошлом, но во всех трех текстах использованы глаголы прошедшего времени. Перед нами сюжет жизненного, а не литературного происхождения. Во всех трех рассказах нет и намек на стилистическую или мотивную связь друг с другом. Написаны они двумя зрелыми мужчинами (Горькому в год написания было 43 года, Рябову — 36 лет) и семидесятилетней женщиной, воспитанными русской классикой.

Разумеется, материал, взятый авторами из жизни, выходит за пределы изобразительного ряда русской литературы XIX века. Даже написанная почти в одно время с горьковским рассказом купринская «Яма» (1916) повествует о публичном доме и его обитателях в рамках привычных представлений о грехе и не затрагивает тему детства. Самый традиционный из выбранных нами авторов, М. Горький, — сторонник правды в любом ее обличье. Его рассказ посвящен двум встречам с Машкой и ее сыном: в первой из них мать не принимает

участие в разговоре, так как мертвецки пьяна, и о жизни этой семьи читатель узнает из уст Леньки; во второй инициатива беседы по-прежнему принадлежит общительному сыну, а мать азартно и по-детски реагирует на его вопросы и суждения. Горький нарисовал три характера: наивного одиннадцатилетнего «мудреца» (Горький, 1972, с. 532), его легкомысленной матери и воспринимавшего эту пару молодого торговца квасом — равнодушного рассказчика. При этом образ Леньки, безусловно, «является смысловым центром произведения» (Лукьянчиков, Лученецкая-Бурдина, 2019, с. 74). Как справедливо отмечают исследователи, во всем цикле «По Руси» дети, несмотря на трагизм их судеб, «существа, способные одухотворять мир, вселять надежду, дарить радость» (Лукьянчиков, Лученецкая-Бурдина, 2019, с. 75).

Горький внимателен к антуражу нищеты и нечистоплотности — интерьеру: им кратко и емко описаны ящики, которые служат Леньке мебелью, «чело уродливой печки», «грязная посуда, в углу — за ящиком — куски смоленого каната» (Горький, 1972, с. 520) и т. п. Однако рассказчик смотрит в душу героям и отзывается на их непутевую жизнь горячим сочувствием: приходит к больному ребенку на следующий день с гостинцами, развлекает его беседой, дает денег матери.

Петрушевская почти самоустраивается из рассказа. На авансцене — жестокий мир вечно пьяной, добродушно-равнодушной компании и беззащитный ребенок. Вся история передана так называемым чужим словом постороннего наблюдателя, зоркого, пристрастного, но не вмешивающегося, делающего замечания и выводы с точки зрения коллективных представлений о норме. Характеров нет — есть узнаваемые типажи.

Рябов еще больше выхолащивает текст, еще дальше отодвигает нарратора, скрывает голос автора. Минимум деталей, короткие диалоги, нейтральный голос автора. Метамодернизм, к которому относит прозу Рябова А. В. Жучкова, «предлагает пустотные конструкции и простые, короткие фразы» (Жучкова, 2023, с. 49). По мнению исследовательницы, пустотность, неполнота «сюжета, мотивировок, хронотопа», описаний, деталей, портрета нужна «для пространства диалога между автором и читателем, читателем и текстом» (Жучкова, 2023, с. 45). Все ли способны к этому диалогу? Несомненно, судьба безымянного мальчика вызывает острое сочувствие читателя, и в этом плане «пустотная», голая проза К. Рябова все-таки продолжает традицию русской и мировой литературы, содержит если не вопрос, то ожидание реакции. И даже тот факт, что у второстепенных персонажей рассказа по большей части есть имена (Галина Ивановна, ее сидящий в тюрьме сын Сашка — один из клиентов матери, учительница Надежда Петровна, моряк дядя Витя), а у самого мальчика и его матери нет, говорит о намеренности этого авторского сигнала: в плотной толпе свидетелей может идти на дно любая пара матери и сына. Спасать их никто не станет.

Интересно, что мальчикам во всех трех рассказах около 11 лет. Это возраст, когда ребенок уже способен почти все понимать, но не в состоянии по-настоящему себя защитить. Голоса детей слышны в развернутых диалогах Леньки

с гостем и матерью у Горького, достаточно примитивных ответах мальчика у Рябова. У Петрушевской речи Сережки мы не услышим, а его роль увеселителя пьяной компании («рассказывает (в лицах) как в школе») (Петрушевская, 2008, с. 88) не описана подробно.

Как видим, содержа общий набор обстоятельств (легкомысленная мать-блудница, отсутствие отца, экзистенциальное одиночество ребенка, разврат, свидетелем которого является чистый и стремящийся к матери сын), все три сюжета воплощены в оригинальные словесные формы как в художественном, так и в эмоциональном плане. Развернутая картина человеческого порока и беды передана ярким словом сочувствующего повествователя, очевидца (Горький), пристрастным и безжалостным голосом толпы (Петрушевская), нейтрально-пустотным безличным повествованием, в котором минимум психологизма, и скухими диалогами (Рябов).

Сюжет жертвы в XXI веке и обогатился новыми социально-бытовыми условиями, и как будто бы лишился объемности, детализации, прямого авторского сочувствия. В идеологическом плане мы имеем дело с двумя измерениями: досоветским у Горького, когда участь жертвы в основном перекладывалась на влияние социума, который чаяли в ближайшем времени изменить революционеры, и постсоветским, когда определенные социальные гарантии получены (оба сына — у Петрушевской и Рябова — все-таки относительно сыты и учатся в школе), но беззащитность и одиночество ребенка в общем остались прежними: не в сыром подвале у печки, а рядом с собутыльниками и любовниками матери в городских квартирах.

Изменилась и писательская оптика. Горький выпукло объемно рисовал характеры и обстоятельства, раскрывал личность больного ребенка, давал щемящие детали его облика. Все, что окружает это чистое страдающее существо, с таким добродушием переносящее свою безрадостную жизнь, пронизано авторским сопереживанием: «В грязные стекла окна смотрело солнце, тусклое, как лицо старика, на рыжеватые волосы мальчика падал мягкий свет, рубашка на груди Ленки расстегнута, и я видел, как за тонкими косточками бьется сердце, приподнимая кожу в едва намеченный сосок» (Горький, 1972, с. 525). Горький вообще в своем цикле выше всего поставил идею соучастия в народной жизни, пристрастности личного и художественного взгляда на родину. Его «проходящий» — наблюдательный и глубоко сочувствующий слабым человек. В каждом рассказе оставлен кусочек сердца повествователя. Чувство справедливости в Горьком с детства было очень острым. Отсюда и нотки оправдания поведению беззаботной Машки. Не столько она виновата, сколько старичок, некогда соблазвивший юную горничную, сколько ночной сторож, равнодушно взирающий на безобразия пьяной Фролихи и не пытающийся вытащить ее из лужи («убить ее надо» (Горький, 1972, с. 518) — ответ сторожа на вопрос, далеко ли она живет), ее многочисленные клиенты, не жалеющие ни безносую алкоголичку, ни ее дитя.

Петрушевская и Рябов уже не ждут изменений извне. По их мнению, современная жизнь оставляет слабых и грешных один на один со своей бедой. У писателей XXI века социальный конфликт сменяется экзистенциальным, открываются темы судьбы и возмездия (Петрушевская), нравственной и духовной пустоты (Рябов).

Сюжетные лакуны вообще свойственны рассказу XXI века. Как пишут исследователи американской малой прозы, «современный рассказ не фиксирует важных моментов в становлении и жизненном пути героя», понуждая читателя достраивать эти звенья самостоятельно. Ученые вспоминают хемингуэевскую *iceberg theory* — «оставлять на поверхности лишь самое необходимое — одну восьмую часть нарратива» и делают вывод о том, что «в XXI в. этот принцип становится универсальным» (Соколова, Шишкова, 2022, с. 50).

В этической сфере мотив убывания любви проступает ярче всего у Рябова. Героини Горького и Петрушевской все-таки любили своих детей, и сыновья ощущали эту пассивную, но живую теплоту. Мать в рассказе Рябова безлика и равнодушна, даже в перерывах между общением с любовником.

Открытые финалы всех трех рассказов оставляют ощущение тревоги за судьбу ребенка: ранняя смерть грозит Леньке, духовное и физическое растрепание — юным героям Петрушевской и Рябова.

И все-таки сочувствие авторов, пусть и скрытое за способом передачи сюжета, ощутимо за кадром у всех троих. По законам диалогической прозы имплицитное слово автора, выраженное через образы несчастных детей, пробуждает в читателе «лучшие качества», а «слабые беззащитные дети» становятся «совестью мира», «вечной надеждой» (Матвеева, 2013, с. 145), вызывают к действию. Форма наррации (сочувственная у Горького, мнимо-отстраненная у его коллег в XXI веке) не отменяет главного нравственного императива русской литературы — сострадания к слабым, милости к падшим, тайного призыва к сердцу читателя отозваться на чужую беду.

Заключение

Все три рассказа входят в авторские циклы или сборники (цикл «По Руси» у Горького, сборники «Черная бабочка» у Петрушевской и «Висельники» у Рябова). Рассказы дают яркий срез времени в нравственном, а не в социальном поле. Судьба нерадивой матери и ее сына — важный эпизод для всех трех сборников. Он ставит под сомнение будущее ребенка, лишает его благополучия. И если композиция горьковского цикла все-таки направлена в сторону поиска основ, духовной опоры в народной жизни, сборники Петрушевской и Рябова лишены и этой интенции. Они фиксируют только знак беды.

Соседство чистоты и порока — общий мотив, который говорит о том, что и на духовном дне этим женщинам до поры дано увидеть свет в лицах своих сыновей. Мать у Рябова отказывается и от этого подарка, о чем свидетельствует финал рассказа, процитированный ранее. В нарративном плане речь идет об отношении рассказчиков к описываемой аномалии. Страстное негодование горьковского повествователя-персонажа вызывает надежду, что дитя все-таки не будет оставлено на произвол судьбы. Круг пьяных друзей в рассказе Петрушевской, разделяя материнское умиление сыном, не стремится оградить мальчика от домашнего кошмара, но все же спасает Сережку из тюрьмы, после которой ребенок становится другим.

В рябовском рассказе нити в будущее намеренно оборваны. Сам мальчик пока ждет материнской любви, но взамен получает равнодушный окрик. Особенно остро для русской литературы ощущается здесь отсутствие авторской позиции, прямого сострадания аукториального повествователя к чудовищной ситуации. Реакции, вероятно, ожидаются от читателя, по-своему они заложены в тексте (страшно, что мальчик пойдет в гости к лысому пьянице; досадно, что даже в финале он не услышал ни одного теплого слова от матери, которой старался не мешать).

Таким образом, три одинаковых сюжета оказываются отражением разных вариантов архетипической ситуации «мать и дитя», по которой все три писателя определяют уровень духовного состояния общества. Социальное и личностное сиротство, беспризорность, оказывается, рождаются не только в период социальных катаклизмов, но и в общей сутолоке жизни, среди повседневного равнодушия ближних и дальних.

Мать-блудница лишена статуса взрослости, а дитя, пробуя взрослеть вместо матери, все-таки остается зависимым, уязвимым, обреченным так и не подняться со дна. Пророчество Христа о конце света содержит в том числе и такое: «и, по причине умножения беззакония, во многих охладет любовь» (Мф 24:12). Три русских рассказа с похожим сюжетом отразили этот процесс не только на сюжетном, но и (в случае писателей XXI века) на нарративном уровне, вскрывающем нравственную неполноценность мира взрослых, косвенно разделяющих вину матери своим равнодушием.

Список источников

1. Polti, G. (1924). *The Thirty-Six Dramatic Situations*. James Knapp Reeve. Translated by Lucile Rai.

2. Шарифова, С. Ш. (2021). «Миграция» сюжета как фактор развития литературы на современном этапе. *Теоретические проблемы жанрового смешения и литературного влияния в западной и восточной литературе*, 56–68. У Никитских ворот.

3. Маркова, Т. Н. (2003). *Формотворческие тенденции в прозе конца XX века (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин)* [Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. Екатеринбург].

4. Горький, М. (1972). Страсти-мордасти. В М. Горький. *Собрание сочинений*: в 25 т. Т. 14, 517–533. Наука.

5. Петрушевская, Л. С. (2003). *Собрание сочинений*: в 5 т. Т. 9. Дикие животные сказки. Эксмо.

6. Петрушевская, Л. С. (2008). Сынок. *Черная бабочка*, 87–90. Амфора.
7. Цзинцзюань, Лю. (2023). Модели травматического нарратива в творчестве Петрушевской. *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*, 6(874), 160–167. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2023_6_874_153
8. Фесенко, Э. Я. (2022). К вопросу о специфике женской прозы. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*, 3, 105–111. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-3-105-111>
9. Чжэн, Гуанцзе. (2021). Детский исторический нарратив начала XXI века (на материале повести Тамары Крюковой «Призрак Сети»). *Неофилология*, 7(26), 328–334. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-26-328-334>
10. Матвеева, И. И. (2013). «Резцом эпох и молотов времен...». *Судьба и творчество Андрея Платонова*. МГПУ.
11. Крылова, С. В. (2015). Роль сигнальных слов в поздней прозе Л. Петрушевской (на примере рассказа «Продлись, мгновенье!»). *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*, 6, 93–98.
12. Рябов, К. (2020). *Висельники*. Ил-music.
13. Лукьянчиков, В. Е., & Лученецкая-Бурдина, И. Ю. (2019). Образы матери и ребенка в рассказах цикла М. Горького «По Руси». В Т. П. Куранова (Ред.). *Человек в информационном пространстве* (с. 72–75). Сборник научных статей XVI Всероссийской с международным участием междисциплинарной научно-практической конференции. ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.
14. Жучкова, А. В. (2023). Обретенное время: Кирилл Рябов и метамодернизм. *Вопросы литературы*, 1, 42–62.
15. Соколова, И. В., & Шишкова, И. А. (2022). Композиционные приемы пост-постмодернизма (на материале современной американской малой прозы). *Вестник Костромского государственного университета*, 28(4), 47–53.

References

1. Polti, G. (2007). *The Thirty-Six Dramatic Situations*. Book Jungle. (In English).
2. Sharifova, S. Sh. (2021). «Migration» of the plot as a factor in the development of literature at the present stage. *Theoretical problems of genre mixing and literary influence in Western and Eastern literature*, 56–68. At the Nikitsky Gates. (In Russ.).
3. Markova, T. N. (2003). *Formative Tendencies in Prose of the Late 20th Century (V. Makanin, L. Petrushevskaya, V. Pelevin)* [Abstract of the dissertation for the PhD (Russian Literature): 10.01.01. Ekaterinburg]. (In Russ.).
4. Gorky, M. (1961). Passion-muzzles. In M. Gorky. *Collected Works*: in 18 vols. Vol. 8, 303–316. Nauka. (In Russ.).
5. Petrushevskaya, L. S. (2003). *Collected Works*: in 5 vol. Vol. 9. Wild animal tales. Eksmo. (In Russ.).
6. Petrushevskaya, L. S. (2008). Son. *Black butterfly*, 87–90. Amphora. (In Russ.).
7. Jingjuan, Liu (2023). Trauma Narratives in Petrushevskaya's Novels. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6(874), 160–167. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2023_6_874_153 (In Russ.).
8. Fesenko, E. Y. (2022). On the Specificity of Women's Prose. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 3, 105–111. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-3-105-111> (In Russ.).

9. Zheng, Guangjie. (2021). Children's historical narrative of the early XXI century (based on the story «The Ghost of the Network» by Tamara Kryukova). *Neophilology*, 7(26), 328–334. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-26-328-334> (In Russ.).
10. Matveeva, I. I. (2013). «By the chisel of epochs and hammers of times...». *Fate and creative work of Andrei Platonov's*. MCU. (In Russ.).
11. Krylova, S. V. (2015). The role of signal words in the late prose of L. Petrushevskaya (on the example of the story «Long, a moment!»). *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 6, 93–98. (In Russ.).
12. Ryabov, K. (2020). *Hangmen*. II-music. (In Russ.).
13. Lukyanchikov, V. E., & Luchenetskaya-Burdina, I. Yu. (2019). Images of mother and child in the stories of M. Gorky's cycle «Across Rus'». In T. P. Kuranova (Ed.). *Man in the information space* (pp. 72–75). Collection of scientific articles of the XVI All-Russian interdisciplinary scientific and practical conference with international participation. Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky. (In Russ.).
14. Zhuchkova, A. V. (2023). Time Regained: Kirill Ryabov and Metamodernism. *Voprosy literatury*, 1, 42–62. (In Russ.).
15. Sokolova, I. V., & Shishkova, I. A. Compositional techniques of post-postmodernism (on the material of modern American short fiction). *Bulletin of Kostroma State University*, 28(4), 47–53. (In Russ.).

Информация об авторах

Снежана Владимировна Крылова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения.

Михаил Владимирович Яковлев — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Государственного гуманитарно-технологического университета; профессор кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения.

Information about the authors

Snezhana V. Krylova — PhD (Philology), Docent, Associate Professor of the Russian and Foreign Literature Department, Federal State University of Education.

Mikhail V. Yakovlev — Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and Literature Chair, State University of Humanities and Technology; Professor of the Russian and Foreign Literature Department, Federal State University of Education.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научная статья

УДК [821.112.2+821.19]-31.09«19/20»

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.04

**СВОЙ – ДРУГОЙ:
СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ СБЛИЖЕНИЯ
(«ДВЕНАДЦАТЬ ЧЕЛОВЕК НЕ ДЮЖИНА»
В. ФЕРРА-МИКУРЫ, «ВСЕ О МАНЮНЕ» Н. АБГАРЯН)**

Красовицкая Юлия Владимировна

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

krasovizkaya-yulia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6765-7424>

Аннотация. Актуальность раскрываемой в статье проблемы объясняется увеличившимся интересом литературоведов к межличностному и межкультурному диалогу в последние годы. Целью исследования является попытка проанализировать повесть В. Ферра-Микуры «Двенадцать человек не дюжина» и роман-трилогию Н. Абгарян «Все о Манюне» в свете категорий «свой» – «другой». Материал для анализа подобран в соответствии с намерением сосредоточиться на одном хронологическом этапе и сфокусировать внимание на героях, близких по возрасту и образу жизни. Важно также, что произведения написаны в разных странах и охватывают межкультурный, межнациональный и отчасти межконфессиональный аспекты. Проблемными становятся вопрос о переходе от категории «иногo/другогo» к «своему» и допустимость отказа от понятия «чужой». В основу работы положен сравнительно-сопоставительный метод анализа литературных произведений. В статье доказывается, что категория «чужой» не является обязательным элементом при изображении мира художественного произведения, в то же время отчужденность дает возможность подчеркнуть контрасты восприятия окружающего мира героями. При этом сам процесс перехода из категории «иногo» в область более родного и по-настоящему «освоенного» в анализируемых произведениях неоднократно подвергается пристальному вниманию. На примере рассматриваемых романа и повести показано, что освоение «иногo» часто происходит благодаря возможности героев открыто демонстрировать свои личные особенности и желания. Представленные в статье материалы и сделанные выводы позволяют лучше понять специфику взаимоотношений героев-детей и спроецировать ее на межличностное общение героев-взрослых.

Ключевые слова: «свой» – «иной» – «чужой», освоение «другого», дружба, межличностные взаимоотношения, Наринэ Абгарян, Вера Ферра-Микура.

Для цитирования: Красовицкая, Ю. В. (2024). Свой – другой: стратегии и тактики сближения («Двенадцать человек не дюжина» В. Ферра-Микура, «Все о Манюне» Н. Абгарян). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(53), 51–67. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.04>

Original article

UDC [821.112.2+821.19]-31.09«19/20»

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.04

**OURS VS OTHER:
STRATEGIES AND TACTICS OF RAPPROCHEMENT
(«TWELVE PEOPLE ARE NOT A DOZEN»
BY V. FERRA-MIKURA, «ALL ABOUT MANYUNYA»
BY N. ABGARYAN)**

Yuliya V. KrasovizkayaMoscow City University,
Moscow, Russia,krasovizkaya-yulia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6765-7424>

Abstract. The article aims at revealing an issue of particular relevance and interest which is interpersonal and intercultural dialogue. The study attempts to analyze the story by V. Ferra-Mikura «Twelve People are Not a Dozen» and the novel trilogy by N. Abgaryan «All about Manyunya» in the light of the categories «known, familiar» and «alien». The empirical material was due to represent ne chronological period and to focus on characters that are peers in terms of their age and lifestyle. It is also important that the creative works were written in different countries to cover intercultural, interethnic and also casually interfaith aspects. The main issues to consider are the following: intercategory transition of «alien» into «known» and the possibility to do without the category of «alien» as it is. The article employs the comparative method of analyzing literary works. It proves that the category if «alien» is rarely an obligatory one in a literary work. At the same time it helps to emphasize the contrasts in the characters perceiving the world around them. Transiting from «alien» towards «known» is repeatedly in the limelight as it comes to analyzed works under study. Their example portrays the rapprochement of «alien» becoming possible due to the characters' way of demonstrating openly their real selves and desires. The findings contribute to better understanding the way the children are getting along which is a projection of interpersonal relationships in adults.

Keywords: «ours» – «other», rapprochement of «other», friendship, interpersonal relationships, Narine Abgaryan, Vera Ferra-Mikura.

For citation: Krasovizkaya, Yu. V. (2024). Ours vs other: strategies and tactics of rapprochement («Twelve people are not a dozen» by V. Ferra-Mikura, «All about Manyunya» by N. Abgaryan). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(53), 51–67. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.04>

Введение

Издавна человек задумывается о том, что такое настоящая дружба. Почему иногда удается сразу наладить контакт и почувствовать себя в гостях как дома, а когда-то ощущаются лишь неприязнь и отчуждение. Эти вопросы по праву заслуживают внимания исследователей

в самых разных областях: в психологии и философии, культурологии и семиотике, в педагогике и теории коммуникации. Данная проблема волнует не только взрослых, но и детей, а с ними — детских писателей. При этом именно креативность и воображение в книгах для детей нередко помогают в преодолении жизненных сложностей (*creativity in childrens books in terms of problem solving*) (Ünal, Mentese, & Sevimli Celik, 2023).

В статье рассматриваются два произведения детской литературы: «Двенадцать человек не дюжина» (*ZwölfLeute sind kein Dutzend*, 1962) австрийской писательницы Веры Ферра-Микуры и «Все о Манюне» (первая часть трилогии под названием «Манюня» издана в 2010 году) русскоязычной писательницы армянского происхождения Наринэ Абгарян. Несмотря на полувековую разницу во времени написания, роман и повесть интересно анализировать в одном контексте. Они описывают близкие по хронологии события, происходившие в 1960-х – начале 1980-х годов в Армении и Австрии. И хотя в повседневной и культурной жизни двух стран имеются несомненные различия, авторы произведений с помощью многочисленных деталей, особенностей поведения и общения персонажей передают общий неповторимый дух эпохи. Герои книг также близки по возрасту: Нелли и Марианне по одиннадцать с половиной, Манюне и Наринэ в самом начале книги восемь, затем одиннадцать лет.

Роман Н. Абгарян (Абгарян, 2023) и повесть В. Ферра-Микуры (Ферра-Микура, 2017) неоднократно попадали в фокус внимания исследователей. Большинство работ, посвященных литературному творчеству В. Ферра-Микуры, были опубликованы в Австрии и Германии. Произведения писательницы смело могут быть вписаны в «общелитературный немецкий контекст» (Красовицкая, 2012, с. 493).

Хотелось бы отметить появившиеся в последние годы труды. С. Блумесбергер (2007) подчеркивает смелость писательницы, одной из первых среди современников в 1960-е годы обратившейся в своих детских книгах к серьезным социальным, психологическим, межличностным аспектам взаимоотношений. Особого внимания заслуживает уважительное отношение к ребенку как к субъекту, не боящемуся вступать в конфронтацию с возникающими проблемами. Именно ребенку часто удается найти правильный выход из сложившейся ситуации и указать на него взрослым (Blumesberger, 2007, S. 30).

Эти наблюдения находят отражение и в специальном выпуске журнала «Libri liberorum» (2003), посвященном творчеству писательницы. Данный аспект заслуживает внимания в контексте рассматриваемой нами проблематики межличностных взаимоотношений. Среди исследователей творчества В. Ферра-Микуры необходимо отметить таких ученых, как В. Буркхарт, Э. Зайберт, Х. Лексе.

Книга «Манюня», вскоре превратившаяся в трилогию «Все о Манюне», сразу после выхода в свет заинтересовала литературоведов. В 2015 году была напечатана статья «Педагогический потенциал романа Наринэ Абгарян “Манюня”». Внимание авторов в первую очередь уделяется здесь образовательному

и воспитательному аспектам. Анализируются примеры детского поведения, своеобразии реакций и сделанных выводов. Подчеркивается, что дидактическая ценность романа «заложена не в совокупности поучительных историй (чья ценность, конечно же, не умаляется), а в том, чтобы показать читателям истинную цену дружбы и любви» (Зворыгина, 2015, с. 92).

Л. Г. Кихней и О. И. Осипова в статье «Структура автобиографического повествования в романной трилогии Н. Абгарян “Манюня”» отмечают повествовательные эксперименты: «нарратор может находиться над миром героев и вне его, в повествование встраивается имплицитный диалог с читателем» (Кихней, и Осипова, 2019, с. 607). В нашей работе на важность этого аспекта также обращается внимание. Смена «ракурса» способствует углублению в саморефлексию и более четкому обозначению границ своего и незнакомого пространства.

В контексте затронутой темы следует отметить диссертацию Е. О. Груниной «Языковая личность ребенка в русской современной художественной литературе (на материале романов Н. Абгарян)» (Грунина, 2022). В ней подчеркивается проблема детского восприятия мира и поиска своего места в нем. Анализируемый литературный материал позволяет охарактеризовать ребенка-персонажа в «личностном, когнитивном, языковом, коммуникативном, лингвокультурном аспектах» и выстроить на этой базе модель языковой личности реального ребенка (Грунина, 2022, с. 5). Разнообразие поведенческих моделей свидетельствует о множестве вариантов и форм сближения «своего» и «иного».

В статье Е. В. Зиминой и М. С. Саркисян поднимается «вопрос передачи культурного кода в мультикультурной среде» на примере детской шотландской литературы и произведений Н. Абгарян. Затрагивается аспект «потенциала педагогики многоязычия» (*potential of the pedagogy of multiliteracies*) (Pereira, Gil, & Bunzen, 2023). Доказывается, что в книгах для детей есть важная «аутентичная культурная информация», которая способствует формированию «идентичности читателя». Она знакомит реципиента с собственной культурой и может «стать посредником в налаживании межкультурного взаимопонимания» (Зиминая, и Саркисян, 2022, с. 324). Это, в свою очередь, свидетельствует о возможности формирования в иноязычной среде «культурного самоопределения личности» (Тарева, 2022, с. 21).

Процесс укрепления дружбы девочек в обоих взятых нами произведениях заслуживает отдельного внимания с точки зрения литературоведения. Целью статьи является попытка проанализировать выбранный материал в свете категорий «свой» – «другой» и показать, как эта дихотомия, а также смена категорий в сознании персонажей могут повлиять на развитие сюжета произведения, систему образов, характер и мировоззрение героев.

Проблемными в данном случае выступают два вопроса: как происходит переход от категории «иного/другого» к «своему» и насколько допустимым является отказ от последнего элемента в триаде «свой» – «другой/иной» – «чужой».

С этой точки зрения произведения В. Ферра-Микуры и Н. Абгарян еще не рассматривались исследователями и не сопоставлялись между собой. В связи с этим в предлагаемой статье предстоит выполнить следующие задачи:

- выбрать в произведениях наиболее яркие моменты, позволяющие проанализировать восприятие героями объектов/явлений, относящихся к своему или иному пространству;
- сопоставить детали и различия в изображении «своих» и «иных» объектов/явлений;
- проследить процесс «освоения» «иногo» пространства или сближения с представителями «другого» мира;
- выделить столкновение с категорией «чужой» и проанализировать роль подобных эпизодов в контексте всего художественного произведения.

Методология исследования

В основу данной работы положен сравнительно-сопоставительный метод анализа литературных произведений. Обращаясь к проблеме изображения категорий «свой» – «иной/другой» – «чужой», хотелось бы кратко остановиться на некоторых близких по тематике работах исследователей.

«Семиотика человеческого поведения предполагает существование “другого” как необходимое условие идентификации личности и формирования самосознания. Благодаря существованию “другого” человек способен формировать суждение о себе как о субъекте и объекте одновременно. “Другой” выступает посредником в отношениях личности с собой и наблюдателем её мыслей и ощущений» (Ермакова, 2014, с. 224). Здесь стоит отметить само «усиление его [человека] значимости в мире» (Красовицкая, 2010, с. 58). «Процесс самоидентификации Я» происходит «через осознание Другого, реального человека» (Неверович, 2016, с. 35). В. А. Ермакова и Г. А. Неверович справедливо располагают категорию «другого» в промежутке между «своим» и «чужим». Это важный переходный этап. Сталкиваясь с чем-то впервые, субъект пытается осознать и отсортировать новое в соответствии со своими предпочтениями и представлениями о мире. Определенные элементы «я» выводит в область «чужого». «Говорящий, отрицательно оценивая тот или иной объект, доводит эту отрицательную оценку до предела тем, что исключает объект из своего культурного и/или ценностного мира и, следовательно, отчуждает его как элемент <...> чуждой и враждебной ему культуры», — подчеркивает А. Б. Пеньковский (Пеньковский, 1989, с. 15). Часто «в ситуации осмысления универсалий “свое” и “чужое” формируется национально-культурная идентичность личности» (Карпухина, 2023, с. 184). В произведениях для детей эта проблема, как правило, имеет второстепенное значение.

Стоит оговориться, что границы категории «чужой» могут быть очень размыты. В данной статье мы придерживаемся мнения М. Л. Дубоссарской, утверждающей,

что «другой» — это не один из «своих», он отличается, но при этом «Другой не несет, в отличие от Чужого <...> угрозу существованию Своих» (Дубоссарская, 2008, с. 170). Своей инаковостью он вызывает скорее интерес, а не отчуждение или агрессию. В соответствии с этим мнением нами не учитывается возможность отождествления понятий «другой» и «чужой», как это предлагается в диссертационном исследовании О. А. Кулагиной (Кулагина, 2012, с. 13).

При рассмотрении обозначенной проблематики следует кратко обратиться к понятиям «идентичность/инаковость/толерантность», тесно связанным между собой прежде всего в рамках межкультурной коммуникации. Термины *идентичность* и *инаковость*, подчеркивает Л. Г. Викулова, «составляют бинарную оппозицию», а термин *толерантность* «объединяет данные понятия, так как признание идентичности и адекватное восприятие инаковости — условия толерантности» (Викулова, и Кулагина, 2013, с. 34). В книгах В. Ферра-Микуры и Н. Абгарян герои-дети нередко демонстрируют свою толерантность к различным феноменам мира взрослых. Подобное отношение далеко не всегда переходит в желание включить того или иного субъекта/объект в «свое» пространство. Толерантность в данном случае сближается с нейтральностью, терпимостью и даже равнодушием.

Переходя к анализу текстов, хотелось бы еще раз обозначить выдвигаемый нами тезис: в межличностных, межнациональных и даже межконфессиональных отношениях в рассматриваемых произведениях противопоставление в основном затрагивает категории «свой» – «другой/иной». Отчужденность и враждебность, как будто для создания контраста, демонстрируются в редких случаях, о которых будет сказано отдельно. При этом сам процесс перехода из категории «иного» в область более родного и по-настоящему «освоенного» неоднократно оказывается в произведениях в центре внимания.

Выбранный нами сравнительно-сопоставительный метод позволяет не только детально проследить за изменением поведения, взаимоотношений героев, их восприятия объектов и явлений окружающего мира, но и провести своеобразный *эксперимент*.

Нами намеренно изымаются из общего хода повествования эпизоды, иллюстрирующие процесс освоения героем-ребенком окружающего мира, процесс сближения с ним, феномен переноса объекта в близкую интимную сферу и одновременно связанную с этим саморефлексию. Сосредоточивая внимание на избранных фрагментах, мы получаем возможность сравнить детали обозначенных процессов в видении двух авторов, живших в разные эпохи в разных странах. Выводы, сделанные в ходе наблюдения и анализа, приводят к мысли о том, что в восприятии и постижении мира героем-ребенком перво-степенную роль играет именно сопоставление понятий «свой» – «иной». Здесь уже отражаются первичные «знания человека об окружающем мире и о себе самом» (Авербух, 2018, с. 21), а также происходит определение «основных социальных и культурных параметров взаимодействия взрослой и детской аудитории» (Викулова, Кулешова, и Вяткина, 2014, с. 231).

Ход исследования

Наринэ Абгарян начинает повествование с описания знакомства Нары с Манюней. После получения письменного приглашения в гости Нара проходит настоящую подготовительную церемонию: мама ее тщательно моет и причесывает, одевает в лучшее платье. Сборы придают готовящейся встрече особую торжественность и одновременно лишают героиню всякой уверенности в себе: «И тут силы окончательно покинули меня <...> Я молча поплелась за Маней, не поднимая глаз» (Абгарян, 2023, с. 17). Столкновение с незнакомым, с категорией «иногое» заставляет ребенка углубиться в саморефлексию. Девочка кажется сама себе маленькой и незначительной. Это осознается также благодаря манере повествования, позволяющей постоянно менять перспективу и показывать события последовательно с позиции ребенка, с позиции взрослого, с точки зрения повествователя, вспоминающего свое детство: «Я вспомнила, как мама учила нас держать спину правильно <...> теперь моя осанка была идеальной. Видимо, Ба оценила мои старания <...> — Грудь моряка, попа индюка! — Я решила, что это комплимент, поэтому вздохнула с облегчением и смело подняла глаза» (Абгарян, 2023, с. 19).

Автобиографическое повествование в целом, как отмечают Л. Г. Кихней и О. И. Осипова, отличается сложной языковой структурой. «Герой оказывается в текстовом пространстве и как субъект воспоминаний, и как объективный повествователь, выстраивающий художественный мир» (Кихней, и Осипова, 2019, с. 609). Это сближает художественный мир с реальностью и переносит фокус внимания на проблему саморефлексии в окружающем незнакомом, отчасти чужом мире.

Столкновение с «другим» заставляет героиню взглянуть на себя иначе, а также расширяет детское мировоззрение в целом. Вполне естественно, что восьмилетняя девочка прежде всего включает в свой ближайший круг родной дом и семью. Выход за пределы привычного и уютного пространства вызывает страх, смешивающийся с любопытством. Благодаря эпизоду знакомства с домом будущей подруги, отличающимся укладом жизни, новыми героями образ Наринэ наделяется для читателя многими дополнительными чертами, как то: стеснительность, импульсивность, доверчивость. Кроме того, мы видим дом Ба и ее небольшой семьи с позиции маленькой гостьи. Это накладывает отпечаток на образ новых персонажей. И именно процесс сближения, перехода из категории «иногое» в категорию «своего» предопределяет последующее их описание.

Дом Манюни «большой двухэтажный каменный <...> с несколькими лоджиями» (Абгарян, 2023, с. 16) вызывает у Нары удивление. Однако освоение пространства происходит достаточно быстро. При этом немалую роль играет завораживающе вкусный запах свежеспеченного песочного печенья. Он манит и успокаивает, навеивая личные воспоминания и заставляя маленькую героиню обратиться к собственному опыту и воспоминаниям. Особенно

приветливой оказывается кухня. Сама баба Роза как будто несет в себе черты этого места. Героиня уже не представляется «огнедышащим чудищем», это «обычная бабушка», суеятаяся у плиты в теплых домашних тапках и в платье в мелкий цветочек. Процедура знакомства заканчивается разговором Ба с мамой Нары. Вывод следует однозначный: «А ты, оказывается, хорошая девочка, Наринэ», — говорит баба Роза (Абгарян, 2023, с. 21).

Таким образом, первый визит Наринэ в дом Манюни как будто приравнивается к обряду инициации — отныне у подруги ее всегда будут считать своей. Письменное приглашение служит стартовым сигналом, фотоальбом, который девочка по просьбе хозяев приносит с собой, становится вещественным доказательством благонадежности новичка и в то же время подтверждает важность, в частности для Ба, категории рода в восприятии отдельно взятого человека. Наличие альбома как будто демонстрирует открытость субъекта, идущего на контакт. В то же время фотографии иллюстрируют быт, недостаток семьи, для наблюдательного человека они могут приоткрыть завесу над семейными тайнами и нюансами межличностных отношений. Все это влияет на ускорение или замедление сближения.

С помощью альбома, и это тоже важно, выясняется, что баба Роза и мама Нары землячки: мамина родня живет в Кировабаде, а бабушка Манюни родом из Баку. (Трепетное отношение к вопросу землячества, принадлежности к единому географическому и духовному пространству отчетливо проявляется уже в самом начале произведения в авторском комментарии: «Мое признание в бесконечной любви родным, близким и городу, где мне посчастливилось родиться и вырасти» (Абгарян, 2023, с. 11).) Граница, разделяющая две семьи, все больше нивелируется. Телефонный разговор лишь укрепляет взаимную симпатию: женщины переходят на французский язык, как будто подчеркивающий сходство их воспитания и образования. Результатом переговоров становятся взаимные приглашения в гости. И это уже является важным шагом, поскольку, открывая свой дом, человек позволяет прикоснуться к своему внутреннему миру. «Ба вообще была достаточно замкнутым человеком и мало кого “допускала к телу”. Моя семья стала редким исключением <...> Ба раз и навсегда впустила нас в свое сердце и не выпускала оттуда уже никогда» (Абгарян, 2023, с. 136).

Приведенная цитата обозначает совершившийся переход в сознании героев. Он предопределяет развитие сюжета. В дальнейшем повествовании девочки и их семьи уже более не существуют отдельно друг от друга. Все проделки, радости и горести делятся пополам. Дети проводят время вместе то в одном, то в другом доме. Героини любят признаваться друг другу в искренней дружбе, а их родители/бабушки окружают «дополнительного» ребенка заботой и одновременно берут на себя ответственность за его воспитание. Вследствие этого происходит важное изменение в мировосприятии и самопозиционировании героев — через сближение с другими/иными персонажами и принятие их в близкий круг общения — происходит расширение числа социальных ролей,

раскрываются собственные внутренние потенциалы, возникает череда общих воспоминаний, обнаруживающих новые перспективы для саморефлексии. Отныне литературные персонажи раскрываются более полно и обретают все больше сходства с их реальными прототипами.

Проблема перехода в круг «своих» играет важную роль и в повести В. Ферра-Микуры. Путь к сближению двух главных героинь начинается с откровенного разговора, затрагивающего важные моральные ценности, как то: уважение другого человека, доброта, терпимость. Нелли ведет Марианну к магазину «Все для домашнего хозяйства», чтобы защитить честь семьи. Именно здесь она может наглядно продемонстрировать, что ее родные «не двенадцать пуговиц с фабрики, похожих друг на друга как две капли воды <...>, а двенадцать совсем разных людей <...> не дюжина!» (Ферра-Микура, 2017, с. 13). Таким образом, происходит отказ «от устоявшихся стереотипов» (from fixed stereotypes) (Sarlo, Guichot-Muñoz, & Hunt-Gómez, 2022) в представлении о большой семье, где даже имена людей могут забываться и их самооценку как индивидов уменьшаются. Марианна в ответ не вступает в спор, но и не обижается. Она ощущает свою неправоту. «Иное» вызывает у нее интерес. Однако речь не идет о поверхностном любопытстве. Здесь, как подчеркивает М. Л. Дубоссарская, «имеется в виду попытка понять глубинные причины непохожести Другого на Меня и на Своих. В идеальном случае интерес к Другому должен сопровождаться готовностью сделать для этого некоторые душевные и интеллектуальные усилия. Я внутренне (мысленно или на эмоциональном уровне) ставлю себя на место Другого, пытаюсь увидеть ситуацию его глазами, хотя при этом и отдаю себе отчет в том, что полная самоидентификация с Другим невозможна в силу его инаковости» (Дубоссарская, 2008, с. 171).

Именно так ведет себя Марианна. Ее спокойствие и готовность к диалогу, одновременно к переосмыслению своих выводов, выстраивает мостик для дальнейших дружеских отношений и, как следствие, для развития образов персонажей и сюжетных линий. Возникновение дружеских отношений служит своеобразной завязкой. Мы наблюдаем за поступками героев, их переживаниями, происходящими переменами уже в контексте дружбы. Теперь девочки и их семьи как будто принадлежат к единому лагерю. И это определяет последующий ход действия.

Одним из важных звеньев сюжета становится первый визит Марианны к Нелли. Словно по числу своих хозяев, дом — старый охотничий замок — имеет номер 12 и является единственным маленьким зданием среди высоких новостроек на улице Небоскребов. Объект охраняется государством как памятник старины. Это также символично. Большая, а самое главное, очень дружная семья Нелли тоже заслуживает особого трепетного отношения к себе. Людей сближают не только родственные узы, но и необыкновенно легкий, даже веселый подход к жизни. Герои смеются, устраивают совместные праздники, хотя денег в семье совсем немного. Тем не менее финансы не превращаются здесь

в фетиш. Каждый имеет возможность жить так, как велит ему сердце. Родные лишь соглашаются с этим и поддерживают как могут. У Марианны кроме родителей (братик появляется на свет лишь в самом конце повести) никого нет, она не привыкла к «общинной жизни», обилие людей вызывает у нее растерянность. Поэтому особого внимания заслуживает процесс адаптации девочки в новой для себя обстановке.

Дом Нелли начинает раскрываться перед Марианной, когда сама хозяйка проводит маленькую экскурсию. Девочка любит свой замок и старается показать его с самой лучшей стороны, чтобы помочь гостю почувствовать себя уютно. Тем не менее новичку не удастся избежать неловкости. Удивление, смущение, даже страх сменяют друг друга, когда Марианну просят зайти к работающей над новым романом и запершейся в своей комнате тете Фелиците: «Вид у Марианны был обескураженный. <...> Она чувствовала, что постучаться к сестре тети Греты — дело очень опасное» (Ферра-Микура, 2017, с. 49). Неуверенность, однако, не переходит в панический ужас как у Наринэ, пришедшей на «смотрины» к Ба, потому что здесь не нужно вести себя безукоризненно, чтобы понравиться хозяевам. Да и в целом нет довлеющей фигуры взрослого. Каждый член семьи занят своими делами. Индивид — гость или хозяин — волен вести себя так, как ему хочется. Это раскрепощает и помогает адаптироваться.

И все же по-настоящему как дома Марианна чувствует себя первый раз в чулане «среди всякого хлама и таинственно поблескивавших сетей паутины» (Ферра-Микура, 2017, с. 63). Здесь ей позволяют погрузиться в чтение «Семейной хроники». Снова появляется столь важная тема знакомства с историей семьи. Во многом благодаря хронике Марианна проникается особым доверием и симпатией к обитателям дома. Для нее они больше не странные, но добрые и интересные люди. «А у вас тут весело!» — делает вывод девочка (Ферра-Микура, 2017, с. 72). В этих словах звучит не только приятие, но даже восхищение.

Только что возникшее доверие, появившуюся симпатию еще нельзя поставить в один ряд с ощущением поистине родного: «У Нелли ей понравилось, но как хорошо возвращаться домой!» (Ферра-Микура, 2017, с. 74). Милые знакомые лица родителей становятся символом «своего» пространства (Ферра-Микура, 2017). Поэтому для продолжения настоящей дружбы Марианне так важно пригласить подругу уже в свой дом.

Нелли, приходя к Марианне, быстро осваивается благодаря возникшей между девочками духовной близости. Гостя помогает хозяйке навести идеальный порядок в квартире, куда вот-вот вернется мама Марианны с новорожденным сыном. Важным элементом оказывается детская кроватка, передающаяся по наследству от родителей Нелли родителям Марианны. Подарок намекает на зарождающуюся дружбу семей.

Процесс духовного сближения символизируют в обоих произведениях и общие трапезы. Визитной карточкой Ба по праву считается ее выпечка.

Песочное печенье «моментально таяло, и язык обволакивало щекочущее тепло <...> только потом, по маленькому осторожному глоточку, можно было это сладкое счастье отправлять себе прямым в душу» (Абгарян, 2023, с. 20). Восхитительный вкус создает тепло и уют, которые так нужны гостю.

Марианна не присутствует за столом в доме Нелли. Однако то радушие, с которым девочку встречают на закрытой вечеринке в честь дня рождения дедушки Зомера, дает право предполагать, что и ее как хорошую подругу Нелли могли бы с удовольствием пригласить к семейному ужину или завтраку. О лакомствах за столом в замке речь не идет. Еда довольно простая — часто подаются лишь бутерброды с колбасой и сыром. При этом отдельное внимание уделяется солонке, ее постоянно передают из рук в руки, она как будто служит объединяющим звеном. Соль добавляет вкуса скромной пище, ею можно посыпать и обычный хлеб. В то же время терпеливая передача единственной солонки и сопровождающие эту процедуру шутки сплавивают людей. Описание общих застолий позволяет читателю лучше понять царящую в охотничьем замке атмосферу, проникнуться симпатией к персонажам. А ведь именно симпатия служит проводником для перехода из категории «иного» в категорию «своего».

В обоих произведениях словно для контраста приводится пример чужого пространства и отчужденного поведения героев.

В повести В. Ферра-Микуры появляется Фрау Кульм, к которой мама хочет отвести Марианну на время своего пребывания в роддоме. Девочку эта идея совсем не радует. Первой вызывающей раздражение особенностью Кульм она считает ее лживость. В самый близкий круг общения, как правило, принимаются надежные люди. Притворство изначально исключает возможность доверия. Поворотным моментом становится разговор женщины с отцом Марианны. Она даже не пускает своего гостя на порог, разговаривает через щелку двери и демонстративно чихает на пришедшего. Создается физическая и эмоциональная граница.

В книге Н. Абгарян примером может служить приезд сестры тети Светы с семьей. Муж сестры — москвич. И уже этот факт становится причиной переполоха и смущения. Считается, что в Москве живут более культурные воспитанные люди и местных они могут принять за дикарей. У девочек подобное сравнение вызывает обиду и желание насолить приезжим: «<...> нам хотелось прямо здесь и сейчас совершить какую-нибудь гадость» (Абгарян, 2023, с. 79). Москвич в их фантазии рисуется по-разному. Он может быть одет в футболку «с олимпийским мишкой <...> играет на гитаре и ест мороженое эскимо столько, сколько ему влезет» (Там же). Он блистателен и недостижим. Тут же в воображении создается его антипод: «он гадкий и сморкается в скатерть, а еще у него из носа торчат пучки волос <...> и уши у него волосатые» (Там же).

Идеализированный или намеренно сниженный образы представляются героиням романа не соответствующими некоей интуитивно определяемой норме. Москвич совсем «иной». Однако при личном знакомстве оказывается приятным собеседником. Девочки даже влюбляются в него, каждая по-своему.

Встреча с конкретным человеком быстро вытесняет общие расплывчатые представления о жителях столицы. И в этом заключается один из секретов межкультурного диалога.

В свою очередь, ненависть на базе ревности вызывает жена москвича, некогда местная — Ася. Манюня величает ее выдрой. Отправляясь в столицу, Ася будто отрывается от своей прежней жизни. Для девочек она совсем «чужая», и это усугубляется ее необдуманными словами и поступками. Ася не идет на контакт, демонстрирует свое высокомерие и даже презрение по отношению к юным героиням, вследствие чего создает непреодолимое препятствие для налаживания межличностных связей.

Отдельного внимания заслуживает появляющийся в романе Н. Абгарян эпизод, связанный с межкультурными и межконфессиональными различиями. Он имеет большое значение для нашего исследования, поскольку ярко подчеркивает важность стремления героев идти на контакт с «иным», адаптировать его в рамках собственного мировосприятия. В качестве «иных» в произведении описываются молокане (представители российской духовной православной секты). Здесь речь лишь отчасти может идти о национальных различиях, поскольку сама Наринэ наполовину русская — по маме. Интересен авторский комментарий, предваряющий посещение героями Красносельска: «Каждый раз, проезжая Красносельск, ты словно попадаешь в русскую народную сказку» (Абгарян, 2023, с. 164). Сказка красива, но непроницаема для пришельцев.

Молоканская девочка по имени Варя сравнивается со сказочной Аленушкой. Она удивляет Нару и Манюню своей одеждой, поведением, незнанием, казалось бы, основных элементов современной детской культуры (мультфильм «Ну, погоди!»). Но самое важное, у нее не возникает желания как-то сблизиться с незнакомками. В кафе отцы семейств также сталкиваются с весьма экзотическим поведением и шутками местных. Ни одна из сторон не понимает другую, и приезжие предпочитают поскорее завершить мимолетное знакомство. Вражды не чувствуется. Однако речи о переходе из категории «иног» в категорию «своего» здесь даже не ведется.

Межнациональные отношения также более наглядно иллюстрируются в романе Н. Абгарян. В качестве примеров можно упомянуть эпизод с цыганкой, демонстрирующий возможность ожесточенной национальной розни. Или, напротив, изображение истинной дружбы народов во время отдыха семей Нары и Мани в Адлере. Эти фрагменты не меняют тем не менее общую складывающуюся картину мира героев-детей. Девочки многому учатся на собственном опыте или в процессе наблюдения за другими персонажами. Однако наиболее существенную роль в их мировоззрении играет возникающая и развивающаяся дружба, расширяющая границы «своего» пространства.

Заключение

В обеих книгах подробно описываются возникновение и развитие детской дружбы, вовлекающей в круг «своих» даже взрослых родственников. Переход каждый раз связан с острыми внутренними переживаниями, дискомфортом, тем не менее в рассматриваемых произведениях он происходит достаточно быстро. Обе стороны охотно идут на контакт и приносят свой вклад в развитие отношений. Это приобретает особое значение для литературоведческого анализа произведений.

Сближаясь, герои-дети, а затем и их родственники-взрослые больше узнают друг о друге и о самих себе. Переход из категории «иного» в категорию «своего» происходит в соответствии с их поведенческой тактикой. При этом основной стратегией становится новое и более глубокое раскрытие характеров литературных персонажей, возможное лишь после их перемещения в «свое», знакомое и уютное духовное пространство.

Подготавливает перемещение из категории «иного» в категорию «своего» атмосфера уюта. К вспомогательным элементам можно отнести: радушие хозяев, вкусное угощение, общие занятия, знакомство с семейными традициями, фотографиями и хрониками. При этом основным фактором, помогающим герою стать «своим», является возможность быть самим собой в общении с другими персонажами. Это создает базу для взаимного доверия.

В обоих произведениях отдельно подчеркивается сам факт совершившегося перехода в категорию «своих». В книге Н. Абгарян это беспрецедентное радушие Ба и постоянное совместное пребывание девочек то в доме Манюни, то в доме Наринэ. В повести В. Ферра-Микуры доказательством служат допуск Марианны на закрытую вечеринку и помощь Нелли в уборке дома перед приездом мамы с новорожденным сыном.

Примером встречи с «иным», вызывающим лишь отстраненный интерес и удивление, становится случайное столкновение с молоканами. Этот эпизод помогает ярче проиллюстрировать разницу между отношениями, имеющими перспективу развития, и отчуждением.

Враждебное восприятие окружающих описывается в рассматриваемых книгах редко. Эти фрагменты необходимы, чтобы подчеркнуть контраст в развитии межличностного диалога. Встречи с «чужими» заканчиваются конфликтами. Каждый раз ссора возникает на базе изначально негативного отношения друг к другу и в результате непредсказуемого, вызывающего или агрессивного поведения одной из сторон. «Нападение» (удар по руке от Аси, презрительное чихание Фрау Кульм) служит сигналом для кратковременного обострения ситуации и последующего окончательного разрыва. Эти сцены вписывают яркие страницы в оба произведения.

Таким образом, на примере романа и повести, написанных для детей, мы можем понаблюдать за тем, как возникают и развиваются тесные межличностные

взаимоотношения, преодолевающие все препятствия на пути перехода из категории «иной/другой» в категорию «свой». Этот феномен имеет не меньшую ценность и для героев-взрослых. Однако для детей именно сопоставление понятий «свой» – «иной» играет первостепенную роль, отчуждение и враждебное отношение к чему-либо не выходят на первый план.

Список источников

1. Ünal, Z. D., Mentese, Y., & Sevimli-Celik, S. (2023). Analyzing Creativity in Childrens Picture Books. *Children's Literature in Education*. <https://doi.org/10.1007/s10583-023-09535-x>
2. Абгарян, Н. Ю. (2023). *Всё о Манюне*. АСТ.
3. Ферра-Микура, В. (2017). *Двенадцать человек не дюжина*. Махаон.
4. Красовицкая, Ю. В. (2012). Рецензия на книгу: Expressionismus 1960. *Mitteilungen des Deutschen Germanistenverbandes*. Göttingen: V & R Unipress, 2011. *Вопросы литературы*, 2, 492–493.
5. Blumesberger, S. (2007). *Kinder- und Jugendliteratur in und aus Wien im 20. Jahrhundert*. (2024, 14 января). <https://fedora.phaidra.univie.ac.at/fedora/get/o:836/bdef:Content/get>
6. *Libri liberorum. Mitteilungen der Österreichischen Gesellschaft für Kinder- und Jugendliteraturforschung*. (2003). Sonderheft März.
7. Зворыгина, П. Н. (2015). Педагогический потенциал романа Наринэ Абгарян «Манюня». *Молодой ученый*, 22.1(102.1), 90–92.
8. Кихней, Л. Г., & Осипова, О. И. (2019). Структура автобиографического повествования в романной трилогии Н. Абгарян «Манюня». *Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика*, Vol. 24, 4, 607–615.
9. Грунина, Е. О. (2022). *Языковая личность ребенка в русской современной художественной литературе (на материале романов Н. Абгарян)* [Диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва].
10. Pereira, I. S. P., Gil, M., & Bunzen, C. (2023). Wordless Picturebooks as Resources for the Construction of the Pedagogy of Multiliteracies. The Case of Migrants, by Issa Watanabe. *Children's Literature in Education*. <https://doi.org/10.1007/s10583-023-09544-w>
11. Зиминая, Е. В., & Саркисян, М. С. (2022). Культурные коды в детской литературе: голоса из Шотландии и Армении. *Studia Litterarum*, т. 7, 4, 324–347.
12. Тарева, Е. Г. (2022). Русский язык как инструмент становления наднациональной коллективной идентичности иностранных обучающихся. *Русский язык за рубежом*, 2(291), 21–26.
13. Ермакова, В. А. (2014). «Другой» как необходимое условие семиотизации личности (на материале русских и английских паремий). *Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение*, Вып. 89, 7(336), 224–229.
14. Красовицкая, Ю. В. (2010). Мотив обновления в драме Э. Толлера «Превращение». *Новый филологический вестник*, 2(13), 58–69.
15. Неверович, Г. А. (2016). Архетипическая мифологема «свой / чужой / другой» в художественном мире детства деревенской прозы (В. П. Астафьев «Далекая и близкая сказка»). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 4(58), ч. 2, 33–35.
16. Пеньковский, А. Б. (1989). О семантической категории «чуждости» в русском языке. В В. П. Григорьев (Ред.). *Проблемы структурной лингвистики: 1985–1987* (с. 13–49). Наука.

17. Карпухина, В. Н. (2023). Национальная идентичность и литературный канон в британской традиции XX века. *Studia Litterarum*, т. 8, 1, 178–197.
18. Дубоссарская, М. Л. (2008). Свой-чужой-другой: к постановке проблемы. *Вестник Ставропольского государственного университета*, 54, 167–174.
19. Кулагина, О. А. (2012). *Языковое портретирование «чужого» как способ передачи этнокультурного диссонанса во французском языке* [Диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.05. Москва].
20. Викулова, Л. Г., & Кулагина, О. А. (2013). Национальная идентичность в контексте инаковости: языковая репрезентация оппозиции «свой» – «чужие» во французской литературе XX века (на материале сборника эссе Ф. Мориака «Чёрная тетрадь»). *Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование*, 2(12), 33–42.
21. Авербух, К. Я. (2018). Культурная память слов как проявление языковых знаний о мире. *Инновационное развитие науки и образования*, 15–22. Наука и Просвещение.
22. Викулова, Л. Г., Кулешова, А. В., & Вяткина, А. А. (2014). Формирование коммуникативного пространства для детей и подростков: иллюстрированный журнал (на материале французской прессы). В Н. В. Аниськина, Л. В. Ухова (Ред.). *Активные процессы в социальной и массовой коммуникации* (с. 231–249). Коллективная монография. Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.
23. Sarlo, d. G., Guichot-Muñoz, E., & Hunt-Gómez, C. I. (2022). Sketching Motherhood. Maternal Representation in Contemporary Picturebooks: The Case of Spain. *Children's Literature in Education*, 54, 199–222. <https://link.springer.com/article/10.1007/s10583-021-09474-5>

References

1. Ünal, Z. D., Mentşe, Y., & Sevimli-Celik, S. (2023). Analyzing Creativity in Childrens Picture Books. *Children's Literature in Education*. <https://doi.org/10.1007/s10583-023-09535-x> (In English).
2. Abgaryan, N. Yu. (2023). *All About Manyunya*. AST. (In Russ.).
3. Ferra-Mikura, V. (2017). *Twelve People are Not a Dozen*. Mahaon. (In Russ.).
4. Krasovickaya, Yu. V. (2012). Book Review: Expressionism 1960. Reports of the German Society of Germanists. Göttingen: V & R Unipress, 2011. *Voprosy literatury*, 2, 492–493. (In Russ.).
5. Blumesberger, S. (2007). *Children's and youth literature in and out of Vienna in the 20th century*. (2024, January 14). <https://fedora.phaidra.univie.ac.at/fedora/get/o:836/bdef:Content/get> (In German).
6. *Libri liberorum. Mitteilungen der Österreichischen Gesellschaft für Kinder- und Jugendliteraturforschung*. (2003). Sonderheft März. (In German).
7. Zvorygina, P. N. (2015). Pedagogical potential of Narine Abgaryan's novel «Manyunya». *Molodoj uchenyj*, 22.1(102.1), 90–92. (In Russ.).
8. Kihnej, L. G., & Osipova, O. I. (2019). The structure of the autobiographical narrative in N. Abgaryan's novel trilogy «Manyunya». *RUDN Journal of Literature and Journalism*, Vol. 24, 4, 607–615. (In Russ.).
9. Grunina, E. O. (2022). *The linguistic personality of a child in Russian modern fiction (based on the material of N. Abgaryan's novels)*. [Dissertation for the PhD (Philology): 10.02.01. Moscow]. (In Russ.).

10. Pereira, I. S. P., Gil, M., & Bunzen, C. (2023). Wordless Picturebooks as Resources for the Construction of the Pedagogy of Multiliteracies. The Case of Migrants, by Issa Watanabe. *Children's Literature in Education*. <https://doi.org/10.1007/s10583-023-09544-w> (In English).
11. Zimina, E. V., & Sarkisyan, M. S. (2022). Cultural codes in children's literature: Voices from Scotland and Armenia. *Studia Litterarum, tom 7, 4*, 324–347. (In Russ.).
12. Tareva, E. G. (2022). The Russian language as a tool for the formation of supranational collective identity of foreign students. *Russkij yazyk za rubezhom, 2(291)*, 21–26. (In Russ.).
13. Ermakova, V. A. (2014). «The OTHER» as a necessary condition for the semiotization of personality (based on the material of Russian and English paroemias). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Iskusstvovedenie, Vyp. 89, 7(336)*, 224–229. (In Russ.).
14. Krasovickaya, Yu. V. (2010). The motive of renewal in E. Toller's drama «Transfiguration». *New Philological Bulletin, 2(13)*, 58–69. (In Russ.).
15. Neverovich, G. A. (2016). The archetypal mythologeme «own / strange / other» in the artistic world of childhood of village prose (V. P. Astafyev «A Far and Near Fairy Tale»). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice, 4(58)*, Ч. 2, 33–35. (In Russ.).
16. Pen'kovskij, A. B. (1989). On the semantic category of «strangeness» in the Russian language. In V. P. Grigoriev (Ed.). *Problems of structural Linguistics: 1985–1987* (pp. 13–49). Nauka. (In Russ.).
17. Karpuhina, V. N. (2023). National identity and the literary canon in the British tradition of the XX century. *Studia Litterarum, Vol. 8, 1*, 178–197. (In Russ.).
18. Dubossarskaya, M. L. (2008). Ours-strange-other: to the formulation of the problem. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta, 54*, 167–174. (In Russ.).
19. Kulagina, O. A. (2012). *Linguistic portraiture of the «strange» as a way of transmitting ethno-cultural dissonance in the French language* [Dissertation for the PhD (Philology): 10.02.05. Moscow]. (In Russ.).
20. Vikulova, L. G., & Kulagina, O. A. (2013). National identity in the context of otherness: linguistic representation of the opposition «ours» – «strange» in the French literature of the twentieth century (based on the collection of essays by F. Mauriac «Black Notebook»). *MCU Journal of Philology. Theory of Language. Linguistic Education, 2(12)*, 33–42. (In Russ.).
21. Averbuh, K. Ya. (2018). Cultural memory of words as a manifestation of linguistic knowledge about the world. In K. Ya. Averbukh & G. Yu. Gulyaev (Eds.). *Innovative development of Science and Education* (pp. 15–22). Nauka i Prosveshchenie. (In Russ.).
22. Vikulova, L. G., Kuleshova, A. V., & Vyatkina, A. A. (2014). Formation of a communicative space for children and adolescents: an illustrated magazine (based on the material of the French press). In N. V. Aniskina, L. V. Ukhova (Eds.). *Active processes in social and mass communication* (pp. 231–249). A collective monograph. Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinskogo. (In Russ.).
23. Sarlo, d. G., Guichot-Muñoz, E., & Hunt-Gómez, C. I. (2022). Sketching Motherhood. Maternal Representation in Contemporary Picturebooks: The Case of Spain. *Children's Literature in Education, 54*, 199–222. <https://link.springer.com/article/10.1007/s10583-021-09474-5> (In Spanish).

Информация об авторе

Юлия Владимировна Красовицкая — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры германистики и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Yuliya V. Krasovizkaya — PhD (Philology), Docent, Associate Professor at German Studies and Linguistic Didactics Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.161.1'373

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.05

СЕМАНТИКА СТЕРЕОТИПНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МАСКУЛИННОСТИ В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Маркина Людмила Витальевна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

markina.lv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0391-002>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению представлений о нормативной, гегемонной маскулинности (мужественности) в русских традиционных и современных паремиях — антипословицах. Актуальность исследования данной проблемы обусловлена необходимостью изучения вызванных экономическими, общественными, культурными переменами в стране изменений в социогендерных отношениях, в частности трансформационных процессов в практиках объективации маскулинности, эффект от воздействия которых оказывается травмирующим для российских мужчин. Цель работы — выявить и описать специфику представлений о маскулинности в традиционных и современных паремиях в их обусловленности социокультурным контекстом. Статья направлена на обнаружение изменений в базовых характеристиках гегемонной мужественности, детерминированных современными реалиями, и реакции на них в отечественном социуме. Материалами для анализа послужили традиционные и современные паремии, извлеченные из словарей пословиц и антипословиц, а также интернет-источников. Методы исследования: описательный и сравнительно-сопоставительный, метод культурологического анализа.

В статье проанализированы актуальные в восприятии россиян характеристики мужественности, репрезентированные в традиционных и современных паремиях. Обосновано и конкретизировано содержание семантического наполнения представлений о маскулинности как о злободневном феномене, вызывающем бурные дискуссии в современном отечественном социуме. Доказана глубокая внедренность

в общественное сознание таких ядерных признаков маскулинности, как властность (доминантность) и сопутствующая этому признаку агрессивность, право на насилие, противопоставленность женщине и всему женскому как ущербному, девиантному, что подтверждается приверженностью этим характеристикам в общественной практике и их неизменностью. Показано обусловленное современными реалиями изменение сущности позиций главы семьи и добытчика, кормильца, подвергшихся переосмыслению и размыванию с изменением исторических обстоятельств. Предъявленные в статье материалы и в качестве дополнения к ним анализ специализированных исследований по проблеме позволяют констатировать преобладающий на настоящий момент консерватизм во взглядах на традиционную маскулинность как мужской, так и женской отечественной аудитории, включая аудиторию молодежную, даже при условии большей подвижности представлений о конструкторе мужественности у молодых людей. Полученные результаты позволяют также увидеть этноспецифические гендерные нюансы проблемы взаимоотношений полов в российском социуме и в определенной степени могут помочь сориентироваться в поисках путей решения гендерного конфликта.

Ключевые слова: маскулинность, гендер, паремия, трансформ, патриархальность.

Для цитирования: Маркина, Л. В. (2024). Семантика стереотипных представлений о маскулинности в русских паремиях: вчера и сегодня. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(53), 68–81. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.05>

Original article

UDC 811.161.1'373

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.05

SEMANTICS OF STEREOTYPICAL VIEWS ON MASCULINITY IN RUSSIAN PARODIES: YESTERDAY AND TODAY

Lyudmila V. Markina

Moscow City University,

Moscow, Russia,

markina.lv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0391-002>

Abstract. The article considers the ideas of normative, hegemonic masculinity in Russian traditional and modern anti-theological parodies. The study proves relevant due to the need to study changes in social gender relations caused by economic, social, and cultural shifts in the country, in particular transformational processes in objectifying masculinity, the effect of which is traumatic for Russian men. The study aims to identify and describe the views on masculinity as represented in traditional and modern parodies incorporated into social and cultural context. The article aims to identify changes in the basic features of hegemonic masculinity, determined by modern realities, and the reaction to them in the Russian society. The empirical materials were traditional and modern parodies

extracted from dictionaries of proverbs and anti-proverbs, as well as Internet sources. Research methods: descriptive and comparative analyses, cultural analysis. Results. The article identifies and describes the features of masculinity relevant for Russians and represented in traditional and modern parodies. The research substantiates the semantic content of views on masculinity as a topical phenomenon that causes heated discussions in modern Russian society. There is evidence that such nuclear signs of masculinity as imperiousness (dominance) and concomitant aggressiveness, the right to violence, opposition to a woman and everything feminine as flawed, deviant are deeply implanted into the public consciousness, which is confirmed by adherence to these features in public practice and their immutability. The article shows the change in today's way to understand the positions of the head of the family and the breadwinner, which have undergone rethinking and «blurring» with a change in historical circumstances. Conclusions. The findings emphasize the currently prevailing conservatism in views on traditional masculinity of both male and female domestic audiences, including the youngsters, even though the latter seem to have a greater mobility of ideas concerning masculinity. The results obtained also highlight the ethno-specific gender nuances of gender relations in the Russian society and, to a certain extent, can help to navigate the search for the ways to address the gender conflict.

Keywords: masculinity, gender, paremia, transform, patriarchy.

For citation: Markina, L. V. (2024). Semantics of stereotypical views on masculinity in Russian parodies: yesterday and today. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(53), 68–81. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.05>

Введение

Категории маскулинности (мужественности) и фемининности (женственности) — чрезвычайно важные компоненты общественного сознания, сопряженные с понятием гендера. В отечественном социуме гендерная тематика связывается прежде всего с феминистской повесткой, вызывающей в нашем обществе явно негативный эффект. Слово *феминистка* весьма часто звучит как бранное слово, ругательство. Феминизм и феминисток отождествляют со всемирным злом, подозревают и даже прямо обвиняют в том, что именно они, а не диктуемые временем объективные изменения в политической, экономической, морально-этической сферах человеческих отношений, характерные для всего мирового сообщества, разрушают патриархальную цивилизацию, покушаются на традиционно сложившиеся семейные ценности и моральные устои.

На почве негатива активизируются различного рода отечественные мужские движения: *мужское государство, инициалы, маскулисты, реальные мужчины* и др. с мизогинной направленностью, заявляющие о матриархально-ориентированном социуме, мизандрии, «бабобеспределе», необходимости официального принуждения женщин к удовлетворению интимных потребностей мужчин, ратующие за так называемую положительную дискриминацию женщин. Декларируется также мужская дискриминация. Приводимые доводы:

обязательная воинская повинность существует исключительно для мужчин, мужчины позже выходят на пенсию, суды при разводе оставляют детей с матерями, алчные женщины создают семьи исключительно с целью использовать *аленей* (*алень* — появившееся сравнительно недавно жаргонное слово, обозначающее мужчину, которого в своих корыстных целях использует женщина, не давая ничего взамен; существуют активный, пассивный, боевой *алень*) и пр. Налицо нарастающая в нашей стране в условиях изменяющегося в мире гендерного порядка дисгармонизация в отношениях между полами. Гендерные проблемы, таким образом, в новой, современной реальности напрямую касаются и мужчин, в частности в аспекте представлений о маскулинности (мужественности) как о принципе, лежащем в основе отечественной гендерной системы.

Необходимость активного изучения столь значимой гендерной константы, как маскулинность, усугубляется имеющей место в научном дискурсе «критичной стабильных и универсальных гендерных категорий (Здравомыслова, Темкина, 2018), отказом от бинарности гендера (Кирилина, 2021), фиксирующимся в интернет-пространстве толерантным отношением к нетрадиционным связям, а также акцентированием в отечественном социуме проблемы традиционных ценностей, их сохранения. Социальная и научная дискуссия о феномене маскулинности может содействовать снижению накала страстей вокруг гендерных социальных границ, определения прав и обязанностей полов. Актуальность подобного рода исследований в отечественном научном сообществе хорошо осознают не только социологи, философы, психологи, историки и этнографы (а именно они наиболее активны в разработке данной проблемы), но со сравнительно недавнего времени и лингвисты.

Цель работы — выявить и описать специфику представлений о маскулинности в русских традиционных и современных, трансформированных, паремиях — антипословицах в их обусловленности социокультурным контекстом.

Материалом для анализа послужили пословицы и антипословицы из сборников и словарей паремий: «Словарь пословиц русского народа» В. И. Даля (2010), «Большой словарь русских поговорок» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной (2013), «Антипословицы Рунета: типология и словарь» Е. Иванова (2009), «Антипословицы русского народа» Х. Вальтера и В. М. Мокиенко (2005). Были использованы также интернет-источники — разнородные в тематическом отношении сайты и сообщества развлекательного, юмористического, информационно-новостного и подобного характера, где фиксируются трансформированные паремии, репрезентирующие представления о маскулинности в восприятии наших современников.

Методы исследования: описательный и сравнительно-сопоставительный, метод культурологического анализа.

Методология исследования. Описание материала опирается на теорию социального конструирования гендера, представление о социокультурной

обусловленности гендерной идентичности и гендерных отношений, а также признание маскулинности зависимым от социокультурного контекста явлением. Анализ материала носит междисциплинарный характер, позволяющий более точно проследить тенденции изменения конструкта.

Паремии (пословицы, поговорки, приметы), по устоявшемуся мнению исследователей, — ценнейший источник знаний о менталитете народа, народном быте, стереотипах народного сознания, традиционных ценностях и представлениях, что относится в полной мере и к представлениям о мужественности. В традиционном понимании пословица — это «логически законченное образное или безобразное изречение афористического характера, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией» (Мокиенко, 2010, с. 9). В энциклопедии «Русский язык» пословица определяется как «устойчивое в речевом обиходе, ритмически и грамматически организованное изречение, в котором зафиксированы практический опыт народа и его оценка определенных жизненных явлений. Выступает в речи, в отличие от поговорки, как самостоятельное суждение» (Русский язык. Энциклопедия, 1997, с. 355).

Любое умышленное изменение внутренней/внешней формы традиционной паремии, а также образование неузуальных конструкций по модели существующей паремиологической языковой единицы понимается нами как *трансформированная/современная паремия* (в другой терминологии *новая паремия, паремия-трансформ, антипословица* и пр.). Первоначально для обозначения преобразованных, инновационных паремических единиц немецким исследователем В. Мидером (Mieder, 1982) был предложен термин *антипословица*. Эти конструкции представляют собой значимые вербальные репрезентанты, позволяющие выявить, в частности, изменения в стереотипных представлениях о маскулинности, обусловленные преобразованиями в социокультурном контексте. Их анализ в указанном аспекте обнаруживает существенные для отечественной языковой культуры гендерные нюансы.

В нашей работе рассматриваются лишь некоторые социально весомые, статусные, ядерные характеристики феномена маскулинности, который требует дальнейшего лингвистического обсуждения, опирающегося на активный сбор новых и разнообразных эмпирических данных, выраженных языковыми средствами разного характера.

Изученность проблемы. Теоретической базой исследования послужили работы представителей лингвистической гендерологии: А. В. Кирилиной, Е. В. Грищенко, Л. С. Поляковой и др.; ученых-паремиологов: Н. Н. Семененко, О. Б. Абакумовой, Н. Ф. Алиференко, Г. Ш. Хакимовой; а также труды по общим вопросам социологии и анализу трансформаций конструктов маскулинности в современном российском обществе: И. С. Кона, Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной, В. А. Лабунской, И. Н. Тартаковской, С. В. Ушакина и др.

Отечественные лингвисты рассматривают маскулинность чаще всего как член бинарной оппозиции в сопоставлении с фемининностью, а также в сравнительно-сопоставительном аспекте с этой категорией в других языках (В. А. Ефремов, Е. С. Зиновьева, Е. С. Бадмаева, В. К. Барашян, У. С. Захарова, Е. А. Фурса и др.).

Обычно отмечают, что одним из первых маскулинность начал исследовать австралийский социолог Р. Коннелл (Connell, 2005). Однако немецкий социолог К. Куклик (Kucklick, 2008) в своей диссертации «Безнравственный пол — о появлении отрицательной андрологии», анализируя историю возникновения современной маскулинности и отрицательного образа мужчины, утверждает, что стереотип мужчины как безнравственного и склонного к насилию человека возник около 1800 года в работах таких философов, как Дж. Миллар, И. Г. Фихте и В. Гумбольдт. По утверждению одного из основателей современной российской социологической школы И. С. Кона, интерес к категории маскулинности как базовой категории, лежащей в основе социальной реальности, активизировался в 80-е годы прошлого века (Кон, 2008). Столь пристальное внимание к проблеме феномена маскулинности именно и прежде всего социологов, без сомнения, находит объяснение в чрезвычайной значимости фактора пола, гендерной определенности для отношений людей в любых сферах жизнедеятельности: в семье, экономике, политике, культуре. В центре внимания ученых была традиционная (нормативная, эталонная, гегемонная) маскулинность.

Исследователи отмечают отсутствие однозначного определения категории маскулинности. Вслед за С. Бем (Бем, 2004) мы понимаем под маскулинностью (мужественностью) наборы желаемых психологических и поведенческих свойств и качеств, ожидаемых от мужчин в конкретном социально-историческом контексте.

Результаты

Чаще всего традиционную маскулинность в массовом сознании определяют через совокупность статусных признаков — власть, разум, агрессивность, жесткость, физическая сила, активность и др.; философы соотносят ее также с духом, инициативой. Среди признаков этой маскулинности можно выделить основные, ядерные: доминирование (утверждение мужской власти), агрессивность (способность и склонность к насилию), рациональность (здравомыслие, правильность, практицизм — в противоположность женскому иррациональному). «В рамках патриархального сознания культурная норма человеческой идентичности определяется через дефиницию маскулинности. И в рамках патриархальности культурная норма мужской идентичности состоит во власти, престиже, привилегии и прерогативы как “над”, так и “против” женского начала» (Тулузакова, 2011, с. 235).

Русские поговорки передают национальное видение маскулинности, обусловленное патриархальными установками, отражающими гендерное неравенство и дискриминацию по половому признаку. Такая маскулинность, опираясь на культурные традиции русского народа, прежде всего предполагает главенство мужчины в социуме и в семье и полную подчиненность женщины. Подобное положение вещей детерминируется предписыванием мужчинам «отприродных» черт, дающих им право доминировать, а именно: властность, умение и готовность подчинять своей воле других, распоряжаться, быть хозяином, кормильцем, главой семьи; агрессивность (решимость применять физическое воздействие); способность защитить (быть сильным); заниматься мужскими делами; активность. И они по этой логике прямо противоположны чертам, которыми природа наделила женщин.

Женщина предстает в русских поговорках как существо с целым рядом негативных характеристик: *неразумное*: «Бабы умы разоряют дома» (Даль, 2010, с. 373); *вздорное, склочное*: «Бабы бранятся, так платки с голов валяются» (Даль, 2010, с. 309); «С бабой не сговоришь. Бабу не переговоришь» (Даль, 2010, с. 310); *несамостоятельное*: «Худой муж умрет, добрая жена по дворам пойдет» (Мокиенко, 2013, с. 711); *ненадежное*: «Кто бабе (свахе) поверит, трех дней не проживет» (Даль, 2010, с. 307); *злое*: «Лучше раздражить собаку, нежели бабу» (Даль, 2010, с. 309).

Ряд отрицательно коннотированных характеристик женщин продолжают *болтливость, лживость, жадность, бестолковость, порочность* и др. Примечательно, что эти и другие женские, порицаемые, качества столь же присущи и доминирующему полу, что с очевидностью можно наблюдать на примере бранных номинаций мужчин, маркирующих эти качества, еще в одном (наряду с поговорками) репрезентанте особенностей русского национально-культурного сознания — в русских говорах (Маркина, 2020, с. 5–14). В целом в поговорках спорным выглядит сам статус женщины как человека: «Кобыла не лошадь, баба не человек» (Даль, 2010, с. 308), «Я думал, идут двое, ан мужик с бабой» (Даль, 2010, с. 306).

Что касается трансформированных поговорок, то, несмотря на отмечаемое в научном дискурсе мнение о некотором размывании гендерных стереотипов в современном отечественном социуме, в этих поговорках женщина в лучших патриархальных традициях предстает как существо *недалекое* или *откровенно глупое*: «Ум женщины — это ум курицы; ум умной женщины — это ум двух куриц» (Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 120); «Умная женщина — это как дирижабль. Кстати, когда вы в последний раз видели дирижабль?» (Иванов, 2009, с. 68); *меркантильное*: «Не в деньгах счастье, а в мужчине с деньгами»; «Что у женщины на уме, то мужчине не по карману»¹; *аморальное — распутное и беспринципное*: «Девушка как пачка сигарет: один открывает, а другие пользуются» (Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 122); «Некоторые женщины такие

¹ *Жемчужины мысли*. [сайт]. URL: <https://www.inpearls.ru/60586> (дата обращения: 12.02.2024).

стеснительные, что стесняются отказывать мужчинам» (Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 167).

Презрительно-высокомерное, уничижительное отношение к женщине позволяет подчеркнуть ценность, значимость мужчины, мужское превосходство, поставить женщину на ступень ниже: «Раздельное питание по-восточному — это когда мужчины едят мясо отдельно от макарон, которые едят женщины» (Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 169); «Скромность украшает человека, нескромность — женщину» (Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 169). Анализ современных пословиц (антипословиц) в рассматриваемом аспекте подтверждает, что современные мужчины продолжают жить в устоявшихся стереотипных представлениях об ущербности, низменности женской природы, преобладании в ней животного начала над духовным.

Традиционными являются в поговорках-трансформах и акценты при определении ценности женщины для мужчины — она объект с функционалом обслуживания, необходимый в хозяйстве: «Домашнее хозяйство подобно кроссворду: жена — по вертикали, муж — по горизонтали» (Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 273); «Если на вашей чашке от кофе и чая уже образовались годовые кольца — вам пора жениться»². «Обслуживающий функционал женщин при этом якобы объясняется природными и биологическими причинами: интеллектуальной несостоятельностью женщин, их моральной, физической и физиологической ущербностью, а в целом даже сомнительной их принадлежностью к понятию человек» (Маркина, 2018, с. 202).

В современных реалиях такой функционал дополняется: женщина рассматривается еще и как сексуальный объект: «Женский свитер должен так плотно обтягивать грудь, чтобы у мужчины перехватило дыхание» (Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 113); «Женщина и машина — чем моложе, тем дороже» (Иванов, 2009, с. 47). В традиционных пословицах, где в соответствии с православным гендерным порядком сексуальная функция и мужчин, и женщин была тесно увязана с репродуктивной с исключением поисков получения эротических удовольствий, это не было предметом актуализации.

Реализация властных отношений как ключевого элемента нормативной маскулинности доступнее всего для мужчины в традиционной модели семьи, где он предстает ее главой с неограниченными полномочиями. Право и прескрипция главенствовать репрезентированы в многочисленных традиционных пословицах, описывающих отношения в семье: «Муж в дому, что глава на церкви» (Даль, 2010, с. 291), «Хозяин, что чирый: где захотел, там и сел» (Даль, 2010, с. 92). Жесткость и властность, входящие в круг представлений о традиционной маскулинности, диктуют в качестве средства подчинения необходимость воспитательных мер в отношении детей и жены в виде физического воздействия: «Не слушался отца, послушаешься кнутца» (Даль, 2010, с. 334). Пословицы практически обязывают реализовывать мужское право на насилие

² Там же.

в отношении жены во исполнение предписанности мужского превосходства: «Бабий быт — за все бит» (Мокиенко, 2013, с. 23); «Бей жену к обеду, а к ужину опять (без боя за стол не сядь); У мужа (перед мужем) жена всегда виновата» (Даль, 2010, с. 338).

Следует отметить, что в патриархальном социуме побои как средство воспитания самими женщинами воспринимаются не только как неотъемлемое право мужчины, но даже принимаются и за доказательства любви: «Милый ударит — тела прибавит. Милый побьет, только потешит» (Мокиенко, 2013, с. 337); «Милого побои недолго болят» (Даль, 2010, с. 337).

Трансформированные паремии не акцентируют внимание на применении физической силы в отношении жены как средства для утверждения мужчинами своего главенствующего положения и авторитета. Примеры паремий с такой семантикой единичны: «Если у жены фингал под глазом — значит, у мужа третья бутылка была лишней»³; «Если закат пурпурного цвета — значит быть большому снегу или бурану с морозом, если у жены лицо пурпурного цвета — значит быть скандалу с побоями и битьем посуды»⁴.

Думается, что это не случайность. Появление трансформированных паремий — реакция языка на изменяющиеся социальные ситуации, и скорость такой реакции поражает, как можно было заметить по появлению огромного количества трансформов коронавирусной тематики, кстати, даже зафиксированных уже в соответствующих словарях. Следовательно, можно думать, что в современном отечественном социуме изменения в отношении к безусловности семейного насилия как реализации властных мужских привилегий просто отсутствуют. Оно бытует, но женщины как будто не замечают в таком факте ничего недопустимого. Формулы «самадуравинувата», «в семье всякое бывает», «пьет/бьет — так это все так живут», высказывания известных медийных личностей вроде «а что ты сделала, чтобы муж тебя не бил» находят среди них отклик и понимание. Транслируется представление женщин, возможно плохо осознаваемое, о способности властвовать, подчинять своей воле, контролировать, наказывать и поощрять как об *основополагающем* элементе нормативной маскулинности, что должно, в общем, исключать опасения в покушении на свои права у мужского населения нашей страны.

Слабую заявку на изменение отношения к подобному проявлению мужественности можно увидеть в наличии трансформов пословицы «Бьет значит любит»: *«Бьет значит бьет; Бьет значит убьет; Бьет значит статья УК РФ; Бьет — значит любит... бить; Бьет — значит преступник. Бьет — значит ст. 111, 112, 115 и 116 УК РФ. А никакая не любовь, дуры вы тупые. Бьет —*

³ Прикольные приметы и суеверия. *Штуки-Дрюки*: информационно-развлекательный портал. URL: https://stuki-druki.com/Primeti_prikol.php?page=3 (дата обращения: 12.02.2024).

⁴ Сборник смешных народных примет. *VITALIYPETRUK*: [блог в Живом Журнале]. URL: <https://vitaliypetruc.livejournal.com/89666.html> (дата обращения: 12.02.2024).

значит сядет!» (Васильева, 2022, с. 137–138), подвергающих сомнению традиционную семантику поговорок. Но такой пример единичен. Сколь-нибудь значимые трансформации рассматриваемой составляющей нормативной традиционной мужественности не установлены.

Кроме властных полномочий мужчины как доминанта, еще одной ключевой составляющей маскулинности в патриархатном сознании является монопольный статус мужчины как кормильца, добытчика, реализующийся в гендерной роли главы семьи. Русские поговорки хорошо комментируют связь такого статуса с экономической властью, полной ответственностью за семью, обязанностью поддерживать определенный уровень ее жизни, много и тяжело трудиться, умением находить выход из сложных жизненных обстоятельств, а также отвечать за нерушимость семьи: «Не местом ведется (порядок, достаток), а хозяином»; «Где хозяин ходит (прошел), там и хлеб родится (уродился)» (Даль, 2010, с. 92), «Плохонький забор, да все ограда, плохонький муж — а все опора» (Даль, 2010, с. 340).

В современной российской действительности в силу ряда объективных обстоятельств, таких, например, как изменение структуры рынка труда, вовлеченность женщин в оплачиваемую трудовую деятельность, монопольная роль кормильца семьи, добытчика как один из стержневых, основополагающих компонентов гегемонной маскулинности отмирает; в обществе уже практически отсутствуют социально разделяемые представления о мужчине как о единственном кормильце, что обуславливает определенную трансформацию конструкта. Этногендерная особенность этого процесса, как представляется, заключается в том, что к этой потере мужчины подходят весьма прагматически. Они или самоустраиваются от такой роли, уклоняясь от вступления в брак, чтобы избежать обязательств перед семьей, или делят экономическую ответственность с женой, при этом добровольно делегируя ей решение всех бытовых проблем как зону женской ответственности: «Жениться — это значит наполовину уменьшить свои права и вдвое увеличить свои обязанности» (Иванов, 2009, с. 47); «Пока вырастишь цветы жизни, наживешь букет болезней!» (Там же, с. 29). «Муж — голова, жена — все остальное» (Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 273); «У мужчин положение устойчивого равновесия находится на диване» (Иванов, 2009, с. 68).

Подтверждением сказанному служит актуализация такого явления современной жизни, как мужчины-пополамщики, декларирующие и реализующие совместные вложения в семейный бюджет 50/50, обуславливая справедливость такого распределения борьбой женщин за равные права с мужчинами. Поговорки-трансформы, как следствие, фиксируют переход функции внутрисемейного управления к женщине: «Мужчина в крепких руках женщины может достичь многого, например, стать отцом большого семейства» (Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 273); «Холостяк всю работу по дому делает сам. А женатого заставляет жена» (Иванов, 2009, с. 69); «Если жена держит мужа в черном теле, значит, ей нравятся негры» (Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 131).

Транслируется также утрата мужчинами бескомпромиссности статуса главы семьи: «Если мужчина утверждает, что он в доме хозяин, значит, он и в других случаях лжет» (Иванов, 2009, с. 46); «Если вы хотите, чтобы ваша жена прислушивалась к каждому вашему слову, научитесь разговаривать во сне» (Иванов, 2009, с. 45); «Муж не шкаф — подвинется» (Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 273); «У меня с моей женой обмен мнениями: прихожу со своим мнением, ухожу — с ее» (Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 163).

Обращает на себя внимание факт, что посягательство на характерные для патриархального сознания лидирующие позиции в браке мужа как главы связывается в современном обществе (и отражается в современных паремиях) не с инволюцией представления о мужчине как о добытчике, кормильце, а именно и прежде всего с тем, что позволительным стало отсутствие безоговорочного подчинения жены, ее покорности, покушение на непрерываемость мужского авторитета, мужское превосходство и доминирование, что уязвляет мужское эго. Если судить по данным проанализированного материала, ставшая реальностью потеря монопольной роли кормильца, добытчика не осмысливается современными российскими мужчинами как критичная для их имиджа доминанта. Они считают себя главой семейства со всеми полагающимися по этому статусу исключительными правами просто по факту принадлежности к привилегированному полу, подкрепляемому нерушимой верой в свое превосходство. Равноправные отношения с женщиной при этом не допускаются.

Патриархальная установка, что мужчина — лидер от природы, доминант и должен везде быть первым, находит поддержку в обществе, в том числе среди женской и молодежной аудитории, что подтверждается и социологическими исследованиями. По данным многочисленных опросов социологов, согласно сложившейся традиции мужчина во многих российских семьях продолжает признаваться и оставаться главой ячейки общества (Берберова, 2017; Сухарева, Самосадова, 2018; Чернышева, Спирюгова, 2021). Российское общество культивирует и демонстрирует приверженность престижной традиционной модели маскулинности, а также в принципе и традиционалистской модели иерархических гендерных взаимоотношений, соглашаясь с несправедливым неравенством по половому признаку.

Выводы

Сравнительный анализ традиционных паремий и паремий-трансформов позволяет прийти к заключению, что в отечественном социуме на сегодняшний момент в целом приоритетным остается поощряемое, социально санкционированное патриархальное представление о мужественности, направленное на сохранение и возрождение могущих ускользнуть мужских привилегий,

что подтверждают также наблюдения и выводы в исследованиях социологов. Отмечаемые элементы динамики в структурном содержании анализируемого конструкта, на наш взгляд, не отражают значимой трансформации массового сознания россиян в отношении оценки существующих гендерных моделей, условий гендерного режима, характерных для России, что не способствует гармонизации взаимоотношений между полами.

Список источников

1. Здравомыслова, Е. А., Тёмкина, А. А. (2018). Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6, 48–73.
2. Кирилина, А. В. (2021). Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия. *Вопросы психолингвистики*, 3(49), 109–147.
3. Даль, В. И. (2010). *1000 русских пословиц и поговорок*. РИПОЛ классик.
4. Мокиенко, В. М. (2013). *Большой словарь русских поговорок*. ОЛМА Медиа Групп.
5. Иванов, Е. (2009). Антипословицы Рунета: типология и словарь. *Право и экономика*, Вып. 3.
6. Вальтер, Х., & Мокиенко, В. М. (2005). *Антипословицы русского народа*. Нева.
7. Мокиенко, В. М. (2010). Современная паремиялогия (лингвистические аспекты). *Мир русского слова*, 3, 6–20.
8. *Русский язык*. Энциклопедия. (1997). Ю. Н. Караулов (Ред.). Большая Российская энциклопедия: Дрофа.
9. Mieder, W. (1982). *Antisprichwörter*. Vol. 1. Verlag für deutsche Sprache.
10. Connel, R. W. (2005). *Masculinities*. 2nd (ed. Berkeley). University of California Press.
11. Kucklick, Chr. (2008). *Das unmoralische Geschlecht — Zur Geburt der Negativen Andrologie*. In Suhrkamp. *In Männern fixiert die Moderne ihre Ressentiments gegen sich selbst* (S. 13).
12. Кон, И. (2008). Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не)здоровья. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 4, 5–16.
13. Бем, С. (2004). *Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов*. Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
14. Тулузакова, М. В. (2011). Патриархальность и маскулинность как принцип организации гендерных отношений в российском обществе. *Вестник Саратовского государственного технического университета*, 4(59), 233–238.
15. Маркина, Л. В. (2020). Гендерные стереотипы маскулинности в диалектной коммуникации (на материале бранных номинаций мужчин). *Неофилология*, 6, 21, 5–14.
16. Маркина, Л. В. (2018). Жаргонные бранные номинации и характеристики женщин в современной молодежной коммуникации: гендерные стереотипы. *Русский язык и литература в профессиональной коммуникации и мультикультурном пространстве* (с. 197–204). Материалы Международной научно-практической конференции, Саратов – Москва, 24–26 октября 2018 г. Перо, Амирит.
17. Васильева, К. Н. (2022). *Паремии-трансформы в интернет-коммуникации: структура, семантика, тематические группы* [Диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва].

18. Берберова, К. К. (2017). Социально-групповые особенности конструкторов маскулинности в молодежной среде. *Гуманитарий Юга России*, 6, 4, 71–78.
19. Сухарева, Н. Ф., & Самосадова, Е. В. (2018). Гендерные трансформации брачно-семейных отношений в представлениях молодежи провинции. *Мир университетской науки: культура, образование*, 9, 97–106.
20. Чернышева, А. В., & Спириугова, А. Г. (2021). Маскулинность и феминность в современном обществе: тенденции трансформации. *Гуманитарный вестник*, 6, 1–19.

References

1. Zdravomyslova, E. A., & Temkina, A. A. (2018). What is «masculinity»? Conceptual master keys of critical studies of men and masculinities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 6, 48–73. (In Russ.).
2. Kirilina, A. V. (2021). Gender and gender linguistics at the turn of the third millennium. *Journal of Psycholinguistics*, 3(49), 109–147. (In Russ.).
3. Dahl, V. I. (2010). *1000 Russian proverbs and sayings*. RIPOL classic. (In Russ.).
4. Mokienko, V. M. (2013). *The Great Dictionary of Russian sayings*. OLMA Media Group. (In Russ.).
5. Ivanov, E. (2009). Runet anti-theologians: typology and dictionary. *Law and economics*. Issue 3. (In Russ.).
6. Walter, H., & Mokienko, V. M. (2005). *The anti-theologians of the Russian people*. Neva. (In Russ.).
7. Mokienko, V. M. (2010). Modern paremiology (linguistic aspects). *The World of the Russian Word*, 3, 6–20. (In Russ.).
8. *Russian Language*. Encyclopedia. (1997). Y. N. Karaulov (Ed.). The Great Russian Encyclopedia: Drofa. (In Russ.).
9. Mieder, W. (1982) *Antisprichwörter*. Vol. 1. Verlag für deutsche Sprache. (In German).
10. Connel, R. W. (2005). *Masculinities*. 2nd (ed. Berkeley). University of California Press. (In English).
11. Kucklick, Chr. (2008). *Das unmoralische Geschlecht — Zur Geburt der Negativen Andrologie*. In Suhrkamp. *In Männern fixiert die Moderne ihre Ressentiments gegen sich selbst* (S. 13). (In German).
12. Kohn, I. (2008). Hegemonic masculinity as a factor of male (non) health. *Sociology: Theory, methods, marketing*, 4, 5–16. (In Russ.).
13. Bem, S. (2004). *Gender lenses: The transformation of views on the problem of gender inequality*. Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN). (In Russ.).
14. Tuluzakova, M. V. (2011). Patriarchy and masculinity as a principle of the organization of gender relations in Russian society. *Vestnik Saratov State Technical University*, 4(59), 1, 233–238. (In Russ.).
15. Markina, L. V. (2020). Gender stereotypes of masculinity in dialect communication (based on the material of abusive nominations of men). *Neophilology*, 6, 21, 5–14. (In Russ.).
16. Markina, L. V. (2018). Slang expletive nominations and characteristics of women in modern youth communication: gender stereotypes. *Russian language and literature in professional communication and multicultural space* (pp. 197–204). Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Saratov – Moscow, October 24–26, 2018. Pero, Amirit. (In Russ.).

17. Vasilyeva, K. N. (2022). *Paremia-transformations in Internet communication: structure, semantics, thematic groups* [Dissertation for the PhD (Philology): 02.10.2011. Moscow]. (In Russ.).
18. Berberova, K. K. (2017). Socio-group features of masculinity constructs in the youth environment. *Humanitarians of the South of Russia*, 6, 4, 71–78. (In Russ.).
19. Sukhareva, N. F., & Samosadova, E. V. (2018). Gender transformations of marital and family relations in the representations of the youth of the province. *The world of academia: culture, education*, 9, 97–106. (In Russ.).
20. Chernysheva, A. V., & Spiryugova, A. G. (2021). Masculinity and femininity in modern society: trends of transformation. *Gumanitarnyj vestnik*, 6, 1–19. (In Russ.).

Информация об авторе

Людмила Витальевна Маркина — доктор филологических наук, доцент, профессор департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the author

Lyudmila V. Markina — Doctor of Philology, Docent, Full Professor at the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.112.2'367

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.06

СПЕЦИФИКА РАЗГОВОРНОГО СИНТАКСИСА В КОММУНИКАТИВНО-КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Беляева Мария ВячеславовнаМосковский городской педагогический университет,
Москва, Россия,belyaevamv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2097-6900>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности разговорного синтаксиса на примере немецкого языка с позиции коммуникативного и когнитивного подходов, поскольку только в такой связке исследование речевых структур позволяет увидеть и алгоритм построения высказываний, и соотношение вербального и невербального кодов речевого взаимодействия, и отличие разговорного синтаксиса от синтаксиса письменной речи.

Ключевые слова: фреймовая структура, теория синтаксических употреблений, разговорный синтаксис, синтаксическая структура, коммуникативный стиль, текстуальность.

Для цитирования: Беляева, М. В. (2024). Специфика разговорного синтаксиса в коммуникативно-когнитивном аспекте (на примере немецкого языка). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(53), 82–90. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.06>

Original article

UDC 811.112.2'367

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.06

COLLOQUIAL SYNTAX AS REVIEWED THROUGH COMMUNICATIVE AND COGNITIVE PERSPECTIVE (USING GERMAN AS AN EXAMPLE)

Maria V. BelyaevaMoscow City University,
Moscow, Russia,belyaevamv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2097-6900>

Abstract. The article examines the features of spoken syntax using the example of the German language from the perspective of cognitive science and a communicative

approach, since only in such a combination does the study of speech structures allow us to see both the algorithm for constructing statements, and the correlation of verbal and non-verbal codes of speech interaction, as well as the difference between the spoken syntax and the syntax of written speech.

Keywords: frame structure, theory of syntactic uses, colloquial syntax, syntactic structure, communication style, textuality.

For citation: Belyaeva, M. V. (2024). Colloquial syntax as reviewed through communicative and cognitive perspective (using German as an example). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(53), 82–90. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.06>

Введение

Любые исследования разговорного синтаксиса, в том числе и немецкого языка, опираются на постулат о том, что без учета прагматических, экстралингвистических и социокультурных факторов, а также без учета достижений когнитивистики невозможно понять сущность устной коммуникации. В качестве исходного положения для обсуждения специфики разговорного синтаксиса в коммуникативно-когнитивном аспекте вспомним об основных параметрах разговорной речи. Это, прежде всего, ситуативно обусловленное речевое взаимодействие, протекающее, как правило, без подготовки и чаще всего в неофициальной форме. В процессе коммуникативной деятельности человек овладевает дискурсивными практиками в рамках различных типов дискурсов.

В когнитивном аспекте посредством коммуникации осуществляется включение людей в процесс познания окружающего мира, они приобретают определенные знания и обмениваются информацией. Устная коммуникация реализуется языковыми средствами, которые могут модифицироваться под влиянием экстралингвистических факторов, поэтому и синтаксическая организация устной речи может отличаться от тех параметров, которые заданы системой языка. Тогда мы говорим о разговорности как об одном из общих свойств синтаксиса устной коммуникации. Специфика разговорности в немецком языке проявляется в порядке слов (по сравнению, например, с русским языком, немецкий язык обладает более фиксированным порядком слов в предложении) и форме синтаксической связи между высказываниями в тексте, синкретизме синтаксических конструкций, избыточности или экономии языковых средств и т. д. (Беляева, 2009). Можно утверждать, что разговорный синтаксис выработал свои алгоритмы действия сообразно коммуникативной ситуации и имеет определенные отличия от синтаксиса письменной речи. На первый план выдвигается способ достижения коммуникативной задачи, донесение до слушателя необходимой информации (когнитивная и коммуникативная составляющие), а не грамматические средства реализации.

Методология исследования

В работе используется аналитико-прагматический метод, направленный на уточнение таких понятий, как фреймовые структуры, вербальное и невербальное в устной коммуникации, теория синтаксических употреблений и некоторых других. Посредством системного и типологического подходов с использованием методов: наблюдения, анализа, синтеза, сравнения и обобщения — были выявлены основные характеристики разговорного синтаксиса в его коммуникативно-когнитивном аспекте. Проведенный с помощью названных методов анализ позволил осуществить наблюдение над языковым материалом и определить алгоритмы построения синтаксических структур в устной речи.

Результаты и дискуссия

Речевое общение в любом дискурсе, в том числе и в разговорном, осуществляется с учетом коммуникативных и когнитивных процессов в рамках языковой парадигмы, продвигаясь от общего осознания предмета через систему языка к системе употреблений. Вслед за М. Л. Макаровым (2003) и И. П. Сусовым (1998) исходим из того, что в каждой речевой ситуации общения на когнитивном уровне создаются определенные фреймы, которые сформированы и заложены в коллективном сознании носителей языка длительной коммуникативной практикой и каждый раз реализуются через сценарии взаимодействия, основанные, в свою очередь, на распределении социальных ролей, на степени знакомства и уровне формальности общения (официальные или неофициальные отношения) и т. д. Благодаря наличию во фреймовых структурах экспликатур (эксплицитное выражение смыслов без языковых единиц) и имплицатур (языковых единиц) (Макаров, 2003, с. 123, 128) происходит связь вербального и невербального компонентов общения, что является чуть ли не основной характеристикой устной коммуникации в повседневной жизни. Хотя фреймовые структуры живут в коллективном сознании носителей языка, реализация этих структур в коммуникации происходит каждый раз заново с использованием клишированных, т. е. устойчивых, языковых форм, а также с помощью ситуативно возникающих в соответствии с нюансами коммуникативных условий.

В структуре коммуникативного взаимодействия принято выделять три важные составляющие. Основной, безусловно, является коммуникативная составляющая, которая определяет процесс обмена информацией между говорящими; далее следует назвать интерактивную составляющую, которая представляет собой организацию взаимодействия между общающимися, т. е. обмен не только знаниями, но и действиями; третьей выступает перцептивная составляющая, т. е. восприятие партнерами друг друга. Таким образом, как видим, складывается

коммуникативно-когнитивный аспект, в том числе и синтаксической организации речи. Уточним, что для реализации коммуникативно-когнитивного аспекта в рамках определенной интеракции необходимо понимание, о чем пойдет речь и какое речевое поведение является адекватным в данном фрейме. Например, ситуация приветствия требует введения во фреймовую структуру представлений об официальности/неофициальности, дистанции при обмене репликами (для каждой нации существуют свои границы), кто подает руку первым, рукопожатие или иное действие, что и определяет далее речевую интеракцию. Третья составляющая будет тогда реализована как адекватное или неадекватное взаимодействие (соблюдение этикетных норм вербального и невербального общения) через правильное использование экспликатур и имплицатур (разговорной лексики, модальных слов и модальных частиц, междометия, стилистически окрашенных выражений — гиперболы, например, эллипса, жестикуляции как невербального средства общения и т. д.).

Как известно, в живом устном общении имеет место сплетение различных кодовых систем как средство восприятия информации и обмена ею. Обратимся к уже хрестоматийному примеру, на который ссылается Е. А. Земская в «Русской разговорной речи». Это слова Ш. Балли о том, что достаточно указать на самолет с возгласом «Смотрите!» и самолет приобретает статус члена предложения (объектное дополнение глагола). Речь идет об объединении двух разноплановых кодовых систем в одной коммуникативной единице (жест и речь), т. е. о том, каким образом совершается включение невербальной ситуации в вербальную систему (Земская, 1981, с. 196). Этот пример точно показывает характерный для разговорного синтаксиса путь формирования высказывания в свернутом варианте от осознания предмета к его вербализации в коммуникации. Именно на этом этапе, по словам В. А. Звегинцева, и происходят синтаксические метаморфозы, которые лежат в основе синтаксиса употреблений (Звегинцев, 2007, с. 280). Как далее отмечает автор, синтаксис имеет дело с потенциально неограниченным множеством предложений и, таким образом, можно прийти к пониманию того, что синтаксис и синтаксические употребления не тождественны между собой в полной мере. В нашем представлении, синтаксические конструкции системы языка выступают моделями, реализация которых (синтаксические употребления) случается одноразово в различных вариациях в различных фреймах, т. е. говорящие не употребляют в своей речи каких-то новых языковых единиц, а пользуются имеющимся языковым инвентарем.

В плане реализации коммуникативно-когнитивного аспекта важным является взаимодействие языка и системы употреблений языковых единиц в речи. Нельзя не согласиться с замечанием О. А. Лаптевой о том, что системным образованием служит не только язык, но и разговорная речь обладает своей системностью (Лаптева, 2001, с. 46–47), хотя она и не всегда совпадает с параметрами системы языка.

В теории синтаксических употреблений для немецкого языка можно выделить ситуации предпочтительного употребления, которые определены основными принципами организации устной речи: экономией и избыточностью языковых средств, расчлененностью и синкретизмом. Не все грамматические формы могут быть активными в устной речи, мало или вовсе не используются в современной разговорной речи немецкого языка некоторые временные формы, сложные формы сослагательного наклонения и страдательного залога; вытесняется из речевого обихода падеж генитив, уступая место дательному падежу; некоторые типы сложных, прежде всего сложноподчиненных, предложений малоупотребительны в устной речи (подробнее о синтаксисе сложного предложения в немецкой разговорной речи см.: Поликарпов, 2000). Таким образом, можно выявить то, какими активно употребляемыми языковыми средствами реализуется сегодня в речи коммуникативно-когнитивный аспект.

Рассмотрим в качестве примера следующую ситуацию. В рамках неофициального фамильярного общения предпочтителен принцип экономии языковых средств, т. е. опущение, совмещение, упрощение структуры, употребление эллиптических и бессоюзных высказываний, что характерно для фреймовых структур с типизированным сценарием: приветствие — обмен клишированными репликами, вопросы и ответы, содержащие только коммуникативно значимые компоненты.

Рассмотрим несколько примеров.

1. > Hallo, Svenja! Wie geht's?

< Hallöchen, Ralf. Alles bestens, und bei dir?

> Frag nicht. Was hast du am Wochenende gemacht?

< Ich war auf einer Hochzeit — in Rom. Toll, oder?¹

> Привет, Свенчик! Как дела?

< Приветик, Ральф. Все путем, а у тебя?

> Да не спрашивай. Что ты делал в выходные?

< Я был на свадьбе — в Риме. Здорово, знаешь? (здесь и далее перевод наш. — М. Б.).

В диалоге на немецком языке опущены глаголы-связки и подлежащее (war es toll?), имеются редуцирование (geht's) и эллипсис (Alles bestens, Toll, oder).

2. Gib *einen Bleistift* brauche ich (Schlobinski, URL). — Дай *карандаш* мне нужен.

Здесь присутствует синкретизм — совмещение двух синтаксических единиц с помощью одного общего члена (общий для двух конструкций член предложения выделен курсивом). Следует дать некоторые пояснения: подобные конструкции, не являясь широко распространенными в устной речи немецкого языка, тем не менее иллюстрируют особенность реализации коммуникативно-когнитивного аспекта в плане сжатия информационного поля. Конструкции

¹ Post Mahlzeit. Audio 12/2023. *Deutsch perfekt*. URL: <https://www.deutsch-perfekt.com/deutsch-hoeren/prost-mahlzeit> (дата обращения: 12.02.2024).

подобного типа получили название конструкций наложения в исследованиях по русской разговорной речи (встречаются достаточно широко). Действительно, мы видим совмещение двух синтаксических единиц в одну структуру — дай карандаш, он (карандаш) мне нужен. Говорящий выбирает путь экономной реализации коммуникативного намерения, прибегая к своего рода минимизации вербального кода, что, однако, не нарушает познания объективной действительности.

Теперь обратимся к ситуации с предпочтительным действием принципа языковой избыточности: в этом случае может наблюдаться повтор, асимметричность плана содержания и плана выражения — именительный темы.

Рассмотрим несколько примеров (все примеры далее даны в оригинальной графике, принятой для записи примеров живой разговорной речи).

1. ... *das géld das kannst dir beim héiligenstein suchen...* (Scheutz, 1997) — ... деньги, их можешь искать себе у черта на куличиках.

Здесь представлена конструкция с именительным темы: в начале предложения задается вектор-тема (*das geld*) — и это то, о чем пойдет речь далее (выделено полужирным), повтор темы в синтаксической конструкции осуществляется с помощью местоимения *das*. Примечательно, что именительный темы можно рассматривать как прямую противоположность синкретизму в конструкциях наложения. Если в предыдущем примере говорим о «свертывании» вербального кода (*geht's — geht es*), то здесь имеет место «развертывание» вербального кода.

2. *aber nur (.) des (.) des tschechéifahren. (..) ihr ihr fréund der tut gern fischen, und da fahrens immer am móldau-tausee eini, da fahrens fischen.* (там же) — но это... если в Чехию ехать... ее друг он любит рыбу ловить и так едут они всегда на запруду едут туда удить.

В этой конструкции присутствует языковая избыточность (см. выделенные полужирным слова), выраженная прямым повтором слов, смысловым повтором-конкретизацией.

На основе изучения синтаксических употреблений в устной коммуникации можно выявить алгоритмы синтаксических построений устных высказываний. Следует признать, что в синтаксисе устной речи представлены в принципе все типы синтаксических структур: от так называемых нейтральных (формируют синтаксис системы языка) до структур, присущих только устной речи. Доля участия тех и других в формировании устных высказываний определяется, как уже отмечалось ранее, экстралингвистическими, прагматическими и социокультурными факторами, но регламентируется все-таки общей спецификой построения немецкого текста (текстуальностью). Одной из основных характеристик текстуальности в немецком языке является рамочная конструкция, которая представлена в трех видах — именная, вербальная, адъюнктивная (Weinrich, 1993, с. 23). Тенденция к сохранению рамочной конструкции достаточно сильна даже в разговорной речи, а это ведет к определенному противоборству между тем, что должно быть по правилам текстуальности, и тем, что

получается в силу спонтанности мышления и речи, а также психологических особенностей мыслительного процесса. Именно возможность выбора для устного высказывания той или иной синтаксической формы и позволяет сформировать алгоритм построения разговорной структуры.

В качестве иллюстрации приведем общий алгоритм построения разговорного высказывания на немецком языке на примере использования рамочной конструкции. Как известно, чтобы были выдержаны требования текстуальности, в немецком языке необходимо неукоснительное соблюдение рамочной конструкции для придаточного предложения, т. е. строго фиксированный порядок слов — рамка образуется подчинительным союзом и финитной формой глагола, закрывающей эту рамку. Однако в противовес этому постулату в устном синтаксисе присутствует тенденция к формированию высказывания по частям, сегментам в силу спонтанного порождения высказывания, и в результате рамочная конструкция в структуре разговорного высказывания игнорируется, в итоге происходит разрыхление синтаксической структуры, т. е. вынос за рамку частей высказывания, парцелляция, различного рода обособления. Приведем пример структур с синтаксическим разрыхлением и более свободным порядком слов (запись фрагмента живой разговорной речи в оригинальной графике):

> *vielleicht willst du einfach nur noch mehr besitz von dieser frau ergreifen und MACHT* (может хочешь просто больше у этой тетки отхапать и власти).

< *ich hab da eben da so .h quasi so als Rausschmeißer gearbeitet und kassierer in eben_da_so_so in andern Läden* (да я уже работал вышибалой и кассиром уже да в других магазинах). Пример заимствован из: Езан, Неборская, 2016, с. 60.

Таким образом, в устной форме общения возможен индивидуальный выбор между оппозиционными парами синтаксических структур:

1) либо конструкции, построенные по линейному принципу даже при наличии подчинительной семантической составляющей между частями целого (паратаксис), либо конструкции, развертывающиеся в соответствии с требованием текстуальности (гипотаксис), т. е. содержащие структурно выраженное подчинение предикативных единиц;

2) либо более простые конструкции (это может быть парцелляция, разрыхление, вынос за рамку и т. д.), либо более сложные конструкции с дополнениями, пояснениями, повторами;

3) либо конструкции полные (эксплицированы все ее компоненты), либо конструкции, содержащие имплицитные звенья.

Представляется вполне закономерным, что выбор алгоритма построения синтаксических единиц интуитивно мотивирован принципом экономии либо языковых средств, либо умственных усилий на оформление высказывания, выбирается всегда направление более легкого достижения коммуникативной задачи, что может приводить к смешиванию принципов экономии и избыточности в одном высказывании, а также принципов расчлененного представления семантической структуры высказывания и синкретизма.

Заключение

Представленный нами краткий обзор некоторых особенностей разговорного синтаксиса немецкого языка с позиций коммуникативно-когнитивного подхода подтверждает положение о том, что устная коммуникация имеет свои особенности в плане синтаксической организации высказываний, что не должно трактоваться как ошибка или отклонение от нормативных правил. Разговорная речь строится по своим собственным нормам и в коммуникативно-когнитивном аспекте реализуется вербальными и невербальными средствами. Первичным является достижение коммуникативной цели, чему подчинены речевые формы и языковые средства. Таким образом, в устной речи предпочтение отдается более свободной структуре высказываний без обязательного соблюдения регламентированного грамматической нормой порядка слов в предложении. Приведенные нами ранее оппозиционные пары в оформлении синтаксических конструкций как раз и иллюстрируют данное положение. При равных возможностях выбора в предпочтительной ситуации оказываются более простые в эксплуатации, т. е. требующие меньше усилий на их построение, структуры.

Список источников

1. Беляева, М. В. (2009). К вопросу о специфике синтаксиса устного дискурса в немецком языке. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(4), 37–42.
2. Макаров, М. Л. (2003). *Основы теории дискурса*. Гнозис.
3. Сусов, И. П. (1998). Космические мотивы в науке о языке и в философии языка. *Тверской лингвистический меридиан*, Вып. 1, 99–112.
4. Земская, Е. А. (1981). *Русская разговорная речь*. Наука.
5. Звегинцев, В. А. (2007). *Предложение и его отношение к языку и речи*. КомКнига.
6. Лаптева, О. А. (2001). Узуальные коррекции грамматической системы (взаимодействие языковых и речевых механизмов). *Традиционное и новое в русской грамматике* (с. 45–52). Сборник статей памяти В. А. Белошапковой. Индрик.
7. Поликарпов, А. М. (2000). *Сложное предложение в немецкой разговорной речи*. Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
8. *Zeit Sprachen*. (2024, 14 января). Deutsch perfekt. <https://www.deutsch-perfekt.com/deutsch-hoeren/prost-mahlzeit>
9. Schlobinski, P. (1997). Zur Analyse syntaktischer Strukturen in der gesprochenen Sprache. *Syntax des gesprochenen Deutsch* (S. 9–26). Westdeutscher Verlag. (2024, 14 января). <https://link.springer.com/content/pdf/bfm%3A978-3-322-88924-9%2F1.pdf>
10. Scheutz, H. (1997). Satzinitiale Voranstellungen im gesprochenen Deutsch als Mittel der Themensteuerung und Referenzkonstitution. *Syntax des gesprochenen Deutsch* (S. 27–54). Westdeutscher Verlag. (2024, 14 января). <https://link.springer.com/content/pdf/bfm%3A978-3-322-88924-9%2F1.pdf>
11. Weinrich, H. (1993). *Textgrammatik der deutschen Sprache*. Dudenverl.
12. Езан, И. Е., & Неборская, Л. Н. (2016). Структурно-семантические особенности неполных предложений в немецкой разговорной речи. *В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии*, 8(63), 52–61.

References

1. Belyaeva, M. V. (2009). Colloquial syntax in German. *MCU Journal of Philology. Theory of Language. Linguistic Education*, 2(4), 37–42. (In Russ.).
2. Makarov, M. L. (2003). *Theory of discourse*. Gnozis. (In Russ.).
3. Susov, I. P. (1998). Comic motives in language studies and philosophy of language. *Tverskoj lingvisticheskiy meridian*, Is. 1, 99–112. (In Russ.).
4. Zemskaya, E. A. (1981). *Russian colloquial speech*. Nauka. (In Russ.).
5. Zvegincev, V. A. (2007). *Sentence in its relation to language and speech*. KomKniga. (In Russ.).
6. Lapteva, O. A. (2001). Usual corrections of grammar system (speech and language interrelation). *Traditional and new in Russian grammar* (pp. 45–52). Collection in homage to V. A. Beloshapkova. Indrik. (In Russ.).
7. Polikarpov, A. M. (2000). *Complex sentences in German colloquial speech*. Pomor State University named after M. V. Lomonosov. (In Russ.).
8. *Zeit Sprachen*. (2024, 14 января). Deutsch perfekt. <https://www.deutsch-perfekt.com/deutsch-hoeren/prost-mahlzeit>
9. Schlobinski, P. (1997). Zur Analyse syntaktischer Strukturen in der gesprochenen Sprache. *Syntax des gesprochenen Deutsch* (S. 9–26). Westdeutscher Verlag. (2024, 14 января). <https://link.springer.com/content/pdf/bfm%3A978-3-322-88924-9%2F1.pdf>
10. Scheutz, H. (1997). Satzinitiale Voranstellungen im gesprochenen Deutsch als Mittel der Themensteuerung und Referenzkonstitution. *Syntax des gesprochenen Deutsch* (S. 27–54). Westdeutscher Verlag. (2024, 14 января). <https://link.springer.com/content/pdf/bfm%3A978-3-322-88924-9%2F1.pdf>
11. Weinrich, H. (1993). *Textgrammatik der deutschen Sprache*. Dudenverl.
12. Ezan, I. E., & Neborskaya, L. N. (2016). Structural and semantic features of elliptical sentences in German colloquial speech. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii*, 8(63), 52–61. (In Russ.).

Информация об авторе

Мария Вячеславовна Беляева — кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры германистики и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Maria V. Belyaeva — PhD (Philology), Professor, Full Professor at German Language and Linguistic Didactics Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК [811.111+811.161.1]*25*322.4

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.07

ПЕРЕВОД СИНТАКСИЧЕСКИХ КОМПОЗИТОВ ПРИ ПОМОЩИ ПРОГРАММ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДЧИКА

Сулейманова Ольга Аркадьевна¹,
Чернышова Арина Игоревна²

^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

¹ souleimanovaoa@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4972-0338>

² chernyshovaoi@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1888-4137>

Аннотация. Исследование посвящено проблеме перевода синтаксических композитов: рассматриваются возможности перевода программами машинного перевода (Google Translator, Yandex Translator, Promt) в сопоставлении с официальным переводом, выполненным переводчиком. Актуальность исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, английские синтаксические композиты не имеют аналогов в русском языке и поэтому представляют переводческую трудность. Во-вторых, возросший интерес к технологизации процесса перевода ставит переводчика перед выбором оптимального ресурса, что делает актуальной задачу выявления потенциала технологических инструментов. Выборка эмпирического материала исследования была произведена из художественной литературы и включала в себя 150 предложений на английском языке и их официальный перевод на русский язык. В статье обозначены преимущества и проблемы перевода синтаксических композитов, выполненного программами машинного перевода, проанализированы особенности синтаксических композитов в переводческой перспективе, системно рассмотрены структурные преобразования при переводе, вызванные

особенностями языков разных типов (русского и английского), разработана переводческая стратегия.

Ключевые слова: перевод, синтаксические композиты, программа машинного перевода, структурные преобразования, переводческая стратегия.

Для цитирования: Сулейманова, О. А., Чернышова, А. И. (2024). Перевод синтаксических композитов при помощи программ машинного перевода и переводчика. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(53), 91–104. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.07>

Original article

UDC [811.111+811.161.1]’25’322.4

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.07

MACHINE VS MANUAL TRANSLATION OF SYNTACTIC COMPOUNDS

Olga A. Suleimanova¹,
Arina I. Chernyshova²

^{1,2} Moscow City University,
Moscow, Russia,

¹ souleimanovaoa@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4972-0338>

² chernyshovaa@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1888-4137>

Abstract. The research addresses the issue of translating English syntactic compounds into Russian with the help of machine translation apps (Google Translator, Yandex Translator, Promt) and their manual translation. The lack of identical structures in Russian challenges translators who have to find suitable equivalents relying on their own competence and the research objective here is to find regular translation patterns. A great variety of operating machine translation (MT) apps sets another challenge as it compels translators to opt for the most effective ones; the authors test some of MT systems and determine which of them best translate some syntactic constructions. Empirical material is taken from fiction and includes 150 sentences in English and their official translation into Russian, to reveal the rationale behind structural transformations of syntactic compounds when they are rendered from English into Russian. The choice of translation strategy is closely related to the fact that Russian and English are the languages of different types. The findings helped work out translation strategies applicable to English syntactic compounds.

Keywords: translation, syntactic compound, machine translation apps, structural transformations, translation strategy.

For citation: Suleimanova, O. A., Chernyshova, A. I. (2024). Machine vs manual translation of syntactic compounds. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(53), 91–104. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.07>

Введение

В условиях глобальной компьютеризации и разработки продуктов с использованием системы нейронного машинного перевода продуктивность программ машинного перевода значительно возрастает. В данном исследовании рассматриваются возможности перевода английских синтаксических композитов на русский язык программами машинного перевода (Google Translator, Yandex Translator, Promt) в сопоставлении с официальным переводом, выполненным переводчиком. Делается попытка сравнить качество перевода при помощи приложений (Google Translator, Yandex Translator, Promt) версий разных годов, а именно 2020-го и 2023-го.

Синтаксические композиты — это полиноминативные синтаксические конструкции с полнозначными словами-компонентами, которые соединены дефисом и выполняют функцию определения к главному слову *meeting-my-long-lost-sister outfit* (Kinsella, 2006, p. 69) — *новый образ «девушки, которая знакомится с родной сестрой»* (Кинселла, 2017, с. 83).

Использование таких сложных конструкций, как синтаксические композиты, обуславливается особенностями авторского стиля; их появление можно отметить преимущественно в романах женской, подростковой литературы, в которых они служат инструментом передачи эмоций и переживаний героев.

Форма словообразования, выраженная исследуемыми конструкциями, высокопродуктивна в современном английском языке. В лингвистических школах разных направлений трактовка этого явления не совпадает: их определяют как слова нестойкого типа (Смирницкий, 1998), фразовые эпитеты (Гальперин, 1981), многокомпонентные комбинации (Заботкина, 1989), словосращения (Корытова, 2008), голофрастические конструкции (Гималетдинова, 2010; Майба, 2018), атрибутивные цепочки (Сулейманова, 2010), многокомпонентные композиты (Ефремова, 2012; Крупнова, 2014), полирадикальные лексемы (Иванова, 2015), окказиональные многокомпонентные композиты (Ищенко, 2016), дефисные композиты (Каганцева, 2017). В настоящем исследовании принимается термин *синтаксические композиты* в силу прозрачности его внутренней формы и указания на синтаксическую природу выбранных структур.

На уровне словосочетания традиционно возникают переводческие трудности, преимущественно грамматического плана, связанные с необходимостью осуществления структурно-синтаксических преобразований при переводе на язык иного типа. Синтаксические композиты не имеют аналогов в русском языке, и в этом заключается значительная переводческая проблема.

Методология исследования

На первом этапе исследования выполнен анализ пособий по грамматике и переводу зарубежных и отечественных авторов: выявлялись различия на уровне словосочетания в исследуемых языках и рекомендуемые способы перевода синтаксических композитов с английского на русский язык. На втором этапе создана эмпирическая база: из произведений современной английской художественной литературы жанра чиклит, из подростковой литературы было отобрано 150 предложений с исследуемыми английскими конструкциями. Далее найденные высказывания были переведены при помощи программ машинного перевода (Google Translator, Yandex Translator, Promt). На следующем этапе машинный перевод предложений с рассматриваемыми единицами был сопоставлен с их официальным переводом в художественной литературе. В случаях, когда переводчиком были допущены неточности при передаче единиц вторичной предикативности или в интерпретации вторичной предикативности, были предложены иные варианты перевода.

Результаты и дискуссия

Многокомпонентные английские атрибутивные словосочетания, или композиты, традиционно интересны с позиции перевода. Среди них выделяют два основных типа: 1) сложные определения, которые являют собой свернутую предикативность в силу природы второго компонента — причастия или прилагательного: N + Part I — *award-winning*; N + Part II — *drug-related*; N + Adj — *ecology-friendly*; Adv + Part I / Part II — *emotionally-tiring, well-dressed*; 2) синтаксические композиты, в которых роль определения выполняют разные части речи, связанные предикативными отношениями, на письме они соединяются дефисом: *what-the-hell-do-you-see-in-him? look* (Bourne, 2013, p. 160) — мрачно посмотрела на меня, точно спрашивая: «И что ты в нем нашла, черт возьми?» (Борн, 2017, с. 174).

Атрибутивный композит образуется с помощью компрессии и синтаксического смещения, в основе которого лежит словосочетание или предложение, которое предполагает нарушение порядка следования и норм сочетаемости языковых единиц в словосочетании и предложении, например: *examinations at the end of the term* — экзамены, проводимые по итогам года/семестра VS *end-of-term examinations* (COCA) — итоговые/семестровые экзамены; *a missile which is fired from an aircraft for the purpose of destroying an other aircraft* — авиационная управляемая ракета, предназначенная для поражения летательных аппаратов, VS *an air-to-air missile* (COCA) — управляемая ракета класса «воздух-воздух» (перевод наш. — О. С., А. Ч.). Синтаксическое смещение может приводить к компрессии целых предложений (Лукошина, 2010), ср.: *I'm sure-they're-broken bones in my hand* (Yoon, 2015, p. 93) —

все эти сломанные — а они, я уверен, сломаны — кости в руке (Юн, 2017, с. 109).

Активное использование синтаксических композитов в современном английском языке объясняется стремлением к экономии языковых средств и стилистической выразительности (Сулейманова, 2010, 2018). Поскольку синтаксические композиты характеризуются высокой экспрессивностью, наличием иронично-комической коннотации, они получили широкое распространение в художественной литературе: *Janice-has-lost-it expression* (Kinsella, 2007, p. 87) — выражение на лице «Дженис сбрендила» (Кинселла, 2017, с. 94); «*I'm-not-going-to-talk-about-this-one*» *face* (Bourne, 2013, p. 92) — всем своим видом говоря: «Хватит уже об этом!» (Борн, 2017, с. 107).

Практика показывает, что, несмотря на окказиональный характер данных структур, синтаксические композиты в целом обладают рядом схожих характеристик: орфография синтаксических композитов представляет собой фрагмент текста, компоненты которого соединены дефисом: *going-to-school-naked-forgot-to-study-for-an-exam-in-a-class-I-never-signed-up-for dream* (Han, 2014, p. 24) — мне снилось, что я приходила-в-школу-голой-забыв-подготовиться-к экзамену-на-урок — на-который-никогда-не-подписывалась (Хан, 2015, с. 29); связь компонентов синтаксических композитов является атрибутивной, с регрессивной структурой: *I'm-so-excited-I-could-die-but-I-have-to-look-cool smile* (Bourne, 2013, p. 34) — улыбкой, в которой я распознала «я так рад, что еле сдерживаюсь, но должен казаться крутым» (Борн, 2017, с. 41). Синтаксические композиты имеют схожую структуру: определение к главному слову выражено фрагментом текста, как правило, в виде прямой речи: *young-people-these-days-have-no-respect behavior* (Bourne, 2013, p. 223) — поведение а-ля молодежь совсем стыд потеряла (Борн, 2017, с. 234). Элементы синтаксических композитов не могут быть переставлены или соединены каким-либо иным образом, сохраняя при этом свое значение, ср.: *let's-pretend-this-isn't-a-mental-hospital attitude* (Bourne, 2013, p. 152) — духом «А давайте сделаем вид, что мы не в психиатрической клинике» (Борн, 2017, с. 159).

Перечисленные критерии позволяют говорить о цельнооформленности данного языкового феномена и дают основание классифицировать данную лексическую единицу как отдельный вид атрибутивного словосочетания.

Анализ материала позволил выделить две главные функции синтаксических композитов в тексте: информативную и экспрессивную. Информативная функция позволяет композиту вносить определенную информацию об объекте, например *hit-and-run operation* — операция по нанесению отдельных ударов (с последующим отходом), т. е. операция носит краткосрочный характер, представляет неожиданное нападение без продолжающихся боевых действий. Вторая функция заключается в создании определенного образа и экспрессии, т. е. синтаксический композит носит ярко выраженный стилистически маркированный характер: «*short-shelf-life*» *relationship* (Bourne, 2013, p. 67) — категория отношений «с коротким сроком годности»

(Борн, 2017, с. 73), в данном случае композит передает ярко выраженную иронию.

Перевод синтаксических композитов как окказионализмов зависит от функции композита в тексте и требует значительных усилий при передаче на русский язык.

Синтаксические композиты в целом нехарактерны для русского языка, однако такие конструкции, как *иван-да-марья*, *ку-клукс-клан*, *экс-вице-премьер*, по форме и выполняемым функциям могут считаться аналогичными английским конструкциям (при этом стоит учитывать их узуальный характер) (Попова, 2010).

Отмечается, что отдельные синтаксические композиты могут закрепляться в языке и становиться устойчивыми общеупотребительными словами — они могут служить производящей основой при суффиксальной деривации: *do-it-yourself* — *сделанный своими руками*, *do-it-yourselfer* — *мастер на все руки / человек, который делает все своими руками*, *do-it-yourselfism* — *убежденность в том, что все можно сделать своими руками*, *do-it-yourselfery* — *способность делать все своими руками* (перевод наш. — О. С., А. Ч.). Тем не менее подавляющее большинство таких образований носит окказиональный характер и составляет 77,19 %, тогда как узуальными словами являются 19,3 % синтаксических композитов, потенциальными словами — 3,51 % (Алешина, 2014).

С точки зрения передачи синтаксических композитов на русский язык перевод должен быть столь же экспрессивным, как и исходная английская конструкция, однако экспрессивность при переводе может формироваться с помощью разных средств. Если в английском синтаксическом композите экспрессивность в большей степени определяется структурой фразы, то в русском языке, на наш взгляд, задача должна решаться с помощью дополнительных стилистически окрашенных лексических единиц и приемов.

В ходе анализа эмпирического материала были выявлены основные достоинства и несовершенства программ машинного перевода при их использовании для передачи английских синтаксических композитов.

Во-первых, был рассмотрен перевод синтаксических композитов, зафиксированных в словаре. Приложение Google Translator в 90 % случаев, Yandex Translator и Promt в 80 % случаев представляют рекомендуемый перевод, где синтаксический композит передан с помощью аналога из словаря (знак * указывает, что перевод не является адекватным), ср.:

1) *question-and-answer session* (Kinsella, 2003, p. 46) — *сеанс вопросов и ответов* (Yandex Translator, Google Translator, Promt) VS *часть презентации, посвященная вопросам и ответам* (Мультитран) VS *время, отведенное на вопросы* (Кинселла, 2016, с. 52);

2) *matter-of-fact voice* — *будничным голосом* (Yandex Translator), *сухим голосом* (Google Translator), *плоским голосом* (Promt) VS *сухой, безразличный* (Мультитран) VS *говорит деловито и сухо* (Кинселла, 2017, с. 71);

3) *second-to-last step* (Sutherland, 2016, p. 32) — *предпоследняя ступенька* (Yandex Translator, Google Translator), **второй шаг* (Promt) VS *предпоследний* (Мультитран) VS *вторую ступеньку снизу* (Сазерленд, 2018, с. 38);

4) *top-of-the-range resort* (Kinsella, 2007, p. 97) — *первоклассный курорт* (Yandex Translator, Google Translator), *лучший курорт* (Promt) VS *первоклассный, люксовый* (Мультитран) VS *элитный курорт* (Кинселла, 2017, с. 109);

5) *run-of-the-mill warlock* (Sutherland, 2016, p. 93) — *заурядный чернокнижник* (Yandex Translator), *обыкновенный колдун* (Google Translator), *простой старый колдун* (Promt) VS *простой, рядовой, ничем не примечательный* (Мультитран) VS *обычный колдун* (Сазерленд, 2018, с. 98).

Как видится, с переводом синтаксических композитов, зафиксированных в словаре, упоминаемые программы машинного перевода справляются успешно и предлагают аналоги из словаря, которые по своей нейтральности соответствуют оригиналу.

Во-вторых, был изучен перевод синтаксических композитов, не зафиксированных в словаре. Согласно результатам анализа, приложения Yandex Translator, Google Translator и Promt представляют рекомендуемый перевод в 10 % случаев, ср.:

1. *I've never got the whole **thousand-pounds-for-a-truffle thing*** (Kinsella, 2007, p. 45) (здесь и далее выделено нами. — О. С., А. Ч.):

Я никогда не получал всю эту **тысячу фунтов за трюфель* (Yandex Translator, 2020). VS **У меня никогда не было такой **штуки, как «тысяча фунтов за трюфель»*** (Yandex Translator, 2023).

У меня никогда не было **целых денег на трюфель за тысячу фунтов* (Google Translator, 2020). VS **У меня никогда не было **целой тысячи фунтов за трюфель*** (Google Translator, 2023).

У меня никогда не было **всего тысячи фунтов за трюфель* (Promt, 2020). VS **У меня никогда не было **всего тысячи фунтов за трюфель*** (Promt, 2023).

*Никогда не понимала, в чем прелесть **дорогущих трюфелей*** (Кинселла, 2017, с. 52). VS *Никогда не понимала, кому сдались **эти трюфели за такие деньжищи?!*** (перевод мой. — А. Ч.).

2. *Your big, **wide-open, couldn't-fool-anybody-about-anything face** says you're going to* (Yoon, 2015, p. 34):

Твое **большое, широко распахнутое, никому-ни-чего-не-удавшееся лицо говорит, что ты собираешься это сделать* (Yandex Translator, 2020). VS **Твое **большое, широко открытое** лицо, на котором **никогони-в-чем-нельзя-одурачить**, говорит о том, что ты собираешься это сделать* (Yandex Translator, 2023).

Ваше **большое, широко открытое лицо, которое **никого ни в чем не обманет**, говорит, что вы собираетесь это сделать* (Google Translator, 2020).

VS *Твое большое, **широко раскрытое лицо**, которое никого и ни в чем не обманет, говорит, что ты собираешься (Google Translator, 2023).

*Твое большое, **широко открытое лицо**, никого не могло обмануть, ни о чем, говорит, что ты собираешься (Promt, 2020). VS *Ваше большое, **широко открытое**, не могло-глупо-никому-ни-о-чем лицо говорит, что вы собираетесь (Promt, 2023).

Твое **открытое лицо** сказало мне об этом (Юн, 2017, с. 38). VS Твое лицо сказало мне об этом. **Да у тебя на нем неоновыми буквами написано!** (перевод наш. — О. С., А. Ч.).

3. I'd used up **Mum-and-our-relationship-issues** last time, there wasn't much to say about Dad, and I didn't think **I'm-worried-about-my-A-level-coursework** merited an appointment at a private health clinic (Bourne, 2013, p. 56):

*В прошлый раз я исчерпала все **проблемы, связанные с мамой и нашими отношениями**, о папе почти нечего было сказать, и я не думала, что моя курсовая работа уровня «а» заслуживает назначения в частную клинику (Yandex Translator, 2020). VS В прошлый раз я исчерпала тему мамы и наших отношений, об отце особо нечего было сказать, и я не думала, что **моя курсовая работа** на отлично заслуживает посещения частной клиники (Yandex Translator, 2023).

*В прошлый раз я израсходовал **проблемы с мамой и нашими отношениями**, о папе особо нечего было сказать, и я не думал, что курс «Я беспокоюсь о моем уровне А» заслуживает прием в частной поликлинике (Google Translator, 2020). VS *В прошлый раз я исчерпал тему «Мама и наши отношения», о папе было особо нечего сказать, и я не думал, что **«беспокоюсь» о своей курсовой работе на уровне «А»** заслуживает прием в частной поликлинике.

*Я использовал **проблемы с мамой и нашими отношениями** в прошлый раз, не так много было сказать о папе, и я не думал, что я беспокоюсь о своей курсовой работе уровня, заслуживающей назначения в частной клинике (Promt, 2020). VS *Я использовал **проблемы с мамой и нашими отношениями** в прошлый раз, не так много было сказать о папе, и я не думал, что **я беспокоюсь о своей курсовой работе уровня** заслужил прием в частной медицинской клинике (Promt, 2023).

В прошлый раз я подняла **тему мамы и проблем в наших отношениях**. О папе нечего было сказать, а **волнение по поводу курсовой работы** вряд ли было достойно визита в частную клинику (Борн, 2017, с. 62). VS В прошлый раз я подняла **тему мамы и проблем в наших с ней отношениях**, с папой все было хорошо, а сказать **«не уверена, что сдам курсовую на отлично»** я тоже не могла, потому что это уж точно не та тема, от которой нужно сразу же бежать на прием к мозгоправу (перевод наш. — О. С., А. Ч.).

В результате анализа материала, представленного программами машинного перевода (Yandex Translator, Google Translator, Promt) версий разных годов —

2020-го и 2023-го, можно утверждать, что решение задач, связанных с переводом английских синтаксических композитов, не зафиксированных в словарях, остается нереализованным. В связи с этим необходимость разработки переводческой стратегии возрастает.

Рассмотрим более подробно общие стратегии перевода, которые применялись в официальных переводах отобранного материала: главной видится создание эффекта прямой речи, который передается с помощью следующих средств и приемов русского языка:

1) элементы диалогизации, обращение героя к читателю с помощью восклицательно-вопросительных предложений: *everything-in-the-right-place face* (Bourne, 2013, p. 125) — *А личико с изящными чертами!* (Борн, 2017, с. 129);

2) прямая речь в кавычках: *what-the-hell? looks* (Bourne, 2013, p. 234) — *взгляды, в которых читался немой вопрос: «Что она несет?»* (Борн, 2017, с. 236);

3) разговорные слова, выражения, сленг, фразеологизмы: *getting-up-early-and-working-hideously-hard part* (Kinsella, 2003, p. 163) — *вставать ни свет ни заря, вкалывать как лошадь* (Кинселла, 2016, с. 171);

4) уменьшительно-ласкательные, увеличительные суффиксы: *brain-not-engaged moments* (Kinsella, 2003, p. 42) — *безумная мыслишка* (Кинселла, 2016, с. 49);

5) экспрессивная, эмоционально-оценочная лексика: *pissed-off-South-London-geezer* (Kinsella, 2007, p. 83) — *злбный старикан из Южного Лондона* (Кинселла, 2017, с. 91);

6) междометия: *I'm-with-the-fifteenth-richest-single-man-in-Britain wave* (Kinsella, 2003, p. 76) — *«а я-то с мультимиллионером еду, бе-е-е»* (Кинселла, 2016, с. 81);

7) сравнения (*как будто, словно, тина*): *Spider-Man-style* (Yoon, 2015, p. 148) — *словно Человек-Паук* (Юн, 2017, с. 156).

В ходе анализа выделены также следующие способы перевода:

1) описательный перевод, ср.: *in a here-we-go-again way* (Bourne, 2013) — *по их виду можно было прочесть: «Ну вот, началось»* (Борн, 2017, с. 89);

2) калькирование исходного синтаксического композита и сохранение его структуры в переводе, ср.: *the girl-who-went-bat-shit-crazy* (Bourne, 2013, p. 23) — *«та-самая-девчонка-которая-слетела-с-катушек»* (Борн, 2017, с. 29);

3) подбор эквивалента для передачи информативной функции, ср.: *easy-to-follow instructions* (Kinsella, 2003, p. 35) — *доступная и понятная инструкция* (Кинселла, 2016, с. 41).

Внутренние переживания героя и его серьезное отношение к ситуации могут передаваться с помощью нейтральных выражений и многоточия: *the selling out of who-you-are and what's-important-to-you* (Bourne, 2013, p. 145) — *распроуалась с самой собой и своими ценностями...* (Борн, 2017, с. 149).

Возможен также перевод, в котором снижена или утеряна экспрессивность оригинала, ср.: *who-ends-up-with-the-better-life competition* (Bourne, 2013, p. 167) — *соревнование на лучшее будущее* (Борн, 2017, с. 172). Переводчик

передает только информативную функцию композита. По нашему мнению, можно сохранить экспрессивность оригинала: *соревнование «Кто большего достигнет в жизни?»* (перевод наш. — О. С., А. Ч.).

Заключение

В результате анализа практического материала можно сделать вывод, что при использовании программ машинного перевода для передачи английских синтаксических композитов, зафиксированных в словаре, такие программы, как Google Translator, Yandex Translator, Promt, обладают достаточно высокой эффективностью. Однако полное решение задач при передаче английских синтаксических композитов, не зафиксированных в словаре, пока остается не реализованным в рассматриваемых программах машинного перевода.

Для практического применения предлагается следующая стратегия передачи английских синтаксических композитов на русский язык.

Во-первых, необходимо провести анализ смысловых связей между компонентами синтаксического композита, чтобы выяснить его информативную функцию. Если это композит, зафиксированный в словаре, то при переводе передается только информативная функция с помощью словарного эквивалента или приема генерализации.

Во-вторых, надлежит осуществить анализ авторской прагматики, выявить эмоции и переживания героя, который использует синтаксический композит в речи.

В-третьих, следует подобрать русский эквивалент, равный по уровню экспрессивности и эмотивности. Передать эмоции оригинала на русском языке будет возможным с помощью дополнительных средств на разных уровнях языка: синтаксическом (создание эффекта прямой речи, использование элементов диалогизации, нанизывания определений — градация); лексическом (разговорные, сленговые слова, фразеологизмы); морфологическом (уменьшительно-ласкательные, увеличительные суффиксы).

Современные достижения в области технологизации развиваются с огромной скоростью, поэтому, возможно, в будущем программы машинного перевода будут более эффективными, что представляется перспективной областью для дальнейшего исследования.

Список источников

1. Kinsella, S. (2006). *Shopaholic & Sister*. Dell Publishing Company.
2. Кинселла, С. (2017). *Шопоголик и сестра*. Эксмо.
3. Смирницкий, А. И. (1998). *Лексикология английского языка*. МГУ.
4. Гальперин, И. Р. (1981). *Текст как объект лингвистического исследования*. Наука.

5. Заботкина, В. И. (1989). *Новая лексика современного английского языка*. Высшая школа.
6. Корицова, О. М. (2008). *Когнитивное пространство словосращения (на материале русского и английского языков)* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Тверь].
7. Лукошина, Е. А. (2010). *Сложные слова синтаксического типа в современном английском языке*. (2024, 14 января). <https://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/angliiskiy-yazyk/library/2013/03/04/slozhnye-slova-sintaksicheskogo-tipa>
8. Гималетдинова, Г. К. (2010). Семантика и прагматика английского дефиса. *Ученые записки Казанского университета*, 152, 188–198.
9. Майба, В. В. (2008). Голофрастические конструкции в переводе романа «Waterland» Грэма Свифта на русский язык. *Litera*, 2, 184–193.
10. Сулейманова, О. А. (2010). *Стилистические аспекты перевода. Учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования*. Академия.
11. Ефремова, Е. М. (2012). *Структурно-семантические и функциональные особенности многокомпонентных композитов в современном английском языке* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва].
12. Крупнова, Н. А. (2014). Композиты немецкого языка: механизмы семообразования. *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 4(145), 28–30.
13. Иванова, И. Е. (2015). Роль деривационного отражения в решении современных проблем композитологии. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 8(1), 78–81.
14. Ищенко, И. Г. (2016). Окказиональные многокомпонентные композиты в английском языке: структурный аспект. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 4–3(58), 91–94.
15. Каганцева, О. С. (2017). Оценочный потенциал атрибутивных дефисных композитов в дискурсе предвыборной тематики печатных СМИ США и Великобритании. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 12–4(78), 91–96.
16. Bourne, H. (2013). *Am I Normal Yet?* Usborne Publishing.
17. Борн, Х. (2017). *Эви хочет быть нормальной*. Клевер-Медиа-групп.
18. *Corpus of Contemporary American English* [COCA]. (2021, 25 февраля). <https://www.english-corpora.org/coca/>
19. Yoon, N. (2015). *Everything, Everything*. Delacorte Press.
20. Юн, Н. (2017). *Весь этот мир*. Клевер-Медиа-групп.
21. *Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе*. (2018). Флинта.
22. Kinsella, S. (2007). *Shopaholic & Baby*. Dial Press.
23. Кинселла, С. (2017). *Шопоголик и бэби*. Эксмо.
24. Bourne, H. (2013). *Soulmates*. Usborne Publishing.
25. Борн, Х. (2017). *Родственные души*. Клевер-Медиа-групп.
26. Хан, Дж. (2014). *To All The Boys I've Loved Before*. Simon & Schuster Books.
27. Хан, Дж. (2015). *Всем парням, которых я любила*. АСТ.
28. Попова, Т. В. (2010). Полифункциональность русского дефиса. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 4(2), 682–686.

29. Алешина, А. А. (2014). Классификация голофрастических конструкций в английском языке (на материале романа L. Weisberger «The devil Wears Prada»). *Ученые записки Орловского государственного университета*, 4, 115–117.
30. Kinsella, S. (2003). *Confessions of a Shopaholic*. Dell Publishing Company.
31. Кинселла, С. (2016). *Тайный мир шопоголика*. Эксмо.
32. Sutherland, K. (2016). *Our Chemical Hearts*. G. P. Putnam's Sons Books.
33. Сазерленд, К. (2018). *Наши химические сердца*. Издательство АСТ.
34. Сулейманова, О. А., Карданова-Бирюкова, К. С., Лягушкина, Н. В., Беклемешева, Н. Н., & Трухановская, Н. С. (2015). *Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий. Комплексный анализ переводческого процесса*. Ленанд.

References

1. Kinsella, S. (2006). *Shopaholic & Sister*. Dell Publishing Company. (In English).
2. Kinsella, S. (2017). *Shopaholic & Sister*. Eksmo. (In Russ.).
3. Sminitsky, A. I. (1998). *English language lexicology*. MSU. (In Russ.).
4. Gal'perin, I. R. (1981). *Text as a linguistic research object*. Nauka. (In Russ.).
5. Zabotkina, V. I. (1989). *New vocabulary of Modern English*. Vysshaya shkola. (In Russ.).
6. Korytova, O. M. (2008). *Cognitive space of word fusion (on the material of Russian and English languages)* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.02.20. Tver]. (In Russ.).
7. Lukoshina, E. A. (2010). *Syntactic composition Modern English*. (2024, January 14). <https://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/angliiskiy-yazyk/library/2013/03/04/slozhnye-slova-sintaksicheskogo-tipa> (In Russ.).
8. Gimaletdinova, G. K. (2010). Semantic and pragmatic aspects of the English hyphen. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta*, 152, 188–198. (In Russ.).
9. Maiba, V. V. (2008). Holophrastic constructions in the translation of the novel «Waterland» By Graham Swift into Russian. *Litera*, 2, 184–193. (In Russ.).
10. Suleimanova, O. A. (2010). *Stylistic aspects of translation*. A textbook for student institutions of higher professional education. Academia. (In Russ.).
11. Efremova, E. M. (2012). *Structural-semantic and functional features of multicomponent composites in Modern English* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.02.04. Moscow]. (In Russ.).
12. Krupnova, N. A. (2014). Composites of German Language: mechanisms of semebuilding. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 4(145), 28–30. (In Russ.).
13. Ivanova, I. E. (2015). The role of derivational reflection in solving the modern problems of compositology. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 8(1), 78–81. (In Russ.).
14. Ishchenko, I. G. (2016). Multi-component compound nonce-words in the English Language: structural aspect. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 4–3(58), 91–94. (In Russ.).
15. Kagantseva, O. S. (2017). Evaluative potential of attributive hyphenated composites in the discourse of pre-election themes of the printed media of the USA and Great Britain. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 12–4(78), 91–96. (In Russ.).
16. Bourne, H. (2013). *Am I Normal Yet?* Usborne Publishing. (In English).
17. Bourne, H. (2017). *Am I Normal Yet?* Clever-Media-Group. (In Russ.).

18. *Corpus of Contemporary American English* [COCA]. (2021, February 25). <https://www.english-corpora.org/coca/> (In English).
19. Yoon, N. (2015). *Everything, Everything*. Delacorte Press. (In English).
20. Yoon, N. (2017). *Everything, Everything*. Clever-Media-Group. (In Russ.).
21. *Methodology of modern semantic research in development and perspective*. (2018). Flint. (In Russ.).
22. Kinsella, S. (2007). *Shopaholic & Baby*. Dial Press. (In English).
23. Kinsella, S. (2017). *Shopaholic & Baby*. Eksmo. (In Russ.).
24. Bourne, H. (2013). *Soulmates*. Usborne Publishing. (In English).
25. Bourne, H. (2017). *Soulmates*. Clever-Media-Group. (In Russ.).
26. Han, J. (2014). *To All The Boys I've Loved Before*. Simon & Schuster Books. (In English).
27. Han, J. (2015). *To All the Boys I've Loved Before*. AST. (In Russ.).
28. Popova, T. V. (2010). Polyfunctionality of the Russian Hyphen. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 4(2), 682–686. (In Russ.).
29. Aleshina, A. A. (2014). The classification of holophrastic constructions in the English Language (based on the novel by L. Weisberger «The Devil Wears Prada»). *Scientific notes of Orel State University*, 4, 115–117. (In Russ.).
30. Kinsella, S. (2003). *Confessions of a Shopaholic*. Dell Publishing Company. (In English).
31. Kinsella, S. (2016). *Confessions of a Shopaholic*. Eksmo. (In Russ.).
32. Sutherland, K. (2016). *Our Chemical Hearts*. G. P. Putnam's Sons Books. (In English).
33. Sutherland, K. (2018). *Our Chemical Hearts*. AST. (In Russ.).
34. Suleimanova, O. A., Kardanova-Biryukova, K. S., Lyugushkina, N. V., Beklemecheva, N. N., & Trukhanovskaya, N. S. (2015). *Linguistic theories through translation strategies prism. Complex review of translation process*. Lenand. (In Russ.).

Информация об авторах

Ольга Аркадьевна Сулейманова — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания и переводоведения Института иностранных языков МГПУ.

Арина Игоревна Чернышова — аспирант кафедры языкознания и переводоведения Института иностранных языков МГПУ.

Information about the authors

Olga A. Suleimanova — Doctor of Science (Philology), Professor, Full Professor at Linguistics and Translation Studies Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Ariana I. Chernyshova — Post-graduate at Linguistics and Translation Studies Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Вклад авторов

Ольга Аркадьевна Сулейманова — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; доработка текста; итоговые выводы.

Арина Игоревна Чернышова — написание исходного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors

Olga A. Suleimanova — scientific management; research concept; methodology development; follow-on revision of the text; final conclusions.

Ariana I. Chernyshova — writing the draft; final conclusions.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 821.111(73)-31«19»

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.08

ПРИНЦИП ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ СЕМИОТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОБЫТИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА Э. ХЕМИНГУЭЯ «КАНАРЕЙКУ В ПОДАРОК»)

Косиченко Елена Федоровна

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
Москва, Россия,

kosichenkoyf@mpei.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7613-9744>

Аннотация. В статье предпринимается комплексный анализ короткого рассказа американского писателя первой половины XX века Э. Хемингуэя «Канарейку в подарок» (Е. Hemingway «A Canary for One»), позволяющий продемонстрировать роль единиц различных семиотических систем в построении нарратива, создании художественного конфликта и художественных образов, а также выявить и описать характер их взаимодействия при конструировании события и репрезентации культурных ценностей. Актуальность предпринятого исследования определяется необходимостью более полного изучения, в том числе на материале художественного нарратива, различных аспектов взаимодействия семиотических систем, установления интерпретационного потенциала такого взаимодействия и обозначения его роли в реализации прагматического эффекта. В статье применяются методы нарративного, лингвосемиотического, лингвостилистического и ономастического анализа, дающие возможность: охарактеризовать роль главного события — покупки канарейки в подарок — в инициировании и развитии конфликта; выделить значимость культурных символов, имен собственных и отдельных лексических единиц в интерпретации главного события, а также в актуализации культурных ценностей, реализации темы одиночества и развитии внутреннего и внешнего конфликта через создание оппозиции «свой – чужой». Объектом исследования выступает событие как явление, конструируемое языком и интерпретируемое в тексте посредством элементов разных знаковых систем. Предметом исследования выступает роль взаимодействующих элементов (культурных символов, имен и названий брендов и локаций, маркированной лексики, местоимений) в интерпретации главного события, инициировании и раскрытии художественного конфликта.

В результате проведенного исследования делается вывод о том, что комплексный анализ художественного нарратива вносит вклад в изучение принципов взаимодействия знаковых систем, прежде всего принципа дополнительности, в соответствии с которым знаки разных семиотических систем интерпретируют друг друга, порождая новые смыслы.

Ключевые слова: художественный нарратив, событие, культурный символ, ономастикон, идейная оппозиция, прагматический эффект.

Для цитирования: Косиченко, Е. Ф. (2024). Принцип дополнительности семиотических систем в интерпретации события (на материале рассказа Э. Хемингуэя «Канарейку в подарок»). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(53), 105–123. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.08>

Original article

UDC 821.111(73)-31«19»

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.08

**COMPLEMENTARITY OF SEMIOTIC SYSTEMS
AS A PRINCIPLE OF INTERPRETING EVENTS
(BASED ON E. HEMINGWAY'S STORY
«A CANARY FOR ONE»)**

Elena F. Kosichenko

National Research University «Moscow Power Engineering Institute»,
Moscow, Russia,

kosichenkoef@mpei.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7613-9744>

Abstract. The article conveys the results of analysis of the story «A Canary for One» by E. Hemingway, the great American writer of the first half of the 20th century. The analysis serves to reveal and to describe ways and means of creating a narrative conflict as well as aims to stress the role of heterogeneous signs in conveying the message of a piece of literary writing and in exercising an emotional impact on the reader. The key relevance of the undertaken research is that it develops a semiotic approach to fiction, thus contributing to better understanding different aspects of sign systems interaction, to revealing the interpretative potential of this interaction, and to describing its pragmatic effect. Methods of narrative, linguosemiotic, linguostylistic and onomastic analysis serve to identify the role of the main event, which is purchasing a canary, in initiating and developing the conflict, as well as to reveal the significance of cultural symbols, proper names and a number of lexical units in interpreting the main event, representing cultural values, conveying the theme of loneliness and developing the inner and outer conflict through the opposition ‘Self and the Other’.

The article describes the event as a phenomenon created by language and interpreted in the text by means of different signs with a special focus on the role of interacting elements (cultural symbols, brands and place names, marked lexemes) in illustrating the main event, initiating and developing the conflict.

As a result, it is concluded that a complex analysis of literary narrative contributes to studying the principles of sign systems interaction, above all the complementary principle according to which signs of different nature interpret one another, thus producing new meanings.

Keywords: literary narrative, event, cultural symbol, onomasticon, ideological opposition, pragmatic effect.

For citation: Kosichenko, E. F. (2024). Complementarity of semiotic systems as a principle of interpreting events (based on E. Hemingway's story «A Canary for One»). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(53), 105–123. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.08>

Введение

В отечественной лингвистике исследования художественного текста имеют долгую историю и характеризуются разнообразием подходов с применением большого числа научных методов. За последние полвека традиционный для лингвистики лингвостилистический анализ был дополнен лингвосемиотическим, дискурсивным, нарративным, интертекстуальным анализом и такими методами, как статистический, литературно-художественного моделирования и др. Сегодня широкое разнообразие путей исследования при работе с художественным текстом открывает новые возможности для его изучения, позволяя выявлять не только особенности внутреннего построения некоторого произведения художественной литературы, но и роль других культурных текстов, в том числе невербальных (искусства, истории), в его организации, демонстрируя важность взаимодействия семиотических систем в создании культурных смыслов.

Выбор рассказа «A Canary for One» («Канарейку в подарок») в качестве исследовательского материала был продиктован целым рядом причин. Прежде всего он представляет собой уникальную форму повествования, проявляющуюся в созданной автором системе конфликтов, где основным служит конфликт между внешним отсутствием действия и осязаемой внутренней динамикой, достигаемой путем использования большого числа символических средств, которые, взаимодействуя в тексте на комплементарной основе, бесконечно расширяют его интерпретационное поле.

Анализируя прозаическое произведение с точки зрения сочетания в нем разных знаков, невозможно не обратить внимание на то, что каждый из них представляет собой средство интерпретации главного события — покупки американской дамой канарейки в подарок своей дочери. Оно отражено в названии и не только определяет логику повествования, но и задает его основную тему — одиночество, — которая, в свою очередь, интерпретирует поведение персонажей и тесно пересекается с проблемой вмешательства одних людей, присвоивших себе право принятия решений, в жизнь других людей. Примечательно, что тема нарушения личных границ проходит в рассказе красной нитью, о чем свидетельствуют многочисленные языковые средства, тогда как тема одиночества реализуется в тексте имплицитно через ряд символов, синтаксическую организацию текста, особенности построения диалогов. В этом плане особую значимость приобретает привлекаемое в оригинальном названии неопределенно-личное местоимение *one* (A canary for one), фокусирующее внимание именно на теме одиночества. Отметим, что отсутствие эквивалента данного местоимения в классическом русском переводе Н. Дарузес (Хемингуэй, 1959), хотя стилистически оправданно, иначе интерпретирует текст, акцентируя не столько причину поведения персонажей, каждый из которых страдал от одиночества, сколько тему вины и связанное с данным чувством стремление компенсировать потери.

Методология исследования

Нарративный подход в лингвистике

В социально-гуманитарных науках так называемый нарративный поворот произошел во второй половине прошлого столетия как развитие идей постмодернизма и постструктурализма, ознаменовавшись распространением нарративного метода, позволявшего рассматривать различные повествовательные формы с точки зрения взаимодействия в них фактов, событий и деталей и понимать явления разного порядка (сознание человека, характер литературного персонажа, особенности культуры, др.) через интерпретацию текста (Троцук, 2004; Маслов, 2020; Обухов, 2009; Салиева, 2012; Федотова, 2021).

В отечественных гуманитарных науках нарративный метод был сначала применен литературоведами и историками философии (Лотман, 2016; Тюпа, 2022; Агафонов, 2009), немного позднее стал использоваться также лингвистами, в частности для исследований текстов разных стилей и жанров и для историографических описаний языка. Отмечается, что в лингвоисториографии данный метод позволил отойти от ранее принятого подхода, опиравшегося на культурно-исторические реалии, и повернуть исследования в сторону более объективного описания научных направлений и деятельности отдельных лингвистов, когда факты рассматриваются с разных точек зрения, оставляя читателю возможность делать собственные независимые суждения (Костева, 2018). Применение нарративного метода в лингвистике текста способствовало закреплению в данной научной области термина «художественный нарратив» (Rice, 2000; Селютина, Субботина, 2021; Глазкова, Чабыкина, 2022), который используется, когда необходимо изучить текст в его динамике, установить роль языка в конструировании события и создании новой художественной реальности. В отличие от художественного нарратива, художественный текст рассматривается лингвистами, скорее, как повествовательная форма, при анализе художественного текста учитываются его лингвостилистическая организация и роль межтекстовых связей в его построении.

Ключевым элементом художественного нарратива служит событие — явление, создаваемое средствами языка и актуализируемое разными способами, например в виде динамичного повествования или в виде истории о некотором подлинном или вымышленном происшествии. Нарративный анализ позволяет рассмотреть сконструированное языком событие с учетом разных факторов: сюжета данного произведения, художественных образов, культурно-исторического контекста, личности писателя, др.

Далее, следуя принципам нарративного подхода, при анализе выбранного нами рассказа «Канарейку в подарок» мы будем опираться на разные его элементы: диалоги, описания действий персонажей и видов из окна поезда, которые, быстро сменяя друг друга, создают необходимую динамику повествования.

Символы как средства репрезентации оппозиций в нарративе

Известно, что по причине бинарности своей природы (наличия двух полушарий головного мозга, двух рук, глаз и т. д.) человек воспринимает и структурирует мир как систему взаимосвязанных, но противоположных явлений, или оппозиций (Болдырев, 2002; Руднев, 2009; Цивьян, 2009), которые могут быть как, условно говоря, естественными (день – ночь, мужское – женское), так и искусственными, созданными человеком и включающими в себя все категории культуры (язык, мифы, искусство и т. д.). В художественном тексте бинарные оппозиции выступают элементами его внутренней организации, в связи с чем в каждом произведении художественной литературы противопоставлены друг другу бедные и богатые, правверные и еретики, просвещенные и непросвещенные и т. д. (Лотман, 2016).

Наиболее значимая культурная оппозиция, объединяющая более частные виды противопоставлений, — «свой – чужой». В художественном нарративе она часто составляет основу повествования, задает его динамику, способствует реализации идейного содержания произведения и проявляется как на внешнем, так и на внутреннем уровне текста. Следует согласиться с мнением о том, что данное противопоставление, как правило, связано с проблемой самоидентификации, отнесением себя к той или иной социальной, национальной или этнической группе и, как результат, выступает способом выражения культурных и групповых ценностей (Егоров, 2020). Средствами актуализации оппозиции «свой – чужой» выступают прежде всего языковые и контекстуальные антонимы и культурные символы, которые могут и не быть противопоставлены чему-то эксплицитно, однако благодаря своей семантической наполненности всегда несут в себе идею противоположности, противоречия, контраста. В художественном тексте характер оппозиции «свой – чужой» могут определять такие символы, как дорога, поезд, море, птицы и др.

Важность образа железной дороги в художественной литературе подчеркивает, в частности, Е. А. Мальцева, отмечающая, что описание путешествия по железной дороге, как правило, связано с переосмыслением всего жизненного пути, делением жизни на прошлое и будущее (Мальцева, 2022). Действительно, путешествие на поезде придает повествованию динамику; движение от старого и известного к новому и неизвестному представляет собой оппозицию, где свой и чужие (люди, ценности, места, пр.) не заданы конкретно, а познаваемы через интерпретацию текста с учетом всех его значимых элементов.

Не менее часто в произведениях художественной литературы привлекается образ воды, причем океан, море, река, озеро, ручей и другие источники передают разные символические значения в зависимости от текущего состояния источника, а также от языка и культуры. Например, во всевозможных своих ипостасях море может выступать символом человеческой жизни, свободы, непокорности, опасности; в культурах, чья жизнь тесно связана с морем, данный образ имеет

дополнительные значения. Согласно проведенному Е. Ш. Галимовой исследованию, в мифопоэтическом сознании поморов море соотносится с жизнью, смертью, человеком и мирозданием (Галимова, 2012). Поскольку море — явление противоречивое по своей сути, его образ несет в себе множество противоположных смыслов, составляющих основу для разных оппозиций, включая оппозицию «свой – чужой».

Птицы также занимают особое место в картине мира каждого народа, что обуславливает научный интерес к образу птиц в мифах, фольклоре, литературе, культуре, языке. О высоком интересе филологов к данной теме свидетельствует, в частности, коллективная монография «Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре, языке» (Смирнова, 2019), где описаны культурные смыслы, связанные с разными птицами. Отметим, что символическое значение канарейки варьируется в зависимости от языка, культуры и даже конкретного текста. Например, в русской литературе канарейка может символизировать расставание и разлуку (Кудряшов, 2020), тогда как согласно англоязычному сайту¹ она выступает символом оптимизма, надежды и счастья.

Число символов в рассказе Э. Хемингуэя «Канарейку в подарок» (Hemingway, 2018) не ограничено символами поезда, моря и канарейки, однако именно они выступают средствами интерпретации главного события и реализации целого ряда идейных оппозиций, например «прошлое – будущее», «любовь – разлука», «семья – одиночество», «свобода – зависимость», «свой – чужой» и т. д.

Смыслопорождающая функция ономастических средств языка

На протяжении веков имя собственное выполняло в разных культурах целый ряд функций, в том числе эзотерическую, будучи сакральным знаком, способным оберегать человека от бед. Отсутствие имени у индивида исторически было социально маркировано, указывало на его низкое или подчиненное положение. Так, в Древнем Риме женщину называли по имени отца, мужа или сына, аналогичная практика существовала в древнем Новгороде, где женские имена образовывались от мужских, например, *Полюжася* или *Завижася*, происходили от имен *Полюд*, *Завид* (Никонов, 1974).

В произведении художественной литературы имена собственные не только довершают художественный образ, но и участвуют в пространственной и временной организации повествования и реализации его идейного содержания. Поскольку каждый художественный мир функционирует по своим законам, являясь, по сути, уникальной семиотической системой, привлекаемые в повествованиях имена собственные наполняются в нем особым содержанием,

¹ Harrison, C. (2021). Canary Symbolism & Meaning (+Totem, Spirit & Omens). Updated on October 12, 2021. *World Birds. Joy of Nature*. URL: <https://worldbirds.com/canary-symbolism/> (дата обращения: 10.02.2024).

и наличие у персонажа нескольких имен, перемена имени или его отсутствие приобретают символическое значение и требуют отдельного рассмотрения в процессе анализа художественного нарратива.

В случае отсутствия у персонажа имени средствами референции могут выступать, например, местоимения, слова, указывающие на профессию человека, его возраст, пол и т. д. Так, в романе Г. Грина «Сила и слава» (Greene, 2005), где речь идет о гонениях на католического священника в Мексике начала 1930-х годов, средствами референции к главному герою, скрывающему свое подлинное имя, выступают *he* (он), *the man* (человек), *the little man* (маленький человек), *the stranger* (чужак), *the hollow man* (пустой человек), *whisky priest* (священник-виски), *father* (батюшка), *the priest* (священник). Идентификация главного героя приводит к его гибели. Аналогичная ситуация имеет место в романе М. Ондатже «Английский пациент» (Ondaatje M. The English patient) (Ondaatje, 2004), главный герой которого, раненый пилот, именуется на протяжении всего повествования английским пациентом и умирает, как только его подлинное имя становится известным. Кроме того, проводимые нами ранее исследования (Косиченко, 2020) показали, что в англоязычной литературе личное имя, как правило, сигнализирует о близких отношениях, в отличие от литературы на русском языке, где более весомую роль в плане смыслопорождения и интерпретации играют фамилии.

В рассказе «Канарейку в подарок» участниками действия выступают три персонажа, которые лишены имен, что служит не только еще одним проявлением символизма в тексте, но и средством актуализации оппозиции «свой – чужой» и способом интерпретации основного события.

Завершая данный раздел, подчеркнем, что при анализе текста мы будем исходить из того, что главное событие рассказа — покупка американской женщиной канарейки в подарок своей одинокой дочери, — с одной стороны, задает направление интерпретации текста, а с другой — само интерпретируется посредством символов, имен собственных, диалогов персонажей, их поступков и, как следствие, расширяет свое смысловое поле.

Результаты и дискуссия

Символы в интерпретации главного события

Действие рассказа Э. Хемингуэя «Канарейку в подарок» разворачивается в поезде, идущем в Париж; основными действующими лицами выступают три пассажира одного купе спального вагона: американская дама и супруги, также американцы. Число символов в произведении настолько велико, что рассмотреть их подробно в рамках одной статьи не представляется возможным, в связи с чем, как отмечалось ранее, нами выбраны, на наш взгляд, наиболее значимые из них, а именно: поезд, канарейка и море.

Самая сильная позиция рассказа — его название («A Canary for One»), именно в нем сообщается о главном событии повествования — канарейке для одинокого человека. Оно задает направление интерпретации различных фрагментов текста, прежде всего первых трех предложений, где тема одиночества реализуется через оппозицию между семейным уютом и свободой:

The train passed very quickly along, *red stone house with a garden and four thick palm-trees with tables under them in the shade*. On the other side was the sea. Then there was a cutting through red stone and clay, and *the sea was only occasionally and far below against rocks*². (Поезд промчался мимо длинного кирпичного дома с садом и четырьмя толстыми пальмами, в тени которых стояли столики. По другую сторону полотна было море. Потом пошли откосы песчаника и глины, и море мелькало лишь изредка, далеко внизу, под скалами.)³

В приведенной цитате четко просматривается противопоставление видов из двух разных окон движущегося поезда, где, с одной стороны, промелькнул кирпичный дом с садиком и столиками в тени пальмовых деревьев (символ домашнего уюта), а с другой стороны, то появляется, то прячется за скалами море (символ свободы и перемен / скрытых опасений и страхов). Тот факт, что поезд быстро оставляет позади и уютный дом, и море, указывает на грядущие перемены, нестабильность и неопределенность настоящего. Неожиданно описания окрестностей прерываются заявлением американской дамы о том, что она купила канарейку в Палермо за полтора доллара:

«I bought him in Palermo,» the American lady said. «We only had an hour ashore and it was Sunday morning. The man wanted to be paid in dollars and *I gave him a dollar and a half*. He really sings very beautifully». (— Я купила ее в Палермо, — сказала американка. — Мы там стояли только один час: это было в воскресенье утром. Торговец хотел получить плату долларами, и я отдала за нее полтора доллара. Правда, она чудесно поет?)

Обратим внимание, что в оригинальном тексте для референции к канарейке используется личное местоимение мужского рода (*he/him*), и хотя референт в данной части текста не конкретизируется, но благодаря названию рассказа, содержащему слово *canary*, и глаголу «петь» становится понятно, что речь идет именно о кенаре. Таким образом, привлечение в первой части нарратива местоимения *he* не только конкретизирует грамматический род существительного «канарейка», но также указывает на то, что птица предназначена компенсировать утрату девушкой любимого человека. Подчеркнем, что использование местоимения *она* в русском переводе задает несколько иное направление интерпретации текста, о чем будет сказано далее.

Фраза американской дамы о покупке кенаря остается без ответа, что свидетельствует о нежелании попутчиков вступать в разговор, а также намекает на определенное эмоциональное напряжение в купе, доказательством чему

² Здесь и далее курсив наш. — Е. К.

³ Здесь и далее перевод Н. Дарузес. — Е. К.

служит дальнейшее смещение фокуса внимания на описания жары и духоты в купе, когда ни ветерка не поступало через открытое окно. Несмотря на то что в купе душно, американка задергивает жалюзи, перекрывая своим попутчикам не только доступ воздуха, но и вид на море, и им остается только смотреть в другое окно, где приятные для глаз пейзажи уже сменились видом пыльных деревьев, замызганных дорог и серых холмов:

It was very hot in the train and it was very hot in the lit salon compartment. There was no breeze came through the open window. The American lady pulled the window-blind down and there was no more sea, even occasionally. On the other side there was glass, then the corridor, then an open window, and outside the window were dusty trees and an oiled road and flat fields of grapes, with gray-stone hills behind them. (В поезде было очень жарко, было очень жарко и в купе спального вагона. Не чувствовалось ни малейшего ветерка. Американка опустила штору, и моря совсем не стало видно, даже изредка. Сквозь стеклянную дверь купе был виден коридор и открытое окно, а за окном пыльные деревья, лоснящаяся дорога, ровные поля, виноградники и серые холмы за ними.)

Действия американской дамы открывают путь к пониманию ее характера, говорят о том, что женщина привыкла всегда поступать по-своему, не считаясь с мнением окружающих. Тот факт, что американка закрыла соседям по купе вид из окна, одновременно лишив их поступавшего воздуха, также имеет символическое значение, указывает на ее безразличие к окружающим, на огромную разрушительную силу и неосознаваемую потребность ограничивать свободу любого живого существа, будь то канарейка, случайные попутчики или ее собственная дочь.

По мере продвижения поезда в направлении Парижа темнеет и пейзажи становятся все более мрачными: из окна теперь видны горящий дом и люди, пытающиеся спасти свое имущество. Напуганная темнотой и скоростью поезда, американка не спала всю ночь, ожидая крушения, и утром, увидев из окна искореженные вагоны — последствие железнодорожной аварии, удовлетворенно сообщила, что у нее дар предсказывать события:

As it was getting dark the train passed a farmhouse burning in a field. Motor cars were stopped along the road and bedding and things from inside the farmhouse were spread in the field. <...> In the night the American lady lay without sleeping because the train was a rapide and went very fast and she was afraid of the speed in the night <...> and all night the train went very fast and the American lady lay awake and waited for a wreck. <...> We were passing three cars that had been in a wreck <...> The American lady looked and saw the last car. «I was afraid of just that all night,» she said, «I have terrific presentiments about things sometimes ...» (В сумерках поезд промчался мимо фермы, горевшей среди поля. У дороги стояли машины; постели и все домашнее имущество было вынесено в поле <...> Американка всю ночь не спала, потому что поезд был скорый, а она боялась быстрой езды по ночам. <...> Всю ночь поезд шел очень быстро, и американка не спала, ожидая крушения. <...> Мы проезжали мимо трех вагонов, которые попали в крушение. Американка взглянула в окно и увидела последний вагон. — Именно этого я и боялась всю ночь, — сказала она. — У меня бывают иногда ужасные предчувствия.)

Описание скорого поезда, из окна которого можно отстраненно наблюдать быструю смену пейзажей и событий, символизирует в рассказе быстро текущую жизнь, в которой каждый человек одинок и которая в определенный момент начинает пугать своей скоротечностью и непредсказуемостью. В рассказе поезд не только организует художественное пространство, но и задает динамику повествования, наполняет событием ситуацию, в которой на первый взгляд ничего не происходит.

Кенарь в клетке — это не только символ одиночества и неволи, но и олицетворение утраченной любви и стремления к свободе. В рассматриваемом нарративе это также метафора, основанная на аналогии между певчей птицей в клетке, которую опекает пожилая американка, и молодой женщиной, оказавшейся под тотальной заботой своей матери. Здесь необходимо прокомментировать два существенных, на наш взгляд, момента. Во-первых, отметим, что вслед за У. Эко мы понимаем метафору как фигуру речи, которую не следует воспринимать буквально, поскольку каждая метафора нарушает истинность высказывания, тогда как символ может быть воспринят буквально, и содержащее символ высказывание, как правило, соответствует действительности (Есо, 1984). Во-вторых, вернемся к высказанной ранее мысли о том, что служащее средством референции к птице английское местоимение мужского рода *he* иначе интерпретирует оригинальный текст, нежели русское местоимение женского рода *она*, употребляемое в переводе. Во время как местоимение *она* в русскоязычном тексте увязывается непосредственно с молодой женщиной, английское местоимение *he* поясняет главное событие текста, дает основания полагать, что кенарь призван развлечь ее, а также указывает на желание американской дамы не только компенсировать потерю своей дочери, но и впредь контролировать ее личную жизнь. С этой точки зрения интересны описания заботы, проявляемой американской дамой по отношению к кенарю: женщина не позволяет клетке с птицей стоять на сквозняке, накрывает клетку ночью покрывалом и снимает его утром, чтобы певчее создание могло насладиться солнечным светом, призывает своих попутчиков послушать его пение.

The canary from Palermo, *a cloth spread over his cage, was out of the draft* in the corridor that went into the compartment wash-room <...> «*He loves the sun,*» the American lady said. <...> «*I've always loved birds,*» the American lady said. «*I'm taking him home to my little girl. There — he's singing now*». (Канарейку из Палермо, в закутанной шалью клетке, вынесли в коридор рядом с уборной, подальше от сквозняка <...> — Она любит солнце, — сказала американка. — Я всегда любила птиц, — сказала американка. — Я везу ее домой, моей дочке... Вот она и запела.)

Аналогичным образом американка заботится и о своей дочери. Стараясь уберечь ее от возможных жизненных проблем, она запрещает ей выходить замуж за швейцарца, убеждает себя и ее, что только американские мужчины бывают хорошими супругами:

«My daughter fell in love with a man in Vevey». <...> «They were simply madly in love». <...> «I took her away, of course». <...> «I couldn't have her marrying a foreigner». <...> Someone, a very good friend, told me once, «No foreigner can make an American girl a good husband». (В Веве моя дочь влюбилась в иностранца. <...> Они были безумно влюблены друг в друга. — Я ее увезла, конечно. <...> Не могла же я позволить, чтобы она вышла за иностранца. <...> Один из моих друзей говорил мне, что иностранец не может быть хорошим мужем для американки.)

Таким образом, будучи частью заглавия, слово *canary* служит средством репрезентации главного события нарратива. Уточнение гендерной принадлежности птицы в первой же фразе, произнесенной американской дамой («I bought him in Palermo»). — «Я купила его в Палермо»), поясняет событие, задает направление его интерпретации, не сужая при этом возможности оценивать происходящее с разных сторон. Использование образа кенаря как основы одновременно символа и метафоры практически до бесконечности расширяет интерпретационное поле рассказа, позволяя смотреть на поведение героев, диалоги между ними, описания видов из окна под разными углами зрения.

Переходя к анализу символа моря, напомним, что в поэтических текстах его образ исключительно многогранен: море может олицетворять свободу, человеческие страхи, скрытые желания и т. д. Поскольку в выбранном нами рассказе море встречается только как вид из окна в самом начале пути и далее на протяжении всего повествования следуют фрагментарные описания драматичных событий, наблюдаемых из другого окна, можно предположить, что это символ утраченного счастья и неизвестности.

Суммируя изложенное, подчеркнем, что символы поезда, канарейки и моря являются в анализируемом нарративе текстовыми доминантами, его содержательно-эмоциональными компонентами, апеллирующими как к социокультурному опыту человека, так и к его чувствам и ощущениям, и позволяют рассмотреть главное событие — покупку американской дамой канарейки — с разных сторон.

Языковые средства создания конфликта

В данном разделе сфокусируем внимание на именах собственных и некоторых лексических единицах, выступающих, во-первых, средствами создания характеров, переживающих внутренний и внешний конфликты; во-вторых, участвующих в реализации идейного содержания произведения, которое сводится, как отмечалось ранее, к теме одиночества, а также к проблемам свободы личности и свободы выбора.

Переходя к анализу, отметим, что персонажи рассказа «Канарейку в подарок» не имеют личных имен и референция к двум из них осуществляется в тексте посредством лексем с относительно широкой семантикой: «жена» (*wife*) и «американка» (*American lady*). Данный факт мог бы рассматриваться

как способ создания художественных типажей, т. е. собирательных образов жены и американской женщины, если бы не используемые на протяжении всего повествования, во-первых, притяжательное местоимение «моя» перед словом «жена» (*my wife*) и, во-вторых, определенный артикль перед словосочетанием «американская дама» (*the American lady*). Что касается третьего персонажа, то, поскольку повествование ведется от его лица, референция к нему осуществляется опосредованно, при этом используется слово «муж» (*husband*), конкретизируемое местоимением «ваш» (*your*):

«Is *your husband* American too?» asked the lady. (— Ваш муж тоже американец? — спросила дама.)

Как и личное местоимение *he*, притяжательные местоимения *my* и *your* приобретают в тексте символическое значение, способствуя реализации идеи о том, что человеку свойственно стремление рассматривать близких людей как свою собственность. Кроме того, данные местоимения противопоставлены в тексте неопределенно-личному местоимению *one*, употребляемому в заглавии рассказа, позволяя предположить, что каждому человеку необходим кто-то, способный восполнить жизненные утраты.

Отсутствие у персонажей имен выполняет в тексте еще одну функцию, а именно способствует созданию атмосферы отчуждения, безучастности, эмоциональной отстраненности. Идея дистанцированности проецируется также на супругов, которые, как выясняется в конце повествования, едут в Париж, чтобы там развестись, и, видимо, поэтому более не желают называть друг друга по имени. Кроме того, несмотря на существующий обычай давать имена домашним питомцам, канарь в клетке тоже не имеет имени. Вместе с тем для референции к другим, неодушевленным, единичным предметам используются имена собственные. Данный контраст между способами референции к людям, с одной стороны, и объектам и локациям — с другой, представляет собой текстовую оппозицию, акцентирующую внешний и внутренний конфликты, переживаемые персонажами. Так, безымянная американская дама покупает канарейку в Палермо, читает британскую газету *The Daily Mail*, пьет французскую воду *Evian*, отдыхает в Швейцарии. Примечательно также, что, будучи известным в разных культурах как самый романтический город в мире, Париж призван стать местом разлуки для едущих в поезде американских супругов:

The train stayed twenty-five minutes in the station at Marseilles and the American lady bought a copy of *The Daily Mail* and a half-bottle of *Evian water* <...> We were returning to Paris to set up separate residences. (В Марселе простояли двадцать пять минут, и американка купила «Дэйли мэйл» и полбутылки минеральной воды <...> Мы возвращались в Париж, чтобы начать процесс о разводе.)

Важную роль в рассказе играет слово «глухой», употребляемое дважды для метафорического выражения идеи об эмоциональной глухоте американской дамы, ее нежелании понимать и принимать других людей:

The American lady was a little deaf and she was afraid that perhaps signals of departure were given and that *she did not hear* them. <...> *The American lady did not hear. She was really quite deaf*, she read lips, and I had not looked toward her. (Американка была глуховата — она боялась, что звонок, может быть, и давали, но она его не слышала. <...> Американка не слышала. Она была совсем глухая и понимала собеседника по движениям губ, а я не смотрел на нее.)

Средствами реализации идеи безразличия, одиночества и надвигающейся беды выступают также существительные *smoke* («дым») и *breakfast* («завтрак»), прилагательные *tall* («высокий») и *long* («длинный»), другие слова, используемые в символическом и метафорическом значениях, которые мы не беремся подробно рассматривать в рамках данной статьи, поэтому ограничимся несколькими примерами:

There was *smoke* from many *tall chimneys* <...> The train left the station in *Marseilles* and there was not only the *switch-yards* and the *factory smoke* but <...> They wore brown uniforms and *were tall* and their faces shone, close under the electric light. Their faces were very black and *they were too tall to stare*. <...> and we were out on the dim *longness* of the platform. (Из множества высоких труб валил дым <...> Поезд вышел с марсельского вокзала, и теперь стали видны не только стрелки и фабричный дым <...> Все они были высокого роста, их лица блестели в свете электрических фонарей. Они были совсем черные, и такого высокого роста, что им не было видно, что делается в вагонах. <...> мы вышли на тускло освещенную длинную платформу.)

Особо отметим авторский неологизм *longness*, представляющий собой гибрид английских слов *long* и *loneliness* и не подлежащий переводу. Также обратим внимание на три предложения со словом «завтрак», составляющие основу для стилистического приема градации, который указывает на нарастающее эмоциональное напряжение внутри повествователя — американского супруга:

<...> she went back to the restaurant for *breakfast* <...> All that the train passed through looked *as though it were before breakfast* <...> *Nothing had eaten any breakfast*. (<...> она отправилась в вагон-ресторан завтракать <...> Все, мимо чего проходил поезд, выглядело словно натошак <...> Все было словно натошак.)

Проведенный анализ языковых средств создания конфликта не является исчерпывающим, поскольку данную функцию выполняют и многие другие слова, например *window*, *dusty*, *corridor*, *porter*, *ticket*, *platform* и т. д. Также подчеркнем, что благодаря использованию в тексте символов поезда, канарейки в клетке и моря, отсутствию у персонажей имен на фоне большого числа других индивидуальных наименований, повторы некоторых ключевых слов, таких как *breakfast* и *deaf*, остальные слова наполняются символическим значением и открывают новые возможности для интерпретации текста.

Идеологическая функция оппозиции «свой – чужой»

В данном разделе мы остановимся на роли слов, репрезентирующих концепт «Америка», как средств выражения оппозиции «свой – чужой».

В первую очередь отметим, что число слов с корнем *-америк* в рассказе составляет 32 единицы — факт, который приобретает в тексте глубокое идеологическое содержание, указывая на возрастающее господство США в мире, особенно в Европе. Как уже отмечалось, в тексте рассказа прослеживается четкое противопоставление между американским и европейским, в этой связи важно, что, всячески подчеркивая свою национальную принадлежность, американская дама пользуется благами, которые может предложить Европа, например проводит отпуск в Швейцарии или заказывает одежду в Париже. Таким образом, создаваемый на протяжении всего повествования образ американской дамы метафоричен, а сама американка выступает своеобразным символом Америки как государства, навязывающего другим странам свою волю, что хорошо просматривается также в приводимом далее ироническом описании ее внешности и манеры поведения:

In the morning the train was near Paris, and after the American lady had come out from the wash-room, *looking very wholesome and middle-aged and American* in spite of not having slept, and had taken the cloth off the birdcage and hung the cage in the sun, she went back to the restaurant for breakfast. (Утром, когда до Парижа оставалось совсем немного, американка вышла из умывальной, очень свежая, несмотря на бессонную ночь, очень здоровая на вид, — типичная американка средних лет. Раскутав клетку и повесив ее на солнце, она отправилась в вагон-ресторан завтракать.)

В следующей цитате заложена идея осознания американцами своего превосходства над европейцами. Из диалога следует, что героиня приятно удивлена американскому гражданству своих попутчиков, в которых она изначально заподозрила англичан. Национальные амбиции героини высмеиваются повествователем, который ни до этого эпизода, ни после не произносит ни единого слова:

«Is your husband *American* too?» asked the lady. «Yea,» said my wife. «We're both *Americans*.» «I thought you were *English*.» «Oh, no». «Perhaps that was because I wore *braces*,» I said. I had started to say *suspenders* and changed it to *braces* in the mouth, to keep my *English character*. <...> «I'm so glad you're *Americans*. *American men make the best husbands*,» the *American lady* was saying. (Ваш муж тоже американец? — спросила она. — Да, — отвечала моя жена. — Мы оба американцы. — Я думала, что вы англичане. — О нет, — сказала жена. — Может, вам это показалось потому, что я ношу подтяжки? — сказал я. <...> Я так рада, что вы американцы. Из американцев выходят самые лучшие мужья.)

Обратим внимание на противопоставление в оригинальном тексте британского слова *suspenders* и американского слова *braces*, обозначающих «подтяжки». В русском переводе не отражена ирония главного героя, который намеренно использует английский вариант, чтобы «соответствовать своему английскому

характеру», и таким образом способствует экспликации оппозиции между британским и американским.

Завершая раздел, выскажем мнение, что все слова и поступки американки свидетельствуют о ее собственническом отношении ко всему окружающему, и созданный в тексте образ проецируется на ситуацию в мире, имплицитно указывая на начало политико-экономической экспансии США на заре XX века.

Заключение

Проведенный в рамках данной статьи комплексный анализ рассказа Э. Хемингуэя «Канарейку в подарок» позволяет говорить об исключительно высокой степени символичности всех созданных образов, а также показывает, что для более или менее полного истолкования содержания данного рассказа потребуются дальнейшие исследования. Учитывая, что в каждом произведении художественной литературы создается уникальная семиотическая реальность, в процессе работы с данным текстом возникает впечатление, что для автора английский язык — это не столько первичная семиологическая система (термин Р. Барта) или первичная моделирующая система (термин Ю. М. Лотмана), сколько язык символов. Рассказ «Канарейку в подарок» представляет собой пространство, где взаимодействуют единицы разных знаковых систем, которые образуют в тексте смысловые оппозиции: поезд и станция, море и берег, ветер с моря и духота в вагоне, вид из одного и из другого окна, птица и клетка, отсутствие имен собственных у персонажей и имена известных брендов и локаций, неопределенно-личное местоимение *one* и личные/притяжательные местоимения и т. д. Важно, что взаимодействие между символами, метафорами, английскими и американскими словами, именами собственными, местоимениями, диалогами персонажей и т. д. происходит на комплементарной основе и практически каждое следующее слово расширяет интерпретационное поле текста, по-новому истолковывая как главное событие, так и поднимаемые проблемы.

Несмотря на то что проведенное исследование позволяет продемонстрировать динамику повествования, описать роль символов в создании художественных образов и в раскрытии основных тем рассказа, за пределами данной статьи остаются другие возможные подходы к его анализу. В частности, интересно рассмотреть сюжетобразующую роль социокультурных стереотипов, более подробно изучить функции повествователя и проблемы перевода данного произведения. В отношении последнего заметим, что «Канарейку в подарок» — это пример текста, перевод которого на русский язык в принципе невозможен. Задействованный нами классический перевод Н. Дарузес, при всем нашем глубоком уважении к переводчице, оставляет за кадром значительную часть содержания, не позволяя увидеть, насколько велико интерпретационное поле этого рассказа.

В заключение подчеркнем, что изучение художественного нарратива с привлечением разных методов открывает новые пути к пониманию принципов взаимодействия сложных семиотических систем и позволяет более полно понять механизмы образования и трансляции культурных смыслов.

Список источников

1. Хемингуэй, Э. (1959). «Канарейку в подарок». В И. Кашкин (Ред.). Н. Дарузес (Перевод). *Мужчины без женщин. Избранные произведения*: в 2 т. Государственное издательство Художественной литературы. https://ocr.krossw.ru/html/heminguey/heminguey-kanareyku-ls_1.htm
2. Троцук, И. В. (2004). Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 1(6–7), 56–74.
3. Лотман, Ю. (2016). *Структура художественного текста. Проблема сюжета*. Азбука.
4. Тюпа, В. И. (2022). Ю. М. Лотман и современная нарратология. *Филологический класс. Т. 27, 1*, 55–62.
5. Агафонов, В. В. (2009). Нарративная философия истории как новый вариант историцизма. *Вестник Камчатского государственного технического университета*, 9, 121–129.
6. Маслов, Е. С. (2020). *Что такое нарратив?* Издательство Казанского университета.
7. Обухов, А. С. (2009). Современные подходы к исследованию личности через нарративные тексты. *Преподаватель XXI век*, 4, 331–343.
8. Салиева, Л. К. (2012). Нарративный анализ. История и современность. Сферы приложения. *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*, 3, 116–128.
9. Федотова, О. С. (2021). *Принципы конструирования англоязычного художественного нарратива (к проблеме дискурса и метадискурса художественной прозы)*. Перспектива.
10. Костева, В. М. (2018). Нарративный метод в лингвоисториографии и особенности его использования для исследования научного интрадискурса. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 14(809), 143–151.
11. Schraw, G. (2000). Reader beliefs and meaning construction in narrative text. *Journal of Educational Psychology*, 92(1), 96–106. (2024, 23 января). https://www.researchgate.net/publication/232563354_Reader_beliefs_and_meaning_construction_in_narrative_text
12. Селютина, Е. А., & Субботина, А. А. (2021). Мнемический нарратив в структуре художественного текста (на примере вербатим-текстов). *Вестник Челябинского государственного университета*, 4(450), 123–128.
13. Глазкова, А. В., & Чабыкина, Д. С. (2022). Лингвопрагматические особенности современного художественного нарратива на материале рассказа «Scène» А. Робба-Грийе. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, Т. 15, 8, 2617–2623.
14. Болдырев, Н. Н. (2002). Структура и принципы формирования оценочных категорий. В В. А. Виноградов (Ред.). *С любовью к языку* (с. 103–114). Сборник научных трудов. Посвящается Е. С. Кубряковой. ИЯ РАН.

15. Руднев, В. П. (2009). *Энциклопедический словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты*. Аграф.
16. Цивьян, Т. В. (2009). *Модель мира и ее лингвистические основы*. Либроком.
17. Егоров, В. К. (2020). Еще раз об оппозиции «свой – чужой». *Коммуникология*, Т. 8, 1, 138–154.
18. Мальцева, Е. А. (2022). Символика и смыслы образа железной дороги в художественной культуре России: концепты «путь», «дорога». *Мир науки. Социология, филология, культурология*, Т. 13, 1, 142–153.
19. Галимова, Е. Ш. (2012). Образ-архетип моря в художественном пространстве Северного текста русской литературы. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, 3, 80–87.
20. Смирнова, А. И. (2019). *Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке*. Коллективная монография. Книгодел.
21. Кудряшов, И. В. (2020). Отчего сдохла канарейка? (Сергей Есенин о Николае Клюеве). *Научный диалог*, 12, 151–162.
22. Hemingway, E. (2018). *A canary for one. The complete short stories by E. Hemingway*. (2023, 27 декабря). <https://pdfcorner.com/wp-content/uploads/2019/05/The-Complete-Short-Stories-Pdf.pdf>
23. Никонов, В. А. (1974). *Имя и общество*. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».
24. Greene, G. (2003). *The Power and the Glory*. Penguin Books Ltd.
25. Косиченко, Е. Ф. (2020). Сакральная значимость имени собственного в философских традициях и в художественном тексте. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 3(832), 9–19.
26. Greene, G. (2005). *The Man Within*. Penguin Books.
27. Ondaatje, M. (2004). *The English Patient*. Bloomsbury.
28. Eco, U. (1984). *Semiotics and the philosophy of language*. Indiana University Press.

References

1. Hemingway, E. (1959). «A canary for one». In I. Rashkin (Ed.). N. Daruzes (Transl). *Men without women. Collection of stories: in 2 vol.* The State Publishing House of Fiction. https://ocr.krossw.ru/html/heminguey/heminguey-kanareyku-ls_1.htm (In Russ.).
2. Trotsuk, I. V. (2004). Narrative as an interdisciplinary methodological construct of contemporary social science. *RUDN Journal of Sociology*, 1(6–7), 56–74. (In Russ.).
3. Lotman, Yu. (2016). *Structuring fiction text. The issue of plot*. Azbuka. (In Russ.).
4. Тиупа, В. И. (2022). Yu. M. Lotman and Contemporary Narratology. *Philological Class*, Vol. 27, 1, 55–62. (In Russ.).
5. Agafonov, V. V. (2009). Narrativist philosophy of history as a new alternative for historicism. *Vestnik Kamchatskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 9, 121–129. (In Russ.).
6. Maslov, E. S. (2020). *What is narrative?* Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. (In Russ.).
7. Обухов, А. С. (2009). Cutting edge approaches to personality studies through narrative texts. *Prepodavatel XXI vek*, 4, 331–343. (In Russ.).
8. Salieva, L. K. (2012). Narrative analysis. History and contemporary time. Application. *Lomonosov Public Administration Journal. Series 21*, 3, 116–128. (In Russ.).

9. Fedotova, O. S. (2021). *Designing English fictional narratives (on discourse and metadiscourse of fiction)*. Perspectiva. (In Russ.).
10. Kosteva, V. M. (2018). Narrative method in lingvo historiography and its special aspects for the study of scientific interdiscourse. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 14(809), 143–151. (In Russ.).
11. Schraw, G. (2000). Reader beliefs and meaning construction in narrative text. *Journal of Educational Psychology*, 92(1), 96–106. (2024, 23 января). https://www.researchgate.net/publication/232563354_Reader_beliefs_and_meaning_construction_in_narrative_text (In English).
12. Selyutina, E. A., & Subbotina, A. A. (2021). Mnemic narrative in the structure of literary text (by the example of verbatim texts). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 4(450), 123–128. (In Russ.).
13. Glazkova, A. V., & Chabykina, D. S. (2022). Linguopragmatic features of the modern literary narrative by the material of a short-story «Scène» by A. Robbe-Grillet. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practic*, Vol. 15, 8, 2617–2623. (In Russ.).
14. Boldyrev, N. N. (2002). Structure and principles of forming evaluation categories. In V. A. Vinogradov (Ed.). *With love to language* (pp. 103–114). Collection of articles. In homage to Elena S. Kubryakova. Institute of Linguistics RAS. (In Russ.).
15. Rudnev, V. P. (2009). *Encyclopedic dictionary of XX century culture: Key concepts and texts*. Agraf. (In Russ.).
16. Tsyvian, T. V. (2009). *Model of the world and its linguistic pillars*. Librokom. (In Russ.).
17. Egorov, V. K. (2020). Yet again on the contents of Friend or Foe. *Communicology*, Vol. 8, 1, 138–154. (In Russ.).
18. Maltseva, E. A. (2022). The symbolism and meanings of the railway image in art culture: «way» and «road» constructs. *Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya*, Vol. 13, 1, 142–153. (In Russ.).
19. Galimova, E. Sh. (2012). Archetypal image of the sea in the art space of the Northern text of Russian literature. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series «Humanitarian and Social Sciences»*, 3, 80–87. (In Russ.).
20. Smirnova, A. I. (2019). *Bird as image, symbol, concept in literature, culture, language: collective monograph*. Knigodel. (In Russ.).
21. Kudryashov, I. V. (2020). Why Did the Canary Die? (Sergei Yesenin about Nikolai Klyuev). *Nauchnyi dialog*, 12, 151–162. (In Russ.).
22. Hemingway, E. (2018). *A canary for one. The complete short stories by E. Hemingway*. (2023, December 27). <https://pdfcorner.com/wp-content/uploads/2019/05/The-Complete-Short-Stories-Pdf.pdf> (In English).
23. Nikonov, V. A. (1974). *Name and society*. Nauka. (In Russ.).
24. Greene, G. (2003). *The Power and the Glory*. Penguin Books Ltd. (In English).
25. Kosichenko, E. F. (2020). Sacred nature of personal names in philosophy and fiction. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 3(832), 9–19. (In Russ.).
26. Greene, G. (2005). *The Man Within*. Penguin Books. (In English).
27. Ondaatje, M. (2004). *The English Patient*. Bloomsbury. (In English).
28. Eco, U. (1984). *Semiotics and the philosophy of language*. Indiana University Press. (In English).

Информация об авторе

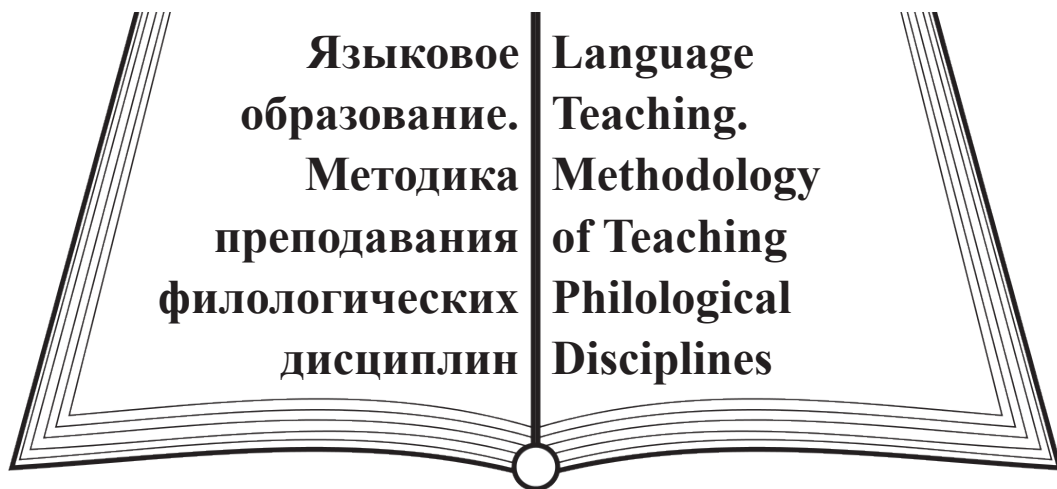
Елена Федоровна Косиченко — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики Национального исследовательского университета «МЭИ».

Information about the author

Elena F. Kosichenko — Doctor of Linguistics (Dr. habil.), Associate Professor, Professor at the Department of Advertising, Public Relations and Linguistics, National Research University «Moscow Power Engineering Institute».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 378.016:811.111

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.09

СОВРЕМЕННЫЙ МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРС: СТАТУС В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ

Тарева Елена Генриховна¹,
Дорохова Анастасия Михайловна²

^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

¹ tarevaeg@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0547-6115>

² dorokhovaam@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6665-0677>

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей межкультурного дискурса и их влияния на процесс подготовки студентов к взаимодействию с представителями различных культур. Авторы обращают внимание на главные тенденции исследования межкультурного дискурса как феномена, делая акцент на таких его аспектах, как неустойчивость и непредсказуемость межкультурных контактов, демонстративность социокультурной самоидентификации субъектов коммуникации, стереотипизация представлений о культуре партнера по общению и рост значимости национального самосознания участников (субъектов) дискурсивного пространства. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления и адаптации образовательных подходов к обучению межкультурному общению в контексте глобальных трансформационных процессов. Цель работы состоит в выявлении и объяснении влияния особенностей современного межкультурного дискурса на протекание общения и на достижение понимания между представителями разных лингвокультур. В рамках исследования происходит уточнение и детализация понимания межкультурного дискурса, его сущности и специфики, что вносит вклад в область лингводидактики

и теории межкультурной коммуникации. В результате исследования устанавливается взаимосвязь между выделенными чертами межкультурного дискурса и необходимостью разработки эффективных стратегий подготовки специалистов в области иностранных языков. Научная новизна работы заключается в расширении представлений о межкультурном дискурсе как лингводидактическом явлении и описании его характерных черт. Представленный анализ и результаты исследования позволяют пересмотреть существующие подходы к подготовке специалистов в области иностранных языков на уровне высшего профессионального образования.

Ключевые слова: межкультурный дискурс, иноязычное образование, межкультурная коммуникация.

Для цитирования: Тарева, Е. Г., Дорохова, А. М. (2024). Современный межкультурный дискурс: статус в лингводидактике. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(53), 124–135. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.09>

Original article

UDC 378.016:811.111

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.09

PRESENT-DAY INTERCULTURAL DISCOURSE: FOCUS ON TEACHING LANGUAGES

Elena G. Tareva¹,

Anastasia M. Dorokhova²

^{1,2} Moscow City University,
Moscow, Russia,

¹ tarevaeg@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0547-6115>

² dorokhovaam@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6665-0677>

Abstract. The article aims at analyzing the features of intercultural discourse and its impacting the process of preparing students for intercultural interaction. The authors focus on the leading trends in intercultural discourse research the latter emphasizing such aspects as instability and unpredictability of intercultural contacts, demonstration of socio-cultural self-identification by communicators, stereotyping of perceptions about the partner's culture, and the increasing significance of national self-awareness among discourse participants. The relevance of this research is due to the need to reassess and adapt educational approaches to mastering intercultural communication skills in the context of global transformative processes. The objective of this work is to identify and explain the impact of present-day intercultural discourse on communication dynamics and achieving understanding between representatives of different linguistic and cultural backgrounds. The study refines and specifies the understanding of intercultural discourse, its conceptual features, thereby contributing to the fields of language teaching and intercultural communication theory. The research conducted attempts to establish the link between the identified features of intercultural discourse and the necessity to develop effective strategies for training would-be language specialists. The scientific relevance of this study lies in expanding the current understanding of intercultural discourse as a linguodidactic phenomenon and describing its typical traits.

The analysis and findings presented provide insights that prompt revising the existing approaches and strategies for training language specialists in higher education settings.

Keywords: intercultural discourse, foreign language education, intercultural communication.

For citation: Tareva, E. G., Dorokhova, A. M. (2024). Present-day intercultural discourse: focus on teaching languages. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(53), 124–135. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.09>

Введение

В современном глобальном обществе, подверженном серьезным трансформациям в политической, экономической и социокультурной сферах, наблюдается все более распространенная проблема непонимания между людьми, вызванного во многих случаях различиями на уровне культурных, социальных, политических и иных представлений об окружающем мире представителей той или иной страны. В условиях таких вызовов становится неотложной задача поиска действенных коммуникативных стратегий, которые бы способствовали установлению эффективных межкультурных контактов. Современная эпоха, отличающаяся использованием достаточно агрессивной риторики в сфере межкультурного общения, требует пересмотра подходов к обучению иностранным языкам в сфере высшего профессионального образования. Анализ федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования по направлениям «Педагогическое образование», «Филология» и «Лингвистика» показывает, что будущие специалисты должны быть в состоянии активно участвовать в межкультурной коммуникации на иностранном языке для успешного решения межличностных и межкультурных задач. Получение этого планируемого результата становится труднодостижимым с учетом сложных геополитических процессов, происходящих сегодня в мире. Специальной стратегической образовательной установкой в языковом вузе должно стать формирование у студентов особых умений, обеспечивающих реализацию их коммуникативного намерения в ходе взаимодействия с представителем иной лингвокультуры — намерения услышать и понять партнера по коммуникации и быть им услышанным и понятым.

Достижению указанной цели способствует осознание специфики современного межкультурного дискурса, благодаря этому может быть реализовано переосмысление путей трансформации актуальных лингвообразовательных тенденций. Современный межкультурный дискурс мгновенно реагирует на быстрые изменения в социальных, политических и технологических сферах, а также в глобальной экономике. Возникают и бесконечно множатся новые коммуникативные контексты, выдвигаются принципиально новые требования к участникам межкультурного взаимодействия, которые необходимо учитывать при разработке образовательных программ.

Понимать особенности дискурса современной межкультурной коммуникации важно для того, чтобы уточнить компоненты содержания обучения иностранным языкам на уровне профессионального образования, подготавливая будущих специалистов в области межкультурной коммуникации к возможному непониманию, возникающему на фоне культурных различий. Осознание потенциальных трудностей, с которыми студенты могут столкнуться в будущем, а также освоение ими приемов и способов адекватного реагирования могут помочь выработать механизмы диалогоспособной коммуникации (диалогового понимания (Тарева, 2020)) в условиях недоразумений и межкультурных конфликтов.

В свете вышесказанного представляется целесообразным выявить и исследовать пласт онтологических основ и особенностей межкультурного дискурса, которые предопределяют возникающие в области иноязычного образования новейшие тенденции и подходы.

Методология исследования

Для исследования особенностей дискурса современной межкультурной коммуникации в контексте обучения иностранным языкам использованы методы сравнительно-сопоставительного анализа, систематизации и обобщения данных, а также классификации и структуризации информации. Сравнение существующих подходов и теорий позволило выделить ключевые аспекты межкультурного дискурса, а систематизация и обобщение данных создали основу для анализа и интерпретации результатов исследования. Классификация и структуризация информации помогли организовать данные в логические категории, выявить общие закономерности и особенности межкультурного дискурса.

Результаты и дискуссия

На данный момент не существует единого определения понятия «межкультурный дискурс». Это объясняется сложной структурой и междисциплинарным характером феномена, изучением которого занимался достаточно широкий круг отечественных и зарубежных ученых (Э. Бенвенист, Д. Шифрин, Т. А. ван Дейк, Л. В. Щерба, Ю. Хабермас, М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филлипс, Э. Лакло, Ш. Муфф, Ж. Деррида, А. Кибрик и др.). Тем не менее благодаря анализу работ в области межкультурной коммуникации (Т. Е. Землинская, Л. В. Куликова, Т. М. Пермякова, Н. Г. Ферсман и др.) удастся выявить ряд важных результатов исследования дискурса межкультурной коммуникации с опорой на изучение межкультурного взаимодействия с точки зрения лингвистики.

Анализируя позиции разных авторов (Герасимова, 2019; Донец, 2001; Землинская, Ферсман, 2013; Кубрякова, 2004; Куликова, 2011; Могилевич, 2009; Обдалова, 2017; Суворова, 2013; Тарева, 2017а), можно выделить четыре онтологических основания дискурса межкультурной коммуникации. К ним относятся:

1) *процессуальный характер*. Межкультурный дискурс — это в первую очередь *процесс* общения, т. е. некая нелинейная динамичная структура, представляющая собой взаимодействие между представителями разных культур и объединяющая при этом когнитивные процессы речепроизводства в сознании говорящих и воспроизводимые ими речевые акты;

2) *центрация на субъектах*, которыми в данном случае являются коммуниканты-инофоны — носители разных культурных концептуальных картин мира, разных (нередко значительно отдаленных и отличных друг от друга) культурных идентичностей. Межкультурный дискурс в этом смысле выступает в роли своего рода способа репрезентации себя в качестве субъекта не только коммуникации, но и собственной культуры;

3) *инаковость партнеров по общению*, проявляющаяся, в частности, в категории коммуникативного стиля, т. е. в устойчивой совокупности коммуникативных норм, правил и представлений, усвоенных в определенной культурной среде и влияющих на выбор языковых средств и на коммуникативное поведение инофонов;

4) *социокультурная и ситуативная детерминированность*. Межкультурный дискурс детерминирован социокультурным фоном. Иными словами, он не может быть проанализирован и проинтерпретирован вне социокультурной ситуации, в которой происходит коммуникация. Понимание социокультурного контекста как ключевого элемента межкультурного дискурса обязывает исследователя учитывать культурологические, психологические и социально-исторические аспекты, принимать во внимание информацию о том, кто, с какой целью и с какой позиции осуществляет межкультурную коммуникацию. Следовательно, достаточно важным аспектом межкультурного дискурса являются личностные характеристики коммуникантов-инофонов, их намерения, эмоциональные состояния, ценностные установки и ориентации.

Из описанного выше следует, что для достижения понимания в межкультурном дискурсе субъектам необходимо успешно расшифровывать специфичные значения, как лингвистические, так и внеязыковые, которые реализуются при одновременном взаимодействии вербально-семантических, когнитивных и коммуникативно-прагматических аспектов дискурсивного поведения участников межкультурного взаимодействия. Коммуниканты должны быть в состоянии разбираться в тонкостях и нюансах, связанных с определенной культурой, а также уметь интерпретировать взаимодействие на уровне языкового и социокультурного значения, а также прагматики коммуникации.

Следует отметить, что достигать взаимопонимания в условиях современного межкультурного дискурса становится все сложнее. Процесс межкультурной коммуникации сегодня значительно направлен в «недиалоговую» сторону; отсюда потребность в лингводидактическом осмыслении феномена «не-диалога культур» (Межкультурное образование..., 2020). В условиях усиления уровня конфликтогенности межкультурной коммуникации особенно часто

актуализируются стратегии эмоционального воздействия на собеседников, а также паттерны коммуникативной агрессии, манипуляций и распространения недостоверной информации. В итоге современный межкультурный дискурс, во-первых, приобретает черты нестабильности, связанной с информационной и социокультурной многофакторностью, а также с противоречивым геополитическим контекстом, в котором он осуществляется. Во-вторых, важным свойством современного межкультурного дискурса становится его ненадежность в достижении целей коммуникации. Субъекты дискурса могут быть ориентированы на различные или даже противоречащие друг другу цели, могут скрывать свои истинные интенции, стремясь манипулировать сознанием друг друга.

В то же время исследование современного межкультурного дискурса осложняется массовой поликодовостью коммуникации, в которой визуальный и мультимедийный коды становятся приоритетными по сравнению с текстовым (Карасик, 2021). В ситуациях несовпадения или противоречия между вербальными и невербальными сигналами неизбежно возникают сложности в реализации межкультурной коммуникации. Невербальные средства коммуникации — жесты, мимика, интонация, графика, фотографии, видео и звуковые эффекты — могут выражать важнейшие для передачи содержания эмоциональные нюансы и контекст, которые часто не транслируются через текстовую форму. Например, при общении в онлайн-среде или при просмотре видеоролика невербальные сигналы могут быть основным источником информации о настроении, отношении и истинных намерениях коммуниканта. Кроме того, в связи с активным использованием в межкультурной коммуникации социальных сетей и цифровых контент-площадок, где визуальные и мультимедийные элементы являются основным средством передачи информации, возникают новые вызовы и требования к участникам цифрового (электронного) межкультурного взаимодействия. Субъекты сегодня часто сталкиваются с необходимостью интерпретировать и использовать визуальные образы, мемы, эмодзи и другие невербальные средства, чтобы успешно взаимодействовать в сетевом пространстве.

Таким образом, поликодовость и приоритет визуального и мультимедийного кодов в межкультурной коммуникации требуют от субъектов межкультурного дискурса расширенного спектра коммуникативно-дискурсивных умений, гибкости в интерпретации и использовании различных кодов, что позволит лучше понимать и быть понятыми в разнообразных социокультурных контекстах.

Еще одной важной чертой современного межкультурного дискурса становится усиливающаяся роль процессов глокализации (обратный процесс глобализации). Глокализация как ответная реакция на те политические и экономические процессы, которые в настоящий момент происходят в мире, проявляется в переориентации интересов и намерений на локальный (национальный) уровень во взаимодействии между культурами. Глобальные трансформации

вызывают потребность в усилении чувства принадлежности к своей национальной и культурной группе, происходит выделение и выражение в межкультурном дискурсе уникальных культурных особенностей и характерных черт каждой нации или региона. Это проявляется в сохранении и активной поддержке традиций, языка, культурных ценностей и исторических обычаев.

При этом следует принимать во внимание тот факт, что в контексте взаимодействия «локальное – глобальное» все чаще возникают противоречия внутри этой дихотомии. В свете глобальных трансформационных процессов проявляется сопротивление субъекта внедрению и распространению иных культурных норм и ценностей. Культурные сообщества начали явно выражать свои оппозиционные настроения в отношении глобализации и стремиться сохранить свою уникальность и независимость от внешнего влияния, и эта тенденция все более укрепляется.

Как следствие, значительно усиливается социокультурная и национальная субъектность. Это приводит к ориентации участников на осознание себя в первую очередь носителями своей культуры и своего языка. Демонстративное отождествление себя с собственной культурой может при этом приводить к возрастающему выражению неприятия к тем или иным проявлениям в коммуникативном поведении участников межкультурного общения: партнеры стремятся подчеркнуто самоутвердиться в ходе диалога культур.

Примечательно, что В. И. Карасик не подвергает данные проявления критической оценке, однако указывает на то, что экспансия демонстративности может принимать черты позерства (Карасик, 2021). Как видится, такая демонстративность может рассматриваться как способ прямого, открытого представления своей социокультурной и национальной принадлежности; при явном утрировании она способна стать фактором усиливающегося дистанцирования между «своими» и «чужими», формирования предубеждений и стереотипных установок о собеседнике-инофоне. Социальные установки, представляющие собой четкие структурные иерархии мнений и убеждений, как известно, играют важную роль в процессе коммуникации. Они, с одной стороны, содействуют правильному выбору дискурсивных тактик и тематического репертуара в межкультурном общении, с другой — создают социокультурные преграды и коммуникативные затруднения, в случае если стереотипные представления проявляются в форме явно негативных этноцентрических предубеждений.

Особую значимость этот фактор приобретает в условиях межкультурного взаимодействия в сети Интернет; последний, как известно, представляет собой обширную кросс-культурную площадку для самовыражения и самопрезентации, где возможности для демонстрации своей культурной идентичности становятся особенно значимыми и показательными для установления рамок в контексте оппозиции «свой – чужой». Как следствие, с учетом все усиливающегося развития интернет-коммуникации и широкого распространения социальных сетей в современном мире остро стоит необходимость развития

у коммуникантов способности адекватно реагировать на тексты и сообщения в онлайн-среде, анализировать мнения и точки зрения различных культурных групп. В рамках межкультурного сетевого дискурса особую значимость приобретает ясное определение участниками общения их собственной позиции. Коммуниканты должны осознавать свою культурную идентичность и быть в состоянии понять, какие факторы могут влиять на их коммуникативное поведение в онлайн-среде.

Сетевое пространство — среда, характеризующаяся динамическими контекстами, появлением новых коммуникативных партнеров, неприкрытым столкновением субъектов, относящихся к разным лингвокультурам.

В целом вышеупомянутые тенденции не являются изолированными друг от друга явлениями, а представляют собой взаимосвязанный результат современных глобальных трансформационных процессов, которые взаимодействуют и взаимообуславливают друг друга, создавая совокупный синергичный эффект (рис. 1).

Рис. 1. Особенности современного межкультурного дискурса

Fig. 1. The peculiar features of present-day intercultural discourse

Современные тенденции в сфере межкультурной коммуникации, такие как нестабильность и непредсказуемость, глобальное распространение фейковой и неопределенной информации, проявление межкультурной демонстративности субъектов общения, этническая стереотипизация, усиление национального самосознания и появление принципиально новых коммуникативных партнеров, требуют переосмысления различных сфер жизни, включая

образование в целом и обучение иностранным языкам в частности. Эти изменения и доминирующие идеологические тенденции диктуют необходимость адекватных реакций и пересмотра существующих лингводидактических подходов с учетом потребности в обучении специалиста, готового взаимодействовать на иностранном языке в условиях сложных межкультурных процессов (Тарева, 20176).

Понимание причин и результатов существования выделенных тенденций имеет важное значение для разработки эффективных стратегий подготовки студентов к участию в межкультурной коммуникации и преодолению ситуаций, когда достижение понимания затруднено или невозможно. Далее перечислены стратегические направления, необходимые для разработки новых методических подходов, методов и приемов обучения иностранным языкам с акцентом на учете особенностей межкультурного дискурса.

1. Одна из особенностей межкультурного дискурса — неустойчивость и непредсказуемость межкультурных контактов — указывает на необходимость: 1) воспитания особых качеств участника межкультурного диалога, а именно гибкости и адаптивности во взаимодействии с представителями других культур; 2) присвоения студентами знания присущих другим культурам дискурсивных практик в целях выполнения/интерпретации социально-психологических ролей; 3) выработки у обучающихся умений адекватного применения стратегий конструктивного преодоления коммуникативных сбоев.

2. Фикционализация информации и неопределенность ее достоверности в глобальном поле требуют критического мышления и умения анализировать иноязычную информацию из разных источников, чтобы избежать неправильного толкования, ошибочных этнических суждений, а также эмоционально-манипулятивного воздействия со стороны собеседников-инофонов.

3. Осознание роли субъектной демонстративности в процессе подчеркивания своей культурной идентичности и самоутверждения в межкультурном дискурсе предполагает развитие эмоционального интеллекта, а также умений дистанцироваться от определенных социокультурных установок для безоценочного восприятия собеседника.

4. Столкновение с новыми коммуникативными партнерами и разнообразными лингвокультурами обуславливает глубокое осознание обучающимися межкультурных различий, а также особенностей собственной концептуальной картины мира. В этой связи необходимо развивать межкультурную сензитивность (Тарева, 2023) в области ценностных ориентаций (своих и чужих) и адаптивность, чтобы преодолеть эндоцентрические предубеждения, а также умения выходить из ситуаций коммуникативных сбоев и межкультурных конфликтов с помощью выработки стратегий адекватного конфликтного поведения.

Заключение

В свете современных вызовов и требований, связанных с межкультурным взаимодействием, осознание особенностей и сложностей современного межкультурного дискурса становится важным вопросом для иноязычного образования в вузе. Учет затронутых в данном исследовании аспектов позволит пересмотреть цели, содержание и методику обучения студентов, которые профессионально изучают иностранные языки на уровне высшего образования.

Включение термина «межкультурный дискурс» в лингводидактику может обогатить понимание таких вопросов, как создание учебных и отбор аутентичных устных и письменных текстов, подготовка технологий работы с ними, получение и переработка необходимых знаний для участия в межкультурном взаимодействии, развитие коммуникативных умений студентов в различных социокультурных контекстах, а также умений адекватного восприятия и реагирования на языковые и социокультурные особенности собеседников — носителей иностранного языка.

Важность исследования межкультурного дискурса состоит в том, что он помогает расширить наши знания и понимание актуального контекста межкультурной коммуникации, а также является своего рода фундаментом при разработке эффективных стратегий обучения иностранным языкам, которые способствуют развитию умений, играющих существенную роль в установлении межкультурных контактов и содействующих результативному взаимодействию в межкультурной среде.

Список источников

1. Герасимова, И. Е. (2019). *Дискурс межкультурной коммуникации*. Языки и культуры (с. 120–126). Материалы Международной научно-практической конференции. Костромской государственной университет.
2. Донец, Н. П. (2004). *Теория межкультурной коммуникации. Специфика культурных смыслов и языковых форм* [Диссертация ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Харьков].
3. Землинская, Т. Е., & Ферсман, Н. Г. (2013). Межкультурный дискурс: понятие, содержание и стратегии изучения. *Вопросы методики преподавания в вузе*, 2(16), 188–196.
4. Карасик, В. И., & Слышкин, Г. Г. (2021). Тенденции развития современного дискурса. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 1, 14–31.
5. Кубрякова, Е. С. (2004). *Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. Языки славянской культуры.
6. Куликова, Л. В. (2004). *Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур*. Монография. РИО КГПУ.
7. Могилевич, Б. Р. (2009). Особенности дискурса межкультурной коммуникации. *Вестник РУДН. Серия: Социология*, 1, 43–48.

8. Суворова, С. Л. (2013). К вопросу о сущности понятия «межкультурный дискурс». *Современная высшая школа: инновационный аспект*, 1, 19–23.
9. Тарева, Е. Г. (2017а). Текст и дискурс: модусы сосуществования на пересечении лингводидактических парадигм. *Текст: дискурсивное проявление и коммуникативная практика* (с. 179–193). Сборник научных статей в честь юбилея доктора филологических наук, профессора Ларисы Георгиевны Викуловой. Языки Народов Мира.
10. Тарева, Е. Г. (2017б). Диалог культур и не-диалог культур в обучении иностранным языкам. В *диалоге языков и культур* (т. VI, с. 439–450). *Материалы VI Международной научно-дидактической конференции*, Варшава, 01–02 июня 2017 года. *Lingwistyczna Szkoła Wyższa w Warszawie*.
11. Тарева, Е. Г., Анненкова, А. В., & Гаврилюк, О. А. (2020). *Межкультурное образование в вузе: лингводидактические стратегии и практики*. Нестор-История.
12. Тарева, Е. Г. (2023). Глава 9. Межкультурная сензитивность субъектов цифровой коммуникации как предмет исследования. *Карта компетенций педагога иностранных языков в условиях цифровизации образования* (с. 189–207). Эдитус.
13. Тройникова, Е. В. (2022). Субъект межкультурного взаимодействия: диалоговая трансформация образовательного конструкта. *Язык и культура*, 59, 298–319.

References

1. Gerasimova, I. E. (2019). Discourse of intercultural communication. *Languages and Cultures* (pp. 120–126). Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Kostromskoj gosudarstvennyj universitet. (In Russ.).
2. Donets, N. P. (2004). *Theory of intercultural communication. Specifics of cultural meanings and language forms* [Dissertation ... Doctor of Philological Sciences: 02.10.19. Kharkiv]. (In Russ.).
3. Zemlinskaya, T. E., & Fersman, N. G. (2013). Intercultural discourse: concept, content, and study strategies. *Teaching Methodology in Higher Education*, 2(16), 188–196. (In Russ.).
4. Karasik, V. I., & Slyshkin, G. G. (2021). Trends in the development of modern discourse. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 1, 14–31. (In Russ.).
5. Kubryakova, E. S. (2004). *Language and knowledge: On the way to obtaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive perspective. The role of language in cognition*. Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.).
6. Kulikova, L. V. (2004). *Intercultural communication: theoretical and applied aspects. Based on the material of Russian and German linguocultures*. Monograph. RIO KGPU. (In Russ.).
7. Mogilevich, B. R. (2009). Features of intercultural communication discourse. *RUDN Journal of Sociology*, 1, 43–48. (In Russ.).
8. Suvorova, S. L. (2013). On the essence of the concept of «intercultural discourse». *Contemporary higher education: innovative aspects*, 1, 19–23. (In Russ.).
9. Tareva, E. G. (2017а). Text and discourse: modes of coexistence at the intersection of linguodidactic paradigms. *Text: discursive manifestation and communicative practice* (pp. 179–193). Collection of scientific articles in honor of the jubilee of Doctor of Philological Sciences, Professor Larisa Georgievna Vikulova. Languages of the Peoples of the World. (In Russ.).

10. Tareva, E. G. (2017b). Dialogue of cultures and non-dialogue of cultures in teaching foreign languages. *Language and culture* (vol. VI, pp. 439–450). Proceedings of the VI International scientific and didactic conference, Warsaw, June 1–2, 2017. Lingwistyczna Szkoła Wyższa w Warszawie. (In Russ.).
11. Tareva, E. G., Annenkova, A. V., & Gavriluk, O. A. (2020). *Intercultural education in higher education: linguodidactic strategies and practices*. Nestor-Istoriya. (In Russ.).
12. Tareva, E. G. (2023). Chapter 9. Intercultural sensitivity of digital communication subjects as a subject of research. *Competence map of foreign language teachers in the context of digitalization of education* (pp. 189–207). Editus. (In Russ.).
13. Troynikova, E. V. (2022). Subject of intercultural interaction: dialogical transformation of the educational construct. *Yazyk i kul'tura*, 59, 298–319. (In Russ.).

Информация об авторах

Елена Генриховна Тарева — доктор педагогических наук, профессор, директор Института иностранных языков МГПУ.

Анастасия Михайловна Дорохова — ассистент кафедры англистики и межкультурной коммуникации, аспирант кафедры романских языков и лингводидактики МГПУ.

Information about the authors

Elena G. Tareva — D.Sc. (Education), Professor, Head of the Institute of Foreign Languages, MCU.

Anastasia M. Dorokhova — assistant at the Department of English Studies and Intercultural Communication, a PhD student at the Department of Romance Languages and Linguistic Didactics, MCU.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научная статья

УДК 378.8.091.313.8:069.12

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.10

МУЗЕИ Б. Л. ПАСТЕРНАКА И В. В. МАЯКОВСКОГО: ИЗ ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКИ СТУДЕНТОВ МГПУ

Ладохина Ольга Фоминична¹,Кузуб Юлия Вячеславовна²,Васильев Сергей Анатольевич³

^{1,2,3} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

¹ ladohinaof@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0682-7602>

² bakhmetevayv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5763-8822>

³ vasilevsa@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6985-5002>

Аннотация. В статье представлен опыт проведения учебной социокультурной практики студентов Московского городского педагогического университета (МГПУ) в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)». Цель статьи — познакомить педагогическое сообщество с некоторыми формами проведения практики, показать возможные пути работы школьного учителя в реалиях современного общества.

Социокультурная практика студентов 1-х и 2-х курсов, осваивающих программу бакалавриата «Русский язык, литература», имеет ознакомительный и научно-исследовательский характер. Обучающиеся знакомятся с многоаспектной деятельностью музеев Москвы и ближайшего Подмосковья, получают целостное представление о функционировании и особой роли современных литературных музеев как центров сохранения, изучения и популяризации наследия русской литературы.

Сотрудничество с Домом-музеем Б. Л. Пастернака в Переделкине и Государственным музеем В. В. Маяковского и его филиалами дает возможность студентам познакомиться с важнейшими мемориальными местами, связанными с жизнью и творчеством выдающихся русских поэтов XX века, детально изучить их биографии, историю создания произведений, в том числе не входящих в школьную и вузовскую программы, что значительно расширяет профессиональные компетенции будущих педагогов.

Совместная работа позволяет студентам-практикантам участвовать в формировании музейного пространства, пробовать себя в качестве исследователя, работающего в архивах, а также режиссера и создателя учебного фильма. Среди актуальных форм взаимодействия МГПУ и музеев — анализ сайтов учреждений культуры, посещение выставок, конференций, лекций, участие в тематических пешеходных экскурсиях, работа с редкими печатными изданиями.

Ключевые слова: педагогическое образование, программа «Русский язык, литература», социокультурная практика, музеи, Б. Л. Пастернак, В. В. Маяковский.

Для цитирования: Ладохина, О. Ф., Кузуб, Ю. В., Васильев, С. А. (2024). Музеи Б. Л. Пастернака и В. В. Маяковского: из опыта организации и проведения социокультурной практики студентов МГПУ. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(53), 136–147. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.10>

Original article

UDC 378.8.091.313.8:069.12

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.10

SOCIOCULTURAL FIELD CLASSES IN INSTITUTE OF HUMANITIES: MCU STUDENTS VISITING BORIS L. PASTERNAK AND VLADIMIR V. MAYAKOVSKY MUSEUMS

Olga Ph. Ladokhina¹,**Yulia V. Kuzub**²,**Sergey A. Vasilyev**³^{1,2,3} Moscow City University,
Moscow, Russia,¹ ladokhinaof@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0682-7602>² bakhmetevayv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5763-8822>³ vasilevsa@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6985-5002>

Abstract. FSES for the educational programme 44.03.03 Pedagogical Education (with two profiles of training) offers opportunities for students to have field work. The article presents the experience of educational sociocultural field classes. The study aims at getting the teaching community to know some new forms of field work, showing possible ways of teacher's work against the new reality and meeting the challenges school teachers are facing.

The sociocultural field classes for 1st and 2nd year students working for their Bachelor's degrees with the focus on Russian language and literature are of an introductory and research character. The special feature of the field work lies in it encouraging students to get acquainted with the multidimensional activities Moscow and Moscow region museums conduct. Thus, the students get a holistic view of modern literary museums work, them functioning as centers for preservation, examination and popularization of the Russian literature heritage.

Cooperation with Boris L. Pasternak Museum in Peredelkino and the State Museum of Vladimir V. Mayakovsky and its branches provides students with the chance to visit the most important memorial places connected with the life and creative work of outstanding Russian XX century poets, to study the details of their biography, creative history of their works, including those that are not included in the school or university curriculum, which contributes significantly to future teachers' professional competence.

Teamwork enables students to participate in designing the museum space, to try themselves as researchers working in archives, as well as directors and creators of educational films. Other relevant interaction forms for the city university to engage employ analyzing

the websites of cultural institutions, visiting exhibitions, attending conferences, lectures, participating in thematic walking tours, and working with rare printed publications.

Keywords: pedagogical education, Russian Language and Literature programme, socio-cultural field classes, museums, Boris L. Pasternak, Vladimir V. Mayakovsky.

For citation: Ladokhina, O. Ph., Kuzub, Yu. V., Vasilyev, S. A. (2024). Sociocultural field classes in Institute of Humanities: MCU students visiting Boris L. Pasternak and Vladimir V. Mayakovsky museums. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(53), 136–147. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.10>

Введение

Решение задач современного высшего образования, наряду с сохранением традиционных форм (в частности, успешно развивающейся лекционно-семинарской системы), требует внедрения новых подходов к обучению студентов. Особые возможности для этого дает богатейшая культурная среда мегаполиса — Москвы и ближайшего Подмосковья, расположенные там многочисленные литературные музеи. Знакомство с ними, погружение в совместную учебную и творческую работу способно сыграть исключительно важную роль в профессиональном и личностном становлении будущих учителей-словесников.

В настоящее время музеи «рассматриваются как форма меморизации социокультурного и духовного опыта индивидуума и социума, как места памяти, являющиеся способом самозащиты и самосохранения и наделяемые символическими смыслами» (Литературные музеи России, 2022, с. 7). Сегодня актуален «взгляд на музей как на самовоспроизводящую систему — динамично развивающуюся, вписанную в текст культуры и контекст эпохи, коммуницирующую с другими составляющими музейного мира...» (Там же, с. 8). Современный музей обладает значительным арсеналом средств, рассчитанных на взаимодействие с различными категориями посетителей: «музеи предстают как сложно организованная информационная система и как информационный ресурс...» (Там же).

В Московском городском педагогическом университете (МГПУ) в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом (ФГОС) по направлению 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» (ФГОС 44.03.05, 2018) для студентов Института гуманитарных наук МГПУ, обучающихся на 1-м курсе, в 1-м и во 2-м учебных семестрах по программе «Русский язык, литература» в рамках гуманитарного модуля предусмотрена социокультурная практика. Она имеет ознакомительный (на первом этапе) и научно-исследовательский характер. Ее цели — формирование у обучающихся навыков использования в профессиональной деятельности теоретических знаний о культуре и истории России, национальном своеобразии россиян, месте Москвы и России в мировой

культуре; установление связей социокультурной среды московского мегаполиса с конкретно-историческими аспектами отечественной культуры.

Задачи практики: создать у обучающихся представление об особенностях развития России как государства с многонациональной культурой; раскрыть исторические этапы формирования основных элементов культурной традиции России; углубить знания обучающихся об особенностях формирования историко-культурного наследия в рамках исследования трудов русских общественных деятелей, философов, писателей; сформировать у обучающихся представление о специфике культурно-исторического пространства Москвы; сформировать мотивированное отношение к самостоятельному осмыслению вопросов, связанных с национальным своеобразием отечественной культуры и истории.

В процессе учебной работы студенты приобретают следующие универсальные компетенции: способность осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде; способность воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах.

Основная часть

Дом-музей Б. Л. Пастернака в Переделкине

В департаменте филологии силами преподавателей МГПУ была разработана программа практики «Как читать и понимать литературный музей», ориентированная на сотрудничество с Домом-музеем Б. Л. Пастернака в Переделкине; сформулирован и детально обоснован ряд заданий, связанных со знакомством с научной и просветительской деятельностью музейных работников.

Цель практики — формирование у обучающихся целостного представления о деятельности современных литературных музеев России как о центрах сохранения, изучения и популяризации богатого наследия русской литературы.

Задачи практики: познакомить обучающихся с принципами работы и внутренней организацией литературных музеев; сформировать первичные знания, умения и навыки работы в пространстве музеев с научными архивами и документами; развить навык совместного поиска и исследования материалов в малых рабочих группах; актуализировать навыки целеполагания и построения индивидуального маршрута исследовательской деятельности.

Дом-музей Б. Л. Пастернака в Переделкине — один из самых известных литературных музеев Подмосковья, филиал Государственного литературного музея (Дом-музей Б. Л. Пастернака, 2024). Он был официально открыт в 1990 году в здании, в котором поэт жил с 1939 года до своей смерти (1960 г.). Дом хранит память о людях, имеющих отношение к поэту, интересовавшихся его жизнью и творчеством, друживших с ним, почитающих его память. Поэт Б. А. Ахмадулина писала о Пастернаке и его доме:

По вечерам мне выпадала честь
смотреть на дом и обращать молитву
на дом, на палисадник, на малину —
то имя я не смела произнести.

(Ахмадулина, 2012, с. 114)

Институт гуманитарных наук МГПУ давно и плодотворно сотрудничает с хранителями этого очага русской культуры. Одно из направлений совместной работы — социокультурная практика студентов бакалавриата. Благодаря инициативе и творческим идеям сотрудников Дома-музея Б. Л. Пастернака, преподавателей и студентов МГПУ формы взаимодействия учреждений культуры и образования чрезвычайно разнообразны, что способствует более глубокому вовлечению будущих учителей-словесников в решение широкого круга профессионально значимых задач.

Практика в Доме-музее Б. Л. Пастернака проводится в несколько этапов. Подготовительный этап включает в себя проведение установочной конференции на базе университета, где студентов знакомят с целью и задачами практики, рассказывают о способах проезда к музею, дают необходимые сведения о сотрудниках музея и направлениях работы культурно-просветительского учреждения, а также разъясняют формы будущей отчетности и т. д. Основной этап предполагает посещение студентами литературного музея; работу с печатными изданиями и архивными материалами из фондохранилища; помощь сотрудникам в организации и проведении конференций, круглых столов, творческих встреч; представление фото- и видеоотчетов о тех или иных мероприятиях. Заключительный этап — подготовка отчетной документации и проведение итоговой конференции.

На первом этапе практики студенты должны узнать историю создания Дома-музея Б. Л. Пастернака в Переделкине, для чего они в разных формах обращаются к его сотрудникам, проводят самостоятельную исследовательскую работу. С этой же целью студенты изучают следующие издания: «Летопись жизни и творчества Б. Л. Пастернака» А. Сергеевой-Клятис и Р. Лихт (Летопись жизни и творчества Б. Л. Пастернака, 2022), книги литературоведа С. И. Чупринина «Оттепель. События» (Чупринин, 2022), «Оттепель. Действующие лица» (Чупринин, 2023а), «Оттепель как неповиновение» (Чупринин, 2023б).

Для специального коллективного обсуждения была выбрана монография Е. Михайлик «Незаконная комета. Варлам Шаламов: опыт медленного чтения» (Михайлик, 2018), в которой приведены сведения о дружбе Шаламова с Пастернаком.

Творческие встречи на базе музея дают студентам не только новую информацию, но и ничем не заменимое эмоциональное впечатление от общения с выдающимися людьми и исследователями. Такова, например, была встреча студентов с автором книги «Ариадна Эфрон. Рассказанная жизнь» Е. Б. Коркиной (Коркина, 2022).

Еще одна форма творческого приобщения к литературному наследию великого писателя — участие обучающихся и их руководителя (О. Ф. Ладохиной) в тематическом вечере «Бывают странные сближения...», посвященном дружбе Б. Пастернака и А. Эфрон, организованном и проведенном в Доме-музее Б. Л. Пастернака в Переделкине в 2023 году. После просмотра включенного в программу вечера документального фильма «23 листа личной переписки» искусствоведа И. Н. Протопоповой было принято решение обратиться к работе с документами Российского государственного архива литературы и искусства, результатом чего стали еженедельные публикации найденных и откомментированных материалов в групповом чате.

Благодаря помощи научных сотрудников Дома-музея Б. Л. Пастернака студенты регулярно знакомились с архивными документами, в том числе с экспонатами, которые еще не были публично выставлены для осмотра посетителей.

Важное направление совместной работы, требующее серьезной предварительной подготовки, обращение к прилегающей к дому территории и изучение флоропоэтики Пастернака (Шарафадина, 2018), отраженной в его стихах, прозе и эпистолярном наследии. Писатель был опытным огородником, поэтому обучающиеся МГПУ много лет помогают музейным работникам на грядках. За годы сотрудничества с музеем студенты зафиксировали названия всех растений, которые упоминаются в романе Пастернака «Доктор Живаго» и в его доме-музее. Под руководством профессионального флориста ими был изготовлен гербарий, к которому приложены соответствующие фрагменты из текста романа с комментариями, помогающими лучше понять это знаменитое произведение.

Еще одна интересная идея, реализованная в ходе социокультурной практики студентов МГПУ в Доме-музее Б. Л. Пастернака, — подготовка самиздатской книги по образцу тех, которые пользовались популярностью в 1950–1960-е годы. Примечательно, что роман «Доктор Живаго» — одна из первых таких книг в период хрущевской оттепели. Подобный опыт уже был в музее «Дом Пастернака» в поселке Всеволодо-Вильва Пермского края. Студенты МГПУ сделали несколько экземпляров первой части романа «Доктор Живаго» «Пятичасовый скорый», снабдили копии иллюстрациями и разослали во все музеи Бориса Пастернака.

Каждый год Дом-музей Б. Л. Пастернака предлагает своим посетителям новые экспозиции. Выставки, посвященные работе Пастернака над своими произведениями, дают возможность погрузиться в неповторимый художественный мир писателя, в котором оживают самые обычные предметы, связанные с его эпохой.

Студенты не только изучают содержание музейных проектов, но и принимают участие в их реализации. Например, участвуя в подготовке выставки, посвященной поэме Б. Л. Пастернака «Высокая болезнь» (Пастернак, 1990, т. 1, с. 273–280), они искали и находили соответствующие данной теме цитаты, вместе с сотрудниками музея обустроивали пространство зала.

В рамках социокультурной практики в Переделкине прошло обсуждение книги филолога и мемуариста Л. Г. Сергеевой «Жизнь оказалась длинной» (Сергеева, 2019), в которой детально описаны похороны Пастернака. После нескольких встреч с автором мемуаров родилась идея снять тематический документальный фильм, и он в настоящее время монтируется студентами.

Команда студентов во главе с Н. Потокиным, который в рамках практики создал съемочную группу, продолжает творческую деятельность уже в пространстве других литературных музеев. В архиве команды — фильмы с участием друга И. А. Бродского М. И. Мильчика, известного переводчика В. П. Голышева.

Государственный музей В. В. Маяковского

Социокультурная практика ориентирована на сотрудничество с Государственным музеем В. В. Маяковского (Москва). В программе сформулирован и детально обоснован комплекс практико-ориентированных и творческих заданий для студентов «В. В. Маяковский: вчера, сегодня, навсегда».

Цель практики — создание у обучающихся целостного представления о деятельности современных музеев, театров и иных культурных площадок города Москвы как о центрах сохранения, изучения и популяризации творческого наследия В. В. Маяковского.

Ее задачи: выработать навык самостоятельного отбора актуальных и достоверных материалов для исследования/проекта в рамках социокультурной практики; сформировать у обучающихся мотивацию к самостоятельному осмыслению биографии и творчества В. В. Маяковского; развить способность сопоставления офлайн- и онлайн-пространств современного музея; развить умение совместного поиска и изучения материалов в малых группах.

Практика включает в себя четыре этапа:

1. *Вводный.* Установочная конференция.
2. *Основной.* Посещение двух площадок Государственного музея В. В. Маяковского («Квартира на Большой Пресне» и «Квартира в Студенечком переулке»), а также иных столичных учреждений культуры. Студенты получают задание сравнить официальный сайт музея (Государственный музей В. В. Маяковского, 2024) с реальными выставочными пространствами. Они анализируют афиши предстоящих мероприятий, посещают виртуальные выставки и т. д.
3. *Промежуточный.* Обсуждение промежуточных результатов практики; предоставление научному руководителю от университета фото- и видеоматериалов.
4. *Заключительный.* Подготовка отчетной документации, выступление на итоговой конференции.

Основное задание предполагает проведение обучающимися социокультурных исследований на темы: «Семья В. В. Маяковского» и «В. В. Маяковский в Америке».

В мемориальной квартире в Студенецком переулке студенты готовят характеристику экспонатов, связанных со временем пребывания семьи Маяковских в Грузии: миниатюры дома в селе Багдади, фотографий и картин, ковров и мебели, воссозданных по эскизам отца поэта, В. К. Маяковского. Сотрудниками мемориальной квартиры ежемесячно читаются лекции о жизни и творчестве В. В. Маяковского и его современников, на базе музея работают дискуссионные клубы, а также проводятся временные выставки, в частности «О, жизнь, хитрее старых библиотек. Давид Бурлюк и Владимир Маяковский».

На площадке «Квартира на Большой Пресне» студенты читают отрывки стихотворений из цикла «Стихи об Америке» (Маяковский, 1955–1961, т. 7, с. 7–95), получают возможность увидеть предметы, хранящие память о недолгом пребывании поэта в Соединенных Штатах (портреты Элли Джонс работы В. Маяковского и Д. Бурлюка, фотографии и личные вещи американской возлюбленной Маяковского). Музей позволяет практикантам познакомиться с научными изданиями (Дувакин, 2018), подготовленными как отечественными (Катанян, 1985), так и зарубежными исследователями (Янгфельдт, 2016), новейшими публикациями произведений писателя (Маяковский, 2013 – н. в.).

Параллельно с выполнением основного задания обучающиеся, разделившись на малые группы, участвуют в реализации социокультурного проекта «В. В. Маяковский в театре и кино». Он предполагает посещение спектакля «Маяковский идет за сахаром», действие которого разворачивается на Малой сцене Московского академического театра им. Вл. Маяковского, а также знакомство с иными постановками, посвященными биографии и творчеству поэта.

Импровизированный киноклуб дает возможность просмотра и обсуждения сохранившегося кинофильма с участием Маяковского «Барышня и хулиган», отрывка из к/ф «Закованная фильмой», а также документальных, художественных и мультипликационных фильмов о жизни и творчестве поэта, например «ВМаяковский» и др. Студентам предлагается создать видеоролик/ видеопрезентацию, раскрывающие собственное восприятие творческого наследия поэта.

Ушедший 2023 год был для В. В. Маяковского юбилейным, что открыло дополнительные возможности для проведения социокультурной практики, нацеленной на изучение и популяризацию творческого наследия поэта. В музейном центре «Зубовский, 15» открылся юбилейный выставочный проект «О разных Маяковских» (Выставка «О разных Маяковских», 2023), концепция которого позволила по-новому, современно представить жизнь и творчество великого писателя. В сентябре 2023 года в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН прошла Международная научная конференция «Маяковский 2023. К 130-летию поэта», заседания которой предусматривали

смешанный формат, что дало возможность существенно расширить круг ее участников и гостей, включая студентов-филологов.

Формы отчетности обучающихся (текущий контроль, промежуточная аттестация) варьируются в зависимости от выбранных видов работ: отзыв о спектакле/выставке или ином мероприятии, представление в виде презентации, видеоролика или иных форм визуальной презентации собранного материала (страница в соцсетях / сайт/подкаст/аудиогид); выступление с докладом/сообщением / чтением стихов на мероприятиях, посвященных изучению и популяризации творчества В. В. Маяковского, проводимых на базе Института гуманитарных наук МГПУ или иных площадках; а также итоговый отчет.

Заключение

За время проведения социокультурных практик департаментом филологии накоплен значительный опыт по взаимодействию МГПУ с рядом учреждений культуры, в частности с Домом-музеем Б. Л. Пастернака и Государственным музеем В. В. Маяковского и двух его филиалов.

Сотрудничество в рамках социокультурной практики и в свободном формате с Домом-музеем Б. Л. Пастернака предусматривает разнообразные виды деятельности. Среди них особенно интересно знакомство с музеем и его фондами; совместная работа по созданию новых выставок; обсуждение книг о биографии и творчестве писателя, его эпохе; организация и проведение тематических вечеров, встреч с исследователями произведений Пастернака; создание видеофильмов, ориентированного на роман «Доктор Живаго» гербария и др.

Взаимодействие с Государственным музеем В. В. Маяковского позволило студентам Института гуманитарных наук МГПУ посетить места, связанные жизнью и творчеством поэта, причем акцент был сделан на двух мемориальных квартирах: на Большой Пресне и в Студенецком переулке, как правило, не известных широкому читателю. Подробное знакомство с содержательным сайтом музея дало возможность соотнести реальное и виртуальное пространства учреждения культуры, а также изучить современные формы работы музея с посетителями. Благодаря заданиям проектного типа обучающиеся смогли в полной мере проявить свои исследовательские и иные творческие способности.

Такая содержательная и интенсивная работа с будущими учителями-словесниками в пространстве музея, живой интерес обучающихся к сотрудничеству со специалистами-музейщиками, исследователями жизни и литературного наследия писателей, инициированные и реализованные совместно с музеями преподавателями и студентами МГПУ творческие проекты свидетельствуют о верности концепции социокультурной практики. По ее завершении умение студентов «читать и понимать» литературный музей, видеть в нем центр изучения и популяризации творчества писателя выходит на качественно более высокий уровень, что способствует их профессиональному и личностному становлению, формирует и упрочивает необходимые компетенции.

Список источников

1. Ахмадулина, Б. А. (2012). *«Друзей моих прекрасные черты...». Стихотворения и поэмы. Дневник.* Эксмо.
2. Выставка «О разных Маяковских». (2024, 14 января). <https://muzeimayakovskogo.ru/events/exhibitions/3190/>
3. Государственный музей В. В. Маяковского. (2024, 14 января). <https://muzeimayakovskogo.ru>
4. Дом-музей Б. Л. Пастернака. (2024, 14 января). <https://www.goslitmuz.ru/museums/dom-muzeu-b-l-pasternaka/>
5. Дувакин, В. Д. (2018). *Беседы с Евгенией Ланг. Воспоминания о Маяковском и футуристах.* Common place: Устная история.
6. Катанян, В. А. (1985). *Маяковский: Хроника жизни и деятельности.* Советский писатель.
7. Коркина, Е. Б. (2022). *Ариадна Эфрон. Рассказанная жизнь.* Бослен.
8. *Летопись жизни и творчества Б. Л. Пастернака:* в 3 т. Т. 1. (2022). Инфинитив: Лингвистика: Бослен.
9. *Литературные музеи России.* Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. (2022). ГМИРЛИ им. В. И. Даля.
10. Маяковский, В. В. (2013 – н. в.). *Полное собрание произведений:* в 20 т. Наука.
11. Маяковский, В. В. (1955–1961). *Полное собрание сочинений:* в 13 т. Государственное издательство художественной литературы.
12. Михайлик, Е. (2018). *Незаконная комета. Варлам Шаламов: опыт медленного чтения.* Новое литературное обозрение.
13. Пастернак, Б. Л. (1990). *Собрание сочинений:* в 5 т. Художественная литература.
14. Сергеева, Л. Г. (2019). *Жизнь оказалась длинной.* АСТ. Редакция Елены Шубиной.
15. *ФГОС 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки).* (2018). (2024, 14 января). <https://fgos.ru/fgos/fgos-44-03-05-pedagogicheskoe-obrazovanie-s-dvumya-profiljami-podgotovki-125>
16. Чупринин, С. И. (2023а). *Оттепель. Действующие лица.* Новое литературное обозрение.
17. Чупринин, С. И. (2023б). *Оттепель как неповиновение.* Новое литературное обозрение.
18. Чупринин, С. И. (2022). *Оттепель. События. Март 1953 – август 1968 года.* Новое литературное обозрение.
19. Шарафадина, К. И. (2018). *«Селам, откройся!» Флоропэтика в образном языке русской и зарубежной литературы.* Нестор-История.
20. Янгфельдт, Б. (2016). *Ставка — жизнь. Владимир Маяковский и его круг.* АСТ: Corpus.

References

1. Akhmadulina, B. A. (2012). *My Friends' Beautiful Features. Poems. Diaries.* Eksmo. (In Russ.).
2. *Exhibition About the Different Mayakovskys.* (2024, January 14). <https://muzeimayakovskogo.ru/events/exhibitions/3190> (In Russ.).
3. *The State Museum of V. V. Mayakovsky.* (2024, January 14). <https://muzeimayakovskogo.ru/> (In Russ.).

4. Boris L. Pasternak Museum. (2024, January 14). <https://www.goslitmuz.ru/museums/dom-muzey-b-l-pasternaka/> (In Russ.).
5. Duvakin, V. D. (2018). *Conversations with Eugenia Lang. Memories of Mayakovsky and the Futurists*. Common Place Publ. (In Russ.).
6. Katanyan, V. A. (1985). *Mayakovsky: Chronicle of life and activity*. Sovetskij Pisatel'. (In Russ.).
7. Korkina, E. B. (2022). *Ariadna Efron. A Life Told*. Boslen. (In Russ.).
8. *Chronicle of the Life and Work of B. L. Pasternak*: in 3 vols. Vol. 1. (2022). Informativ, Lingvistika, Boslen. (In Russ.).
9. *Literature Museums of Russia*. Encyclopedia: in 2 vols. Vol. 1. (2022). GMIRLI Imeni V. I. Dalya. (In Russ.).
10. Mayakovsky, V. V. (2013 – present). *Complete Works*: in 20 vols. Nauka. (In Russ.).
11. Mayakovsky, V. V. (1955–1961). *Complete Works*: in 13 vols. Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoj literatury. (In Russ.).
12. Mikhailik, E. (2018). *Illegal comet. Varlam Shalamov: the experience of slow reading*. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.).
13. Pasternak, B. L. (1990). *Collected Works*: in 5 vols. Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
14. Sergeeva, L. G. (2019). *Life Turned out to be Long*. AST: Red. Elena Shubina. (In Russ.).
15. *FSES 44.03.05 Pedagogical education (with two training profiles)*. (2018). (2024, January 14). <https://fgos.ru/fgos/fgos-44-03-05-pedagogicheskoe-obrazovanie-s-dvumya-profilami-podgotovki-125> (In Russ.).
16. Chuprinin, S. I. (2023a) *The khrushchev thaw. Dramatis personae*. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.).
17. Chuprinin, S. I. (2023b). *The khrushchev thaw as disobedience*. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.).
18. Chuprinin, S. I. (2022). *The khrushchev thaw. Events*. March 1953 – August 1968. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.).
19. Sharafadina, K. I. (2018). «Open Selam!» *Floropoetics in the Figurative Language of Russian and Foreign Literature*. Nestor-Istoriya. (In Russ.).
20. Jangfeldt, B. (2016). *A Biografy*. AST: Corpus. (In Russ.).

Информация об авторах

Ольга Фоминична Ладохина — кандидат филологических наук, доцент департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Юлия Вячеславовна Кузуб — аспирантка департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Сергей Анатольевич Васильев — доктор филологических наук, профессор, профессор департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the authors

Olga Ph. Ladokhina — PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Yulia V. Kuzub — Postgraduate Student of the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Sergey A. Vasilyev — Doctor of Philology, Full Professor, Professor of the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Вклад авторов

Ольга Фоминична Ладохина — разработка концепции исследования; сбор, анализ, обработка материала по проведению социокультурной практики в Доме-музее Б. Л. Пастернака.

Юлия Вячеславовна Кузуб — сбор, анализ, обработка материала по проведению социокультурной практики в музее-квартире В. В. Маяковского.

Сергей Анатольевич Васильев — разработка концепции исследования; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors

Olga Ph. Ladokhina — research concept; collecting, analysing, processing the material of the sociocultural field classes at Boris L. Pasternak Museum.

Yulia V. Kuzub — collecting, analysing, processing the material of the sociocultural field classes at Vladimir Mayakovsky Museum.

Sergey A. Vasilyev — research concept; text revision; final conclusions.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interest.

Научная статья

УДК 378.016:811.133.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.11

МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СПЕЦИАЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ АРХИТЕКТУРНЫХ ВУЗОВ

Черкашина Елена Ивановна

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

Cherkashinaei@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3665-2807>

Аннотация. Рассматриваемая в статье проблема повышения эффективности обучения иностранному языку специальности в техническом вузе не потеряла своей актуальности, несмотря на требования федерального государственного образовательного стандарта к подготовке будущих инженеров, архитекторов, IT-специалистов. Поставленная задача — владение иностранным языком (ИЯ) профессиональной сферы деятельности — остается нерешенной. Изучение иностранного языка специальности фокусируется на знании терминологии, навыках обработки информации по профилю подготовки, умению выступать с докладом и презентацией, подготовке публикации. Однако на производстве, где требуется выполнять трудовые функции на ИЯ, полученные навыки и умения востребованы реже. Выпускник технического вуза сталкивается с реальной проблемой владения иностранным языком специальности. Инновационным решением данной проблемы является предложенная автором модель лингвообразовательного процесса, включающая в себя алгоритм обучения ИЯ специальности студентов архитектурного факультета. Данная модель была разработана с использованием метода анкетирования, который позволил определить тип языковой личности обучающихся, их трудности в овладении ИЯ; метода моделирования; эксперимента. Модель лингвообразовательного процесса основывается на результатах исследований функциональной асимметрии мозга, знаниях нейробиологии и дифференциальной психофизиологии. Разработанная автором модель обучения ИЯ специальности учитывает профиль латеральной организации мозга обучающихся инженерных специальностей, соответствует их профессиональному мышлению и профессиональному сознанию, способствует развитию коммуникативных навыков в сфере производства.

Ключевые слова: лингвообразовательный процесс, иностранный язык специальности, модель, профессиональное мышление, профиль латеральной организации мозга, архитектурный вуз.

Для цитирования: Черкашина, Е. И. (2024). Модель обучения иностранному языку специальности студентов архитектурных вузов. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(53), 148–160. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.11>

Original article

UDC 378.016:811.133.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.11

TEACHING LSP TO ARCHITECTURE STUDENTS

Elena I. CherkashinaMoscow City University,
Moscow, Russia,Cherkashinaei@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3665-2807>

Abstract. The article regards the issue of teaching language for specific purposes (LSP) in a technical university. The problem under study remains relevant regardless of the State Education Standard requirements for training future engineers, architects, IT experts. The top priority task which is a proper command of LSP is still unresolved. LSP teachers tend to focus on terminology, relevant information processing, presentation and performing skills, scientific manuscript preparation. Nevertheless, the skills acquired appear less beneficial for the field work which finds practical language skills essential. Thus, LSP proficiency becomes challenging for a technical university graduate. In this regard, the FL teaching model described in the article comes as an innovative approach to tackling the issue with architecture students. The model design implied questionnaires that revealed students' language personality types later to address their weaknesses in studying foreign languages as well as such methods as modeling and carrying out experiments. FL teaching model relies on findings in functional brain asymmetry research, neuropsychology and differential psychophysiology. The model presented accounts for engineering students' later brain organization profile which coincides with their professional mindset and the way of thinking as well as contributes to their professional communication skills.

Keywords: FL teaching process, FSP, model, professional mindset, functional brain asymmetry research, architecture university.

For citation: Cherkashina, E. I. (2024). Teaching LSP to architecture students. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(53), 148–160. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.11>

Введение

Скорость изменения предметного мира и включение инноваций в жизнь человека ведет к быстрому старению знаний. Становятся неактуальными привычные формы и методы, приемы трудовой деятельности. Отечественные ученые в конце XX века говорили о радикальных преобразованиях в системе образования (Зинченко, Моргунов, 1994), указывая на развитие визуального мышления, необходимого для создания новых образов, новых визуальных форм. Авторы писали об образном или визуальном мышлении как «средстве формирования замысла, идеи, гипотезы,

схемы перехода к новому образу» (Зинченко, Моргунов, 1994, с. 233). Сегодня мы наблюдаем, как высказанные идеи реализуются в постглобализирующемся мире, в цифровизации всех сфер человеческой жизни, включая образование. На данном этапе ученые особое внимание уделяют концепции LLL (Lifelong learning), определяя ее как открытый образовательный континуум, связанный с социо-, межкультурным и поликультурным развитием личности на уровне неформального языкового образования (Tareva, Razumovskaya, Guile, 2022, p. 83).

Для нашего исследования значимо мнение известного социолога Д. Пинка (Daniel H. Pink), который писал о грандиозном перевороте в XXI веке, основанием которого будет *иной тип мышления* и иной подход к жизни. Д. Пинк подчеркивает, что в изменчивой среде человечество будет использовать возможности правого полушария мозга, а именно «умение улавливать закономерности и возможные варианты, умение комбинировать несвязанные на первый взгляд понятия в нечто новое» (Пинк, 2014, с. 11). Отметим, что общество XX века максимально использовало левое полушарие в образовании, технологических процессах, бизнесе и экономике.

Для решения актуальной проблемы повышения эффективности обучения ИЯ будущих архитекторов выдвигается гипотеза о необходимости междисциплинарного подхода к моделированию лингвообразовательного процесса. Научная новизна работы обусловливается тем, что обучение ИЯ специальности (французскому языку) рассматривается с позиций теории межполушарной асимметрии мозга. Отметим, что основные углубленные исследования нейробиологии, дифференциальной психофизиологии пришлось на период 70–80-х годов XX века. Ученые активно изучали структуру мыслительной деятельности представителей разных профессий. Было выделено техническое мышление инженера-конструктора на основе предположения о том, что «само своеобразие производственно-технического труда вызывает преимущественное развитие определенных сторон мышления. Иными словами, особенности многих технических объектов и задач, само оперирование производственно-техническим материалом придают мышлению специфический характер» (Кудрявцев, 1975, с. 4). Последующие углубленные исследования профессионального сознания позволили определить политехническое мышление специалистов точных наук (Решетова, 1985), а также проектное мышление архитекторов (Нечаев, 1988).

Отметим, что первыми в вопросах обучения иностранному языку специальности были французские лингводидакты. Автор технологии обучения языку для специальных целей (ЯСЦ) Ж.-М. Манжьянте создал концепцию обучения ЯСЦ, разграничил термины «язык специальности» и «ЯСЦ» (Mangiante, 2019; Mangiante, Desroches 2014). Его коллеги разработали структуру учебных курсов по ЯСЦ (Mourlhon-Dallies, 2017).

Применение знаний лингвоперсонологии при обучении будущих архитекторов французскому языку специальности позволило нам смоделировать

процесс обучения ИЯ для этого профиля подготовки. Моделирование лингвообразовательного процесса для архитекторов основывается на характеристиках правополушарного мышления обучающихся. Наш опыт преподавания французского языка специальности показал, что студенты архитектурного вуза придают особую значимость функциям языковых элементов и лексических единиц изучаемого языка. Согласно предложенной модели разработан алгоритм овладения ИЯ специальности, который включает в себя строевые элементы, пошаговую инструкцию для выполнения заданий, продуцирование высказывания на ИЯ. Данный алгоритм учитывает профессиональное мышление архитектора, его профессиональное сознание для реализации проекта, начиная с замысла. Опираясь на структуру мыслительной деятельности профессии архитектора, лингвообразовательный процесс позволяет обучающимся развивать речевые навыки профессионального общения, продуцировать высказывания, вести профессиональный диалог.

Методология исследования

Изучая психофизиологические характеристики студентов неязыкового/технического вуза, мы неоднократно описывали характерные черты языковой личности обучающихся, их профиль латеральной организации мозга, что позволило смоделировать лингвообразовательный процесс в технических вузах (Черкашина, 2017). Моделирование данного процесса базируется на интеграции лингводидактики и лингвоперсонологии в рамках личностно ориентированного обучения.

В работах ученых, исследовавших структуру мыслительной деятельности представителей разных профессий, делается вывод о связи профессионального мышления специалистов и их профессионального сознания.

В данной работе важны результаты, полученные российским психологом Н. Н. Нечаевым об особом устойчивом характере сознания архитекторов. Ученый отмечал, что важнейшей психологической чертой профессионального мастерства архитектора является специфическая образность его мышления, особое качество пространственного видения действительности. Автор определяет профессиональное сознание как «предметно специализированные и профессионально развитые способы умственной деятельности и системы профессионально-личностных установок, которые выступают в качестве базисных психологических компонентов в структуре осваиваемой профессиональной деятельности» (Нечаев, 1988, с. 32). Лишь в 20-х годах XXI века авторы коллективной монографии «Архитектура и психология», рассматривая вопросы восприятия архитектурной формы и психологии архитектурной формы, представляют системный анализ взаимодействия архитектуры и психологии (Степанов, Иванова, и Нечаев, 2023).

В свою очередь, изучение профессии архитектора в структуре профессиональной деятельности выявило ее соотнесенность с типом «человек – художественный образ», где определяющим является «создание в контексте аналога или творческого авторского замысла пространственного архитектурного (художественного) объекта» (Пак, Беседина, 2015, с. 170). Ученые указывают на прямую связь деятельности архитектора с «образом мышления и устремленностью к творчеству, наличием художественных способностей, развитого пространственно-зрительного восприятия, наглядно-образного мышления, творческого воображения, автономности и гибкости проектирования, устремленности к оригинальности и нестандартности решения, проявления творческой интуиции и т. д.» (Данченко, 2014).

Данные характеристики нейрофизиологи соотносят с работой правого полушария мозга, его доминирующих функций при решении профессиональных задач. Способность к одномоментному запечатлению сложного образа свидетельствует о большом потенциале правого полушария, гибкости/пластичности мозговых процессов человека. Пластичность мозга архитектора проявляется в умении сочетать знания в разных областях, что указывает «на характер и специфику профессионально-творческого мышления обучающихся, которая соединяет в себе как единое целое инженерный расчет, философскую мысль и интуицию художника» (Закс, 1990).

Анализ теоретических трудов отечественных ученых показал, что подготовка будущего архитектора должна опираться на особенности мышления обучающихся, на их развитое пространственно-зрительное восприятие, умение преобразовывать существующие способы деятельности.

Нами предложен алгоритм, который включает в себя следующие этапы:

- языковая система как широкий выбор строевых элементов, строевых в значении деталей, конструкций, необходимых для построения высказывания;
- наличие пошаговой инструкции для выполнения заданий вместо привычных правил употребления грамматических явлений;
- продуцирование высказывания на ИЯ.

Задания в форме инструкции, следование алгоритму заметно облегчают овладение ИЯ и ускоряют процесс последующего использования языковых явлений в речи на иностранном языке.

Переходя к выбору строевых элементов немецкого языка, обратимся к исследованию известного методиста Г. В. Перфиловой (Перфилова, 1977). В своей диссертации ученый не обращается конкретно к работе полушарий головного мозга, однако отбор незначительных частей речи немецкого языка как строевых слов опирается на функции левого полушария обучающихся. Так как строевые элементы «отличаются от общей массы лексических единиц своими функциональными свойствами, являясь в той или иной степени грамматически ориентированными» (Перфилова, 1977, с. 55).

Автор приводит в качестве примера употребление глаголов немецкого языка, при изучении которых преподаватель ИЯ объясняет правила образования глагольных форм, их употребление в высказывании как отдельных грамматических форм. Ведущие ученые в сфере профессионального образования Е. Г. Тарева и Б. В. Тарев подчеркивают особенности методического сознания преподавателя иностранного языка в контексте инженерного образования. Авторы констатируют «преимущественно консервативный (жесткий) системно-структурный (лингвистический) подход педагогов к иноязычному образованию, недостаточное понимание интегративных связей между учебным предметом и языковым содержанием» (Tareva, Tarev, 2023, p. 83).

В немецком языке глагол *sein* (быть) предьявляется обучающимся при описании форм прошедшего времени, пассивных конструкций, модальных глаголов, сослагательного наклонения. Очевидно, что для студентов данного профиля подготовки формы вспомогательного глагола предстают как «отдельные разрозненные сведения о функциях одного и того же слова» (Перфилова, 1977, с. 130). Результаты исследований Г. В. Перфиловой дают основание утверждать, что обучающиеся этой категории имеют свой, особый взгляд на систему изучаемого языка, сразу вычлняют повторяющиеся элементы языковой системы и интересуются функциями этих элементов в каждом отдельном случае (Профессиональное образование: модернизационные аспекты, 2014, с. 230–265).

Отмечаем, что авторы французской грамматики Э. Берарт и К. Лавенн (E. Berart; C. Lavenne) также высказывают идею о дифференцированном подходе к изучению элементов языковой системы. Исследователи, работающие в Центре прикладной лингвистики (Centre de linguistique appliquee de Besançon, Безансон, Франция), дали говорящее название своему учебнику «Способы употребления. Полезная грамматика французского языка» (Mode d'emploi. Grammaire utile du français). Авторы предлагают изучать грамматические темы, следуя функциональному подходу. Основные грамматические разделы сопровождаются очень кратким описанием грамматических явлений и правилами их употребления. Многочисленные таблицы по ключевым правилам грамматики французского языка соответствуют техническому, проектному мышлению будущих архитекторов.

Так, при изучении глаголов *avoir* (иметь) и *être* (быть) авторы рекомендуют опираться на их функции. Акцент делается на использовании глагольных форм, особенности спряжения являются вторичными. В таблице «Функционирование глагола *avoir*» акцент ставится на использовании данного глагола «A quoi ça sert?» («Как это использовать?»). В таблице 1, приведенной ниже, обучающимся предлагается обращаться к глаголу *avoir* при описании своего возраста, семейного положения, физических и эмоциональных ощущений, владения предметами (Berart, Lavenne, 2004, p. 13):

Таблица 1 / Table 1

Функционирование глагола *avoir*
The verb *avoir* in its use

Le verbe <i>avoir</i> sert à :	Exemples
Donner des informations sur soi-meme ou sur une autre personne (âge, situation de famille etc.)	J'ai 20 ans. J'ai 3 enfants
Dire ce que l'on possède	J'ai une voiture. J'ai le portable
A donner des informations sur sa situation physique, psychologique	J'ai froid. J'ai chaud. J'ai faim. J'ai peur
<i>Froid, chaud</i> etc. Peuvent être aussi des adjectifs, mais avec le verbe <i>avoir</i> , ces mots sont utilisés exclusivement sous leur forme masculin singulier	Il a froid. Elle a froid
A former le <i>Passé composé</i>	J'ai téléphoné. Il a fait

Само название таблиц «Как это использовать?» акцентирует внимание обучающихся на функциях данного глагола в высказываниях. Это один из самых употребимых глаголов французского языка, который входит в состав устойчивых выражений и широко применяется при образовании сложных форм прошедшего времени (*Passé composé, Plus-que-parfait, Conditionnel passé*). В таблице 1 нами была добавлена последняя строка с формами глагола *avoir* при образовании сложного прошедшего времени *Passé composé*, чтобы обучающиеся, встретив такую форму глагола *avoir*, смогли определить ее функцию в высказывании.

В таблице 2 «Функционирование глагола *être*» авторы грамматики указали все возможные функции употребления глагола *être* (быть) для представления информации о своей национальности, социальной принадлежности, семейном положении, местонахождении; для образования сложного прошедшего времени глаголов архаичного спряжения и пассивного залога (Там же).

Таблица 2 / Table 2

Функционирование глагола *être*
The verb *être* in its use

Le verbe <i>être</i> sert à :	Exemples
Donner des informations sur soi-meme	Je <i>suis</i> français. Nationalité Je <i>suis</i> étudiante. Profession Je <i>suis</i> marié. Situation de famille
Dire où on se trouve, d'où l'on vient, d'où l'on est originaire	Je <i>suis</i> à Paris. Je <i>suis</i> ici. Je <i>suis</i> de Lyon

Le verbe être sert à :	Exemples
Dire dans quelle situation on se trouve	Je <i>suis</i> en vacances
Dire dans quel état physique, psychologique on se trouve	Je <i>suis</i> malade. Je <i>suis</i> fatigué. Je <i>suis</i> en colère
Former le passé composé de certains verbes	Je <i>suis</i> arrivé ce matin. Je me <i>suis</i> dépêché
Le passif	Je <i>suis</i> gêné par le bruit

Следует подчеркнуть, что форма 1-го лица единственного числа настоящего времени индикатива данного глагола орфографически и фонетически совпадает с формой глагола *être*: «*je suis cette direction*» (я иду в этом направлении). В этой связи следует добавить в таблицу отдельной строкой глагол *suivre* (следовать).

Результаты обучения показали, что предъявляемая в таком формате грамматика французского языка позволяет снять первичные трудности овладения глагольной системой у будущих архитекторов.

Однако основная проблема заключается в способе подачи учебного материала преподавателем ИЯ и восприятием учебного материала студентами архитектурных, инженерных специальностей. Индивидуальный профиль латеральности мозга обучающихся влияет «...на стиль переработки информации: вербально-логической (“левополушарный тип”) и зрительно-пространственный (“правополушарный тип”)» (Москвин, Москвина, 2011, с. 293). В свою очередь, зарубежные ученые, исследуя возможности проактивного мышления, экспериментально доказали, что оно согласуется с более широкими взглядами на выполнение фундаментальных задач (Benson-Greenwald, Diekman, 2022). Это подтверждает нашу гипотезу о значимости межполушарной асимметрии мозга, нашедшую отражение в разработанной нами модели лингвообразовательного процесса для архитекторов.

Результаты

Для моделирования лингвообразовательного процесса обучающихся архитектурных университетов и факультетов принимался во внимание тот факт, что студенты этого профиля подготовки в основном являются представителями равнополушарного типа мышления (Черкашина, 2015). Исследователями психофизиологических основ дифференцированного обучения были получены данные, что «оба полушария мозга относительно равномерно и синхронно участвуют в выборе стратегий мышления для решения профессиональных задач» (Сиротюк, 2003). Опыт преподавания французского языка специальности показал, что возможности равнополушарного типа мышления будущих

архитекторов облегчают процесс овладения ИЯ. Преподаватель ИЯ выступает как фасилитатор, учитывающий особенности их профиля латеральной организации мозга, и организует учебный процесс в матрице профессионального проектного мышления обучающихся. Условия равноправного взаимодействия правого и левого полушарий были заложены в основу модели лингвообразовательного процесса.

Модель основывается на проектном мышлении архитектора, отражающего реализацию архитектурного проекта. Благодаря развитому пространственно-зрительному восприятию и наглядно-образному мышлению возникает *замысел* будущего проекта. Далее необходимы этапы проектирования и, как результат, *реализация в виде макета*, передающего в деталях замысел автора. Предлагаем формулировать учебные задания по изучаемым темам, следуя этому алгоритму. Приведем пример обучения грамматике. Изучая глагольную систему (спряжение, времена, наклонения), предъявляем обучающимся новое грамматическое явление для ознакомления с его функциями, со способом употребления в высказываниях. Студенты изучают спряжение глаголов, но для них эти глагольные формы служат строевыми элементами, кирпичиками будущего высказывания. Далее четко обозначаем цель — как это явление будет использоваться в устной и письменной коммуникации. Тем самым от замысла мы переходим к этапу проектирования. Для этого необходим языковой материал как ресурс для реализации проекта:

- лексические единицы (термины);
- синтаксические модели, в рамках которых будут задействованы изучаемые грамматические структуры;
- план/схема будущего высказывания.

Таким образом, обучающиеся имеют проект и необходимые ресурсы для его реализации. Они продуцируют речевой продукт, который выступает результатом их иноязычной деятельности в рамках профессиональной коммуникации.

В процессе обучения преподаватель ИЯ может дифференцированно использовать возможности обоих полушарий архитекторов. Так, при изучении грамматической системы (времена, наклонения и т. д.) следует опираться на возможности левополушарного мышления, ответственного за аналитическую стратегию, а также за выявление существенных признаков и отношений. Поочередное взаимодействие левого и правого полушарий будущих архитекторов позволяет использовать это для разных задач обучения ИЯ. Преподаватель ИЯ может начать изучение глагольной системы времен и наклонений во французском языке, используя матрицу с бинарной оппозицией, согласно модели лингвообразовательного процесса для студентов инженерных специальностей (Черкашина, 2016). Предъявление глагольной системы времен и наклонений французского глагола основывается на использовании функций левого полушария обучающихся. Однако освоение глагольной системы

и употребление в речи грамматических явлений следует организовать по модели лингвообразовательного процесса для студентов архитектурных вузов.

При изучении лексической системы следует активизировать функции правого полушария мозга, которое оперирует исключительно образами, ориентируется на стоящие за словами денотаты, образы, создает многозначный контекст, в рамках которого функционирует языковая система. Возможности правого полушария архитекторов следует использовать, когда информация сложна, внутренне противоречива и не может быть сведена к однозначному контексту. Формирование лексических навыков и речевых умений у архитекторов протекает эффективно с точки зрения энергозатрат обучающихся. Это связано с тем, что люди творческих профессий, таких как художник, архитектор, дизайнер, осуществляют творческий процесс с меньшими психофизиологическими затратами, при относительно невысоком уровне дополнительной активации мозга.

По нашим наблюдениям, функции равнополушарного мышления архитекторов позволяют им вырабатывать наибольшее число вариантов решения проблемы, как в рамках проектирования, так и при овладении языковой системой изучаемого языка во всем ее многообразии.

Заключение

Представленное в статье исследование базируется на данных смежных наук, таких как нейропсихология, лингвоперсонология, и имеет междисциплинарный характер. Для решения актуальной проблемы обучения ИЯ в техническом вузе выдвигается идея о необходимости опоры лингвообразовательного процесса на специфику мыслительной деятельности представителей разных профессий. Разработанная автором модель обучения ИЯ специальности адаптирована под особенности мышления представителей конкретного профессионального сообщества. В модели языковой подготовки будущих архитекторов представлен авторский способ учета доминирующего типа мышления (равнополушарного), которое позволяет им вырабатывать наибольшее число вариантов решения проблемы, как в рамках проектирования, так и при овладении языковой системой ИЯ во всем ее многообразии. Предложенная нами модель включает в себя алгоритм обучения ИЯ специальности студентов архитектурного факультета, ориентированный на изучение строевых элементов изучаемого ИЯ, необходимых для реализации замысла проекта. Проектом в данном случае является овладение языковым явлением ИЯ для построения высказывания. Изучение языкового материала структурировано в системе координат обучающегося, а именно поочередного взаимодействия левого и правого полушарий и профессионального, проектного мышления.

Теоретическая значимость состоит в приращении научного знания в области непрерывного образования; в демонстрации практического воплощения

ведущей идеи работы в процесс обучения ИЯ студентов инженерных специальностей.

Возможность применения разработанной модели для обучения ИЯ не только архитекторов, но и конструкторов, инженеров, проектировщиков составляет практическую значимость исследования. Обучение будущих архитекторов ИЯ специальности по предложенной модели лингвообразовательного процесса активизирует зоны правого полушария и влияет на поиск нестандартных решений архитектурных проблем.

Список источников

1. Зинченко, В. П., & Моргунов, Е. Б. (1994). *Человек развивающийся: очерки российской психологии*. Прогресс.
2. Tareva, E., Razumovskaya, V., & Guile, D. (2022). Post-knowledge economy and lifelong language learning: new agendas and issues. *Adult English Language Teaching. Transformation through Lifelong Learning*, 1–24. https://doi.org/10.1007/978-3-030-98566-0_1
3. Пинк, Д. (2014). *Новый мозг. Почему правое полушарие будет править миром?* РИПОЛ классик.
4. Кудрявцев, Т. В. (1975). *Психология технического мышления*. Педагогика.
5. Решетова, З. А. (1985). *Психологические основы профессионального обучения*. МГУ.
6. Нечаев, Н. Н. (1988). *Психолого-педагогические основы формирования профессиональной деятельности*. МГУ.
7. Mangiante, J.-M. (2019). Pratiques pédagogiques et interactions en classes de FOS: apports et limites de l'organisation spatiale, de la localisation professionnelle et des conditions matérielles spécifiques. *Points Communs — Recherche en didactique des langues sur objectif(s) spécifique(s)*, 47/5, 132.
8. Mangiante, J.-M., & Desroches, F. (2014). Le FOS, un exemple de recherche-action en didactique du FLE. *Le Français dans le monde*, 391, 52–53.
9. Mourlhon-Dallies, F. (2017). De l'agréable à l'utile: quand les spécialistes stimulent l'apprentissage du français. *Le Français dans le monde*, 409, 28–29.
10. Черкашина, Е. И. (2017). Моделирование процесса обучения иностранному языку студентов технических специальностей. *Научно-педагогическое обозрение*, I(15), 100–107.
11. Степанов, А. В., Иванова, Г. И., & Нечаев, Н. Н. (2023). *Архитектура и психология*. Юрайт.
12. Пак, Л. Г., & Беседина, И. В. (2015). Возможности профессионального образования в развитии творческого потенциала будущих архитекторов. *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал*, 2(14), 169–174.
13. Данченко, Л. В. (2014). *Формирование геометро-графических компетенций у будущих архитекторов* [Диссертация ... канд. пед. наук: 13.00.08. Казань].
14. Закс, Л. А. (1990). *Художественное сознание*. Издательство Уральского университета.
15. Перфилова, Г. В. (1977). *Методика обучения строевым словам для чтения научно-технической литературы в неязыковом вузе (немецкий язык)* [Диссертация ... канд. пед. наук: 13.00.02. Москва].

16. Tareva, E. G., & Tarev, B. V. (2023). Clil for engineering education: approaching foreign language teacher mindset. *Russian studies without borders*, Т. 7, 3, 82–93.
17. *Профессиональное образование: модернизационные аспекты* (под науч. ред. О. П. Чигишевой). (2014). Т. 4. Издательство Международного исследовательского центра «Научное сотрудничество».
18. Berart, E., & Lavenne, C. (2004). *Modes d'emploi. Grammaire utile du français*. DIDIER.
19. Москвин, В. А., & Москвина, Н. В. (2011). *Межполушарные асимметрии и индивидуальные различия человека*. Смысл.
20. Benson-Greenwald, T. M., & Diekman, A. B. (2022). In the mindset of opportunity: proactive mindset, perceived opportunities, and role attitudes. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 48(12), 1667–1681.
21. Черкашина, Е. И. (2015). Учет функциональной асимметрии мозга при обучении языку специальности. *Человек. Язык. Время* (с. 399–403). Материалы XVII конференции Школы-семинара им. Л. М. Скредлиной с международным участием.
22. Сиротюк, А. Л. (2003). *Нейропсихологическое и психофизиологическое сопровождение обучения*. Сфера.
23. Черкашина, Е. И. (2016). Матрица как модель процесса обучения иностранному языку студентов технических специальностей. *Профессиональное лингвообразование* (с. 315–324). Материалы Десятой Международной научно-практической конференции.

References

1. Zinchenko, V. P., & Morgunov, E. B. (1994). *A developing man: essays on Russian Psychology*. Progress. (In Russ.).
2. Tareva, E., Razumovskaya, V., & Guile, D. (2022). Post-knowledge economy and life-long language learning: new agendas and issues. *Adult English Language Teaching. Transformation through Lifelong Learning*, 1–24. https://doi.org/10.1007/978-3-030-98566-0_1 (In Russ.).
3. Pink, D. *A new brain. Why will the right hemisphere rule the world?* RIPOL classic. (In Russ.).
4. Kudryavcev, T. V. (1975). *Psychology of technical thinking*. Pedagogy. (In Russ.).
5. Reshetova, Z. A. (1985). *Psychological foundations of vocational training*. MSU. (In Russ.).
6. Nechaev, N. N. (1988). *Psychological and pedagogical foundations of the formation of professional activity*. MSU. (In Russ.).
7. Mangiante, J.-M. (2019). Pratiques pédagogiques et interactions en classes de FOS: apports et limites de l'organisation spatiale, de la localisation professionnelle et des conditions matérielles spécifiques. *Points Communs. Recherche en didactique des langues sur objectif(s) spécifique(s)*, 47/5, 132. (In French).
8. Mangiante, J.-M., & Desroches, F. (2014). Le FOS, un exemple de recherche-action en didactique du FLE. *Le Français dans le monde*, 391, 52–53. (In French).
9. Mourlhon-Dallies, F. (2017). De l'agréable à l'utile : quand les spécialistes stimulent l'apprentissage du français. *Le Français dans le monde*, 409, 28–29. (In French).
10. Cherkashina, E. I. (2017). Modeling the process of teaching a foreign language to students of technical specialties. *Scientific and Pedagogical Review*, 1(15), 100–107. (In Russ.).
11. Stepanov, A. V., Ivanova, G. I., & Nechaev, N. N. (2023). *Architecture and psychology*. Yurayt. (In Russ.).

12. Pak, L. G., & Besedina, I. V. (2015). The possibilities of professional education in the development of the creative potential of future architects. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2(14), 169–174. (In Russ.).
13. Danchenko, L. V. (2014). *The formation of geometric and graphic competencies of future architects* [Dissertation for the PhD (Pedagogy): 13.00.08. Kazan]. (In Russ.).
14. Zaks, L. A. (1990). *Artistic consciousness*. Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (In Russ.).
15. Perfilova, G. V. (1977). *The methodology of teaching drill words for reading scientific and technical literature in a non-linguistic university (German)* [Dissertation for the PhD (Pedagogy): 13.00.02. Moscow]. (In Russ.).
16. Tareva, E. G., & Tarev, B. V. (2023). Clil for engineering education: approaching foreign language teacher mindset. *Russian studies without borders*, T. 7, 3, 82–93]. (In Russ.).
17. *Vocational education: modernization aspects* (under the scientific editorship of O. P. Chigisheva) (2014). Vol. 4. Publishing house of the International Research Center «Scientific Cooperation». (In Russ.).
18. Berart, E., & Lavenne, C. (2004). Modes d'emploi. Grammaire utile du francais. *DIDIER*. (In French).
19. Moskvina, V. A., & Moskvina, N. V. (2011). *Hemispheric asymmetries and individual human differences*. Meaning. (In Russ.).
20. Benson-Greenwald, T. M., & Diekmann, A. B. (2022). In the Mindset of Opportunity: Proactive Mindset, Perceived Opportunities, and Role Attitudes. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 48(12), 1667–1681. (In Russ.).
21. Cherkashina, E. I. (2015). Taking into account the functional asymmetry of the brain when teaching a specialty language. *Human. Language. Time* (pp. 399–403). Proceedings of the XVII conference of the L. M. Skreliina School-Seminar with international participation. (In Russ.).
22. Sirotiyuk, A. L. (2003). *Neuropsychological and psychophysiological support of training*. Sphere. (In Russ.).
23. Cherkashina, E. I. (2016). The matrix as a model of the process of teaching a foreign language to students of technical specialties. *Professional Language education* (pp. 315–324). Proceedings of the Tenth International Scientific and Practical Conference. (In Russ.).

Информация об авторе

Елена Ивановна Черкашина — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой романских языков и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Elena I. Cherkashina — PhD (Philology), Docent, Head of Romance Philology and Linguistic Didactics, Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 378.8.016:81.111

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.12

АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ОЦЕНИВАНИЕ УРОВНЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОСОДИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Толмачева Татьяна Александровна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

polushkina@mgpu.ru <https://orcid.org/0000-0001-8941-6827>

Аннотация. Статья посвящена вопросу внедрения альтернативных способов оценивания уровня иноязычной просодической компетенции студентов на материале научного публичного выступления. Современные глобальные концепции образования для устойчивого развития в транзитивном суперразнообразном сообществе диктуют необходимость пересмотра традиционных неэкологических и неэтичных оценочных средств в пользу гибких, вариативных, человекомерных, несостязательных форматов. Выбор неконвенциональных способов оценивания уровня просодической компетенции обусловлен тем, что она трудноизмерима, ей присущи факторы субъективности, размытости целеполагания. В статье приводится обоснование интеграции рефлексивных оценочных методов в практику формирования иноязычной просодической компетенции. В целях определения эффективности использования технологии рефлексивного само- и взаимооценивания в практике преподавания научной коммуникации на английском языке был проведен сравнительный последовательный педагогический эксперимент с опорой на эмпирические методы исследования (интервью, анкетирование, наблюдение за участниками, анализ портфолио). Эксперимент проводился в течение трех месяцев на базе технического вуза с привлечением 40 студентов бакалавриата и магистратуры, владеющих английским языком на уровне не ниже B2. Описаны этапы и процедура эксперимента, разработаны критерии рефлексивного само- и взаимооценивания уровня просодической компетенции. В статье доказано, что рефлексивное оценивание может быть успешно интегрировано в процесс обучения научной коммуникации посредством индуктивных и имплицитных приемов, создавая благоприятные условия для активного и сознательного овладения просодической компетенцией. Показано, что само- и взаимо-рефлексия может выступать эффективным инструментом альтернативного оценивания уровня достижения неизмеримых или трудноизмеримых учебных результатов на основе принципов новой оценочной политики.

Ключевые слова: альтернативное оценивание, образование для устойчивого развития, просодическая компетенция, рефлексивный отклик, самооценивание, взаимооценивание.

Для цитирования: Толмачева, Т. А. (2024). Альтернативное оценивание уровня иноязычной просодической компетенции. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(53), 161–174. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.12>

Original article

UDC 378.8.016:81.111

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.12

**ALTERNATIVE ASSESSMENT OF A STUDENT'S LEVEL
OF L2 PROSODIC COMPETENCE****Tatiana A. Tolmacheva**

Moscow City University,

Moscow, Russia,

polushkina@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8941-6827>

Abstract. The article discusses the alternative assessment of students' level of L2 prosodic competence in the context of presenting scientific data. Global concepts of education for sustainable development in a transitive super-diverse community call to revise conventional non-ecological and unethical assessment tools in favor of flexible, variable, humane and non-competitive formats. The choice of unconventional ways of assessing L2 prosodic competence is due to the issues with its difficult measurability, subjectivity, vague learning goals. The article provides grounds for the integration of reflexive evaluation methods in developing L2 prosodic competence. To determine the effectiveness of reflexive self- and peer evaluation in teaching science communication, a comparative pedagogical experiment based on empirical research methods including interviews, questionnaires, observation, portfolio analysis was conducted. The experiment was carried out in a technical university with 40 undergraduate and graduate students with B2 level of English. The three stages and the procedure of the experiment are described. Provided are the criteria for reflexive self- and peer assessment of L2 prosodic competence. The article proves that reflexive assessment can be successfully integrated in teaching science communication through inductive and implicit techniques, facilitating active and conscious mastery of L2 prosodic competence. It is shown that self- and peer reflection can be an effective tool of alternative assessment of non-measurable or difficult-to-measure learning outcomes based on the principles of the new evaluation policy.

Keywords: alternative assessment, education for sustainable development, prosodic competence, reflective feedback, self-feedback, peer feedback.

For citation: Tolmacheva, T. A. (2024). Alternative assessment of a student's level of L2 prosodic competence. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(53), 161–174. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.12>

Введение

Современные подходы к оцениванию уровня владения иностранным языком представляют собой разветвленную контекстно-зависимую систему национальных и международных критериев, отвечающих актуальным запросам государства и общества (Тарева, Федянина и Мизгулина, 2023). В последние годы наблюдается усиление роли внешних драйверов

в лице международных сообществ в поиске экологичных способов оценивания результатов обучения, находящегося в условиях глобальных угроз (Тарева, 2021). Текущие трансформации мирового и отечественного образования нацелены на выработку образовательных результатов, способствующих устойчивому развитию транзитивного общества в эпоху суперразнообразия (Асмолов, 2018).

Согласно целям устойчивого развития в сфере образования ООН (ЦУР – 4) (Преобразование нашего мира..., 2015), к 2030 году необходимо обеспечить «всеохватное и справедливое качественное образование и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех» (Там же). Ориентиры по обновлению образования по этому пути предполагают опору на принципы сотрудничества и совместной работы, акцент на межкультурном и междисциплинарном обучении, недискриминационные педагогические методы, отказ от предрассудков и предрешений, множественность форм знаний и самовыражения (Переосмыслим наше будущее... , 2021). Очевидно, что современный пространственно-временной контекст образования закладывает основу для модернизации оценочной политики. В дополнение к известным и широко используемым принципам значимости, актуальности, понятности и адекватности вводятся принципы оценивания результатов овладения комплексными и междисциплинарными знаниями и умениями в условиях сотрудничества и взаимопонимания. В этом отношении на первые позиции выходит принцип *человекомерности*, постулирующий сдерживание автоматизированных систем оценивания на основе технологий искусственного интеллекта; скептическое отношение к стандартизированным формам оценивания и приоритет формативного оценивания. Принцип *измеримости* в рамках педагогики сотрудничества требует определения учебных целей, не поддающихся количественной оценке, достижение которых осуществляется посредством эмпирического наблюдения, часто в критериальном, безотметочном формате. На основе принципа *неконкурентности* должны создаваться особые методы оценивания, учитывающие интересы всех обучающихся и повышающие возможности для совместной работы в атмосфере сотрудничества. При этом допускается включение элементов состязательности, не оказывающих давление на обучающегося. Принцип *комплексности* оценивания подразумевает учет достижений обучающимися широких целей, как индивидуальных, так и коллективных (Там же). Таким образом, конструктивное оценивание в образовательных реалиях будущего заключается в отказе от состязательных и узконаправленных способов, ограничивающих когнитивное, личностное и социальное развитие обучающихся.

В соответствии с международными императивами и в российской образовательной повестке обозначена потребность в инструментах оценки результатов обучения для устойчивого развития (Национальная стратегия образования... , 2024; Проект «Ключевые направления развития российского образования...», 2024). Среди них существенное значение имеют: внедрение цифровых технологий в целях формирования прозрачной и персональной

образовательной траектории; опора на посткомпетентностную оценку соответствия занимаемой должности в целях быстрого реагирования на стремительные изменения в профессиональном портрете (из зарубежной практики управления персоналом); приоритет кросс-предметных навыков и профессиональной социализации над предметными. Вместе взятые, данные инициативы, адаптированные к реальной экономике, повседневной жизни в новом цифровом обществе, призваны вывести систему образования на уровень устойчивого прогресса.

Рассмотрение данных мер сквозь призму лингводидактики ставит вопрос об эффективности их применения к определению уровня сформированности иноязычного невербального репертуара, в частности просодической компетенции, подверженной наибольшей субъективности оценивания под влиянием индивидуального речевого стиля. Просодическая компетенция, понимаемая как способность оперировать просодическими средствами и приемами для реализации ключевых коммуникативных стратегий и сообразовывать их со стилем речи по принципу целесообразности и корректности (Polushkina, & Tareva, 20210), подвергается наибольшему количеству риск-факторов, затрудняющих интерпретацию сообщения и, соответственно, оценивание успешности достижения коммуникативной задачи. Среди них такие параметры, как возраст, уровень образования и речевой ответственности говорящего, контекст общения, наличие акцента и речевых патологий, коммуникативные барьеры, степень развитости у адресата иноязычного речевого слуха и толерантности к индивидуальным речевым особенностям.

К специфичным факторам, дополнительно осложняющим процесс понимания в рамках рассматриваемой в нашем исследовании ситуации публичной межкультурной научной коммуникации, относятся: необходимость отключаться от собственной речи, держать себя в руках, направлять объективное волнение перед выступлением на публике на мобилизацию всех психофизических ресурсов, оценивать параметры ситуации межкультурного общения (Корзун, 2009); потребность удерживать внимание аудитории, создавать позитивный образ и психологически комфортный климат (Борботько, и Вишневецкая, 2020).

Трудности оценивания уровня просодической компетенции связаны также со сменой целеполагания, приоритезирующего способность *понятно* донести запланированное коммуникативное *намерение* (Council of Europe, 2020). Этому поспособствовали доказанный факт недостижимости безакцентной речи (Munro, & Derwing, 2015) и легитимизация произносительного многообразия английского как языка международного общения (Levis, 2020; Караваева, и Абрамова, 2022). Именно понятность речи (*intelligibility*) как субъективный фактор в наибольшей степени определяет статус просодической компетенции как количественно неизмеряемого образовательного результата, достижение которого требует альтернативных способов оценивания.

В установлении таких способов важно, что в рамках новой концепции ответственность за коммуникативный успех распределена равным образом между адресатом и реципиентом, что повышает значимость навыка восприятия и понимания иноязычной речи во всем ее акцентном многообразии. Следовательно, обучающиеся, будучи носителями языка, вправе выступать в качестве потенциальных участников коммуникации, что повышает методическую ценность взаимообучения и рефлексии как оценочных средств. Целесообразность использования рефлексивных методов в оценивании иноязычной просодической компетенции во многом обусловлена самой целью обучения — передать *намерение*, что запускает рефлексивные процессы в сознании реципиента и заставляет его задаваться вопросом: «Я понял, но что я понял?» (Bogin, 2000). Тем самым интегральный характер рефлексии в декодировании и интерпретации намерения позволяет отнести рефлексивное оценивание, вместе с технологиями взаимообучения, обучения в сотрудничестве, к разряду конструктивных способов альтернативного (формативного) оценивания уровня сформированности иноязычной просодической компетенции. В то же время нельзя не упомянуть вызовы рефлексивного оценивания, к которым относят *неоднозначность* для обучающихся отличия рефлексии от выражения мнения, *непредсказуемость* результата оценивания, *субъективность*, *безотметочность* как фактор, влияющий на отношение обучающихся к процедуре оценивания (Fines, 2014).

С учетом вышесказанного данное исследование ставит цель определить степень эффективности альтернативных способов оценивания, прежде всего рефлексивных — взаимообучения и обучения в сотрудничестве, основанных на принципах человекомерности, совместной деятельности, измеримости, неконкурентности, применительно к оцениванию уровня просодической компетенции, реализуемой в ситуации публичного представления результатов научного исследования на английском языке.

В ходе решения поставленной цели нам предстоит ответить на следующий исследовательский вопрос: «Какова эффективность альтернативного оценивания уровня иноязычной просодической компетенции на основе рефлексивного само- и взаимооценивания в практике преподавания научной коммуникации на английском языке?»

Методология исследования

В основе исследования находится сравнительный последовательный педагогический эксперимент. В ходе эксперимента использована комбинация эмпирических методов исследования, характерных для рефлексивного обучения, — интервью, анкетирование, наблюдение за участниками, анализ портфолио (Cassidy et al., 2019; Carless, & Boud, 2018; Chen et al., 2019; Huang,

2012; Kang, & Ginther, 2017; Levis, & McCrocklin, 2018; Sulatana et al., 2020; Zee, & Minstrell, 1997). Источниками данных для анализа послужили результаты анкетирования, аудиозаписи и стенограммы эвристических бесед, аудио- и видеозаписи выступлений студентов, дневники наблюдений.

В эксперименте приняли участие 40 русскоязычных студентов бакалавриата и магистратуры технического вуза, владеющих английским языком на уровне не ниже B2. Длительность эксперимента составила 3 месяца, в течение которых занятия проводились дважды в неделю в течение 80 минут.

Ход эксперимента включал в себя три этапа: 1) разведывательная диагностика (проспективная рефлексия, планирование); 2) экспериментальное обучение (рефлексия в действии); 3) констатирующий этап (ретроспективная рефлексия). Подробное описание приемов обучения и оценивания для каждого этапа представлено на рисунке 1.

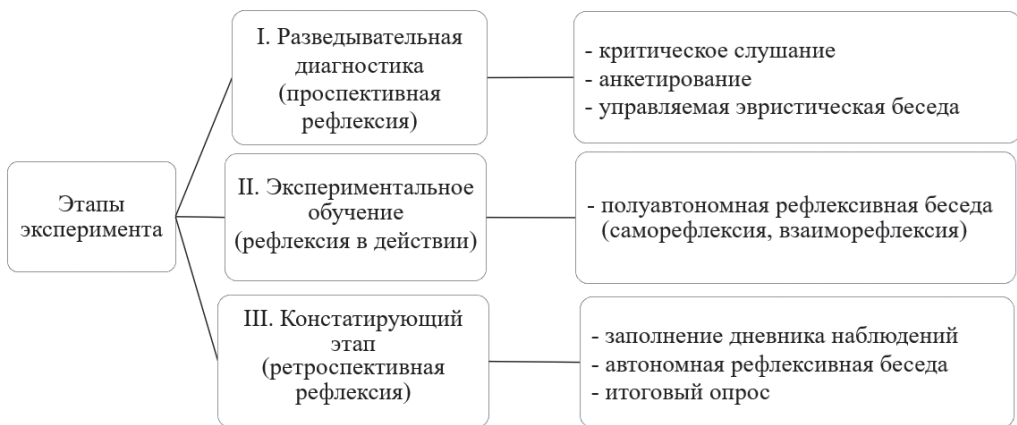

Рис. 1. Этапы эксперимента

Fig. 1. Stages of the experiment

В целях мониторинга прогресса студентов в осуществлении рефлексивной оценки своего уровня просодической компетенции и уровня других студентов в ходе экспериментального обучения и на констатирующем этапе нами были разработаны критерии, представленные в таблице 1. В качестве эксперта выступил преподаватель — неноситель языка, специалист в области фонетики, имеющий квалификацию в качестве аудитора.

Результаты и дискуссия

Целями разведывательной диагностики являлись следующие: 1) имплицитное ознакомление студентов со спецификой просодической организации научного выступления на основе научных выступлений в рамках направления подготовки; 2) оценка способности студентов распознавать просодические

Таблица 1 / Table 1

**Критерии оценивания уровня сформированности само- и взаиморефлексии
в процессе овладения иноязычной просодической компетенцией**
**Criteria for assessing the development of self- and peer-to-peer reflective feedback
in building L2 prosodic competence**

Тип рефлексии	Уровень сформированности рефлексивной оценки		
	слабый	средний	высокий
1. Рефлексия в действии	Рефлексия отсутствует или ограничивается выражением мнения в общих формулировках	Рефлексия выходит за рамки выражения мнения или описания опыта. Делаются попытки осмысления, сомнения, анализа	Критическая рефлексия: обозначается проблема и анализируется ее причина. Пересматриваются собственные представления
2. Ретроспективная рефлексия	Отсутствует план действий по использованию и/или совершенствованию полученных навыков в будущем	Приводится общий план действий по использованию и/или совершенствованию полученных навыков в будущем	Приводится конкретный план действий по использованию и/или совершенствованию полученных навыков в будущем
3. Качество письменного отклика	Неконструктивный, формулировки абстрактные	Конструктивный, содержит рекомендации, формулировки конкретизированы	Конструктивный, развернутый, логично организованный, содержит эффективные рекомендации
4. Надежность оценки	Не совпадает с экспертной оценкой	Частично совпадает с экспертной оценкой	Совпадает с экспертной оценкой

средства на материале научного выступления на основе анкетирования, включающего в себя вопросы о просодической организации выступления; 3) расширение представлений студентов о преимуществах осуществления научной коммуникации с использованием соответствующего просодического оформления на основе эвристической беседы.

Результаты первого этапа свидетельствуют об ограниченном представлении обучающихся о просодических средствах (примеры рефлексивных откликов представлены в таблице 2). В целом качество откликов большинства студентов можно описать как слабое, о чем говорит использование общих формулировок (интересный, дружелюбный, нервный, понятный, хороший, скучный), которые не дают конструктивных предложений, направленных на улучшение просодического оформления речи. Однако имплицитно выраженные в вопросах анкеты ориентировки поспособствовали формулированию идей о «хорошем» с точки зрения просодического оформления научном выступлении и выработке стратегий по совершенствованию качества звучащей публичной речи. В ходе эвристической беседы обучающиеся выразили

единодушие в признании критической роли просодических средств как усилителей качества научного выступления. Успешный с точки зрения просодического оформления доклад студенты охарактеризовали как ясный и легкий для понимания. К основному препятствию ясного изложения были отнесены неуместные паузы, особенно паузы хезитации, которые влияют на темп речи и отвлекают внимание аудитории.

Таблица 2 / Table 2

Примеры рефлексивной оценки уровня просодического оформления научной публичной речи (этап разведывательной диагностики)

Examples of students' reflective feedback on prosodic structure of a technical presentation (pre-teaching stage)

Тип рефлексии	Уровень сформированности рефлексивной оценки		
	слабый	средний	высокий
1. Рефлексия в действии	<ul style="list-style-type: none"> Очень хорошо. Первое место (эталон — носитель языка) Неинтересно слушать (антиэталон — носитель языка) Понятное, интересное, дружелюбное выступление (эталон — носитель языка) 	На мой взгляд, докладчик не проявляет энтузиазма. Более того, частые паузы затрудняли понимание. Думаю, если бы я не был заинтересован в этой теме, презентация меня бы не привлекла (антиэталон — носитель языка)	—
2. Ретроспективная рефлексия	Докладчику надо лучше готовиться (антиэталон — носитель языка)	<ul style="list-style-type: none"> Чтобы звучать убедительно и авторитетно, следует выступать уверенно и с энтузиазмом. Нужно сосредоточиться не на содержании, а на голосовых качествах, например на громкости, паузах, темпе 	—
3. Качество письменного отклика	<ul style="list-style-type: none"> Слишком много пауз (антиэталон — носитель языка) Говорит серьезно и убедительно (эталон — носитель языка) 	Он говорит хорошо. Темп приятный, громкость отличная. Он не теряет в случае непредвиденных обстоятельств (эталон — носитель языка)	—

Процедура констатирующего этапа состояла в само- и взаимоанализе собственных научных выступлений и фиксации рефлексивного отклика об уровне иноязычного просодического оформления речи в дневнике наблюдений. Оценивание выступлений осуществлялось асинхронно в неанонимном формате на материале ранее подготовленного преподавателем цифрового портфолио —

банка видеозаписей научных презентаций студентов, размещенного на видеохостинге. Цель этапа состояла в определении эффективности рефлексивного отклика как альтернативного оценочного средства. В таблице 3 наглядно приведены примерные результаты процедуры оценивания на данном этапе.

Таблица 3 / Table 3

Примеры рефлексивной само- и взаимооценки уровня просодического оформления научной публичной речи (констатирующий этап)

Examples of students' self- and peer reflective feedback on prosodic structure of a technical presentation (post-teaching stage)

Тип рефлексии	Уровень сформированности рефлексивной оценки		
	слабый	средний	высокий
1. Рефлексия в действии	<ul style="list-style-type: none"> • Я звучу уставшим • Заметны паузы хезитации • Мне не понравилось мое выступление, звучит неуверенно 	<p>Деление на синтагмы неудачное. Отсутствуют паузы хезитации. Манера речи была довольно монотонной, поскольку не было варьирования громкости и интонации. Темп и выделение были нормальными</p>	<p>В докладе слишком много сложных терминов, произнесенных с ошибками, и это мешает пониманию. Выступающий делает паузы перед этими терминами, что недопустимо. Остальные паузы расставлены правильно, однако манера речи монотонна из-за отсутствия вариации высоты голоса</p>
2. Ретроспективная рефлексия	<ul style="list-style-type: none"> • В целом нормально, но есть еще над чем работать. • У тебя русская интонация 	<ul style="list-style-type: none"> • Думаю, докладчику нужно важные моменты произносить громче. • Поработай над выделением ключевых слов. • Лучше ускорить темп, когда даешь известную информацию 	<ul style="list-style-type: none"> • Докладчик должен говорить быстрее при представлении известной информации и громче во введении и заключении. • Мне нужно говорить выразительнее или эмоциональнее, избегать пауз хезитации и выделять определенные фрагменты доклада

Тип рефлексии	Уровень сформированности рефлексивной оценки		
	слабый	средний	высокий
3. Качество письменного отклика	Ничего не понятно без текста	Тема сложная для доклада, а манера речи монотонная. Интонация могла бы быть более выразительной	Должен отметить, что доклад немного монотонный, в нем было мало контраста громкости и интонации. Надо избегать пауз хезитации, потому что звучит неуверенно. Плюсы в четком произношении, ясности и темпе, удобном для понимания сложной информации
4. Надежность отклика	Не совпадает с экспертной оценкой. Самооценивание $n = 22$. Взаимооценивание $n = 18$	Частично совпадает с экспертной оценкой. Самооценивание $n = 16$. Взаимооценивание $n = 18$	Совпадает с экспертной оценкой. Самооценивание $n = 2$ Взаимооценивание $n = 4$

Как видим, отзывы студентов стали более развернутыми и конкретизированными. Заметна корреляция между уровнем рефлексии и качеством письменного отклика. Наблюдалось неохотное самооценивание, часто оно выражалось в одном предложении. Причина этого может заключаться в слишком личном опыте самооценивания. Однако в ходе взаимооценивания студенты старались охватить как можно больше параметров, дать четкие, понятные рекомендации в ободряющем тоне, избегая критики.

В среднем уровень рефлексивного оценивания 20 студентов (50 %) соответствует слабому; 17 студентов (42 %) показали средний уровень за счет попыток определить проблему и ее причину, а также обозначить меры по улучшению качества выступления за счет просодических средств; высокий уровень зафиксирован у трех студентов (7,5 %). Надежность рефлексивного отклика как средства оценивания определялась путем сопоставления отзыва студентов и экспертной оценки. В более половины случаев содержательный уровень обратной связи позволял считать его достоверным и надежным средством альтернативного оценивания.

В ходе итогового опроса студенты ознакомились с рефлексивными откликами на свои выступления, выразив в целом положительную реакцию, посчитав их объективными и справедливыми и в то же время демонстрировав мотивацию к совершенствованию своей просодической компетенции.

Полученные результаты подтвердили нашу гипотезу о том, что рефлексивное обучение способствует повышению у студентов значимости просодической компетенции для успешного профессионального общения. Показано, что рефлексивные практики могут быть эффективно интегрированы в процесс обучения научной коммуникации посредством индуктивных и имплицитных приемов, создавая благоприятные условия для активной рефлексии. Было показано, что само- и взаиморефлексия может выступать эффективным инструментом альтернативного оценивания уровня достижения неизмеримых или трудноизмеримых учебных результатов на основе принципов адекватности, понятности, значимости, человекомерности, неконкурентности, комплексности.

Заключение

Несмотря на то что технологии рефлексивного обучения, само- и взаимосоценивания занимают прочное место в арсенале лингводидактических средств, их использование в развитии и оценивании иноязычной просодической компетенции педагогическому сообществу еще предстоит осмыслить в свете эволюции педагогической мысли. Тем не менее выражаем убежденность, что представленная модель оценивания может послужить отправной точкой для собственного подхода к внедрению альтернативных способов оценивания в практику развития произносительной культуры речи в целях стимулирования процесса сознательного, активного, гибкого и несостязательного овладения индивидуальным речевым стилем для подготовки к конструктивному и кооперативному взаимодействию.

Список источников

1. Тарева, Е. Г., Федянина, В. А., & Мизгулина, М. Н. (2023). Разработка системы оценивания уровня владения японским языком участников олимпиады. *Язык и культура*, 61, 306–323.
2. Тарева, Е. Г. (2021). Языковое образование в эпоху постмодернизма: кризис системности или новая системность. *Язык и культура*, 53, 270–289.
3. Асмолов, А. Г. (2018). *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен*. ЯСК.
4. *Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года*. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года. (2024, 14 января). https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf
5. *Переосмыслим наше будущее — Новый общественный договор в области образования*. (2024, 14 января). <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000386250>
6. *Национальная стратегия образования для устойчивого развития в Российской Федерации*. (2024, 14 января). <http://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/esd/Implementation/NAP/RussianFederationNS.r.pdf>
7. *Проект «Ключевые направления развития российского образования для достижения Целей и задач устойчивого развития в системе образования до 2035 г.»*

(2024, 14 января). https://school28.tomsk.ru/ScHoOLsite/Razvitie_OU/Mezhregionalnoe_setevoe_partnerstvo/Klyuchevye_napravleniya_razvitiya_rossijskogo_obrazovaniya_do_2035-minP.pdf?ysclid=lsrzss4qeb176611763

8. Polushkina, T. A., & Tareva, E. G. (2021). Developing L2 prosodic competence online: Implications of the emergency remote teaching. *XLinguae*, 14(1), 38–48.

9. Корзун, О. О. (2009). Обучение темпу иноязычной речи студентов как одна из проблем подготовки будущих профессиональных переводчиков. *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова*, 6, 112–119.

10. Борботько, Л. А., & Вишневецкая, Е. М. (2020). Произносительное и ритмико-интонационное оформление лекции как фактор профессиональной самопрезентации преподавателя. В Л. Г. Викулова (Ред.). *Педагогический дискурс: качество речи учителя* (с. 28–32). Материалы II Всероссийской конференции.

11. Council of Europe. (2020). *Common European framework of reference for languages: Learning, teaching, assessment*. Companion volume. S. 1. Council of Europe.

12. Munro, M. J., & Derwing, T. M. (2015). A prospectus for pronunciation research in the 21st century. *Journal of Second Language Pronunciation*, 1, 11–42.

13. Levis, J. (2020). Revisiting the Intelligibility and Nateness Principles. *Journal of Second Language Pronunciation*.

14. Караваева, В. Г., & Абрамова, Г. С. (2022). Формирование фонетической компетенции студентов языкового вуза посредством аудиопрактикума. *Межкультурная парадигма лингвообразования: теоретические аспекты и технологические решения* (с. 121–138). Сборник научных трудов.

15. Богин, Г. И. (1994). «Улавливание смыслов» на основе мобилизации рефлексивности как компонент гибких моделей обучения. *Международная конференция по русскому языку* (с. 115–116). МГУ, МАПРЯЛ.

16. Fines, B. G. (2014). *Assessing Reflection*. (2024, 14 января). <https://www.smu.edu/-/media/site/law/faculty/teaching-resources/student-reflection-rubric.pdf>

17. Cassidy, R., Charles, E., Slotta, J., & Lasry, N. (2019). *Active learning: Theoretical perspectives, empirical studies, and design profiles*. Frontiers Media.

18. Carless, D., & Boud, D. (2018). The development of student feedback literacy: Enabling uptake of feedback. *Assessment and Evaluation in Higher Education*, 43(8), 1315–1325.

19. Chen, M. A., Hwang, G., & Chang, Y. (2019). A reflective thinking-promoting approach to enhancing graduate students' flipped learning engagement, participation behaviors, reflective thinking and project learning outcomes. *British Journal of Educational Technology*, 50(5), 2288–2307.

20. Huang, L. (2012). Use of oral reflection in facilitating graduate EAL students' oral-language production and strategy use: an empirical action research study. *International Journal for the Scholarship of Teaching and Learning*, 6(2), 1–22.

21. Kang, O., & Ginther, A. (2017). *Assessment in second language pronunciation*. Routledge.

22. Levis, J., & McCrocklin, S. (2018). Reflective and effective teaching of pronunciation. *Issues in Applying SLA Theories toward Reflective and Effective Teaching*, 77–89.

23. Sultana, F., Lim, C. P., & Liang, M. (2020). E-portfolios and the development of students' reflective thinking at a Hong Kong University. *Journal of Computers in Education*, 7(3), 277–294.

24. Zee, E. V., & Minstrell, J. (1997). Using questioning to guide student thinking. *Journal of the Learning Sciences*, 6(2), 227–269.

References

1. Tareva, E. G., Fedyanina, V. A., & Mizgulina, M. N. (2023). Developing a system for evaluating Japanese language proficiency levels in olympiad participants. *Yazyk i kul'tura*, 61, 306–323. (In Russ.).
2. Tareva, E. G. (2021). Language education in the postmodernism era: system crisis or new systematicity? *Yazyk i kul'tura*, 53, 270–289. (In Russ.).
3. Asmolov, A. G. (2018). *Mobilis in mobili: personality in time of changes*. YACK. (In Russ.).
4. *Transforming our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development*. Resolution adopted by the General Assembly on September 25, 2015. (2024, January 14). https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (In Russ.).
5. *Reimagining our futures together: a new social contract for education*. (2024, January 14). <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000386250> (In Russ.).
6. *National strategy of education for sustainable development in the Russian Federation*. (2024, January 14). <http://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/esd/Implementation/NAP/RussianFederationNS.r.pdf> (In Russ.).
7. *Project «Key directions of the development of Russian education for reaching the goals of sustainable development until 2035»*. (2024, January 14). https://school28.tomsk.ru/SchHoOLsite/Razvitie_OU/Mezhregionalnoe_setevoe_partnerstvo/Klyuchevye_napravleniya_razvitiya_rossijskogo_obrazovaniya_do_2035-minP.pdf?ysclid=lsrzss4qeb176611763 (In Russ.).
8. Polushkina, T. A., & Tareva, E. G. (2021). Developing L2 prosodic competence online: Implications of the emergency remote teaching. *XLinguae*, 14(1), 38–48. (In English).
9. Korzun, O. O. (2009). Teaching foreign speech tempo to students-interpreters. *Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin*, 6, 112–119. (In Russ.).
10. Borbotko, L. A., & Vishnevskaya, E. M. (2020). Pronunciation and rhythmic-intonation structure of the lecture as a factor of professional self-presentation of the teacher. In L. G. Vikulova (Ed.). *Pedagogical discourse: the quality of the teacher's speech* (pp. 28–32). Proceedings of the II All-Russian Conference. (In Russ.).
11. Council of Europe. (2020). *Common European framework of reference for languages: Learning, teaching, assessment*. Companion volume. S. 1. Council of Europe. (In English).
12. Munro, M. J., & Derwing, T. M. (2015). A prospectus for pronunciation research in the 21st century. *Journal of Second Language Pronunciation*, 1, 11–42. (In English).
13. Levis, J. (2020). Revisiting the Intelligibility and Nateness Principles. *Journal of Second Language Pronunciation*. (In English).
14. Караваева, В. Г., & Абрамова, Г. С. (2022). Developing phonetic competence of language university students through audio practice. *The intercultural paradigm of language education: theoretical aspects and technological solutions* (pp. 121–138). Collection of scientific papers. (In Russ.).
15. Bogin, G. I. (1994). «Capturing meanings» based on the mobilization of reflexivity as a component of flexible learning models. *International Conference on the Russian language* (pp. 115–116). MSU, MAPRYAL. (In Russ.).

16. Fines, B. G. (2014). *Assessing Reflection*. <https://www.smu.edu/-/media/site/law/faculty/teaching-resources/student-reflection-rubric.pdf> (In English).
17. Cassidy, R., Charles, E., Slotta, J., & Lasry, N. (2019). *Active learning: Theoretical perspectives, empirical studies, and design profiles*. Frontiers Media. (In English).
18. Carless, D., & Boud, D. (2018). The development of student feedback literacy: Enabling uptake of feedback. *Assessment and Evaluation in Higher Education*, 43(8), 1315–1325. (In English).
19. Chen, M. A., Hwang, G., & Chang, Y. (2019). A reflective thinking-promoting approach to enhancing graduate students' flipped learning engagement, participation behaviors, reflective thinking and project learning outcomes. *British Journal of Educational Technology*, 50(5), 2288–2307. (In English).
20. Huang, L. (2012). Use of oral reflection in facilitating graduate EAL students' oral-language production and strategy use: an empirical action research study. *International Journal for the Scholarship of Teaching and Learning*, 6(2), 1–22. (In English).
21. Kang, O., & Ginther, A. (2017). *Assessment in second language pronunciation*. Routledge. (In English).
22. Levis, J., & McCrocklin, S. (2018). Reflective and effective teaching of pronunciation. *Issues in Applying SLA Theories toward Reflective and Effective Teaching*, 77–89. (In English).
23. Sultana, F., Lim, C. P., & Liang, M. (2020). E-portfolios and the development of students' reflective thinking at a Hong Kong University. *Journal of Computers in Education*, 7(3), 277–294. (In English).
24. Zee, E. V., & Minstrell, J. (1997). Using questioning to guide student thinking. *Journal of the Learning Sciences*, 6(2), 227–269. (In English).

Информация об авторе

Татьяна Александровна Толмачева — кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Tatiana A. Tolmacheva — PhD (Education), Associate Professor of English Language and Linguodidactis Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, русскому языку, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам.

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия «Филология. Теория Языка. Языковое образование» (далее — «Вестник»), руководствоваться данными требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета и разработанными в соответствии с ГОСТ Р 7.07–2021 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Авторами статей «Вестника» могут быть ученые, исследователи (докторанты, аспиранты).

Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительного решения редколлегии включаются в рукопись одного из очередных номеров журнала в порядке поступления.

Не принимаются ранее опубликованные статьи и материалы, не отвечающие предъявляемым далее требованиям.

Журнал публикует только оригинальные высококачественные научные работы (не менее 85 % по результатам проверки в системе обнаружения текстовых заимствований «Антиплагиат»: <https://mgpu.antiplagiat.ru/>).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 82-1: 82-193.3

DOI

Строфика и жанровое разнообразие поэзии О. Уайльда**Николаева Марина Николаевна**

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,
NikolaevaM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0152-1647>

Аннотация. Статья посвящена Актуальность исследования обусловлена ... Статья направлена на раскрытие / обоснование / разработку ... Ведущим методом в исследовании выступил ... Выборка исследования включала ... В статье выявлено / обосновано / раскрыто ... Представленные в статье результаты / материалы позволяют ... **(200–250 слов).**

Ключевые слова: жанр, строфика, классическая стихотворная форма, катрен, терцет, рифма **(3–15 слов / словосочетаний).**

Для цитирования: Николаева, М. Н. (2022). Строфика и жанровое разнообразие поэзии О. Уайльда. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(45), __. <https://doi.org/xxx>

Original article

UDC

DOI

Strophic and genre diversity of O. Wilde's poetry**Marina N. Nikolaeva**

Moscow City University,
Moscow, Russia,
NikolaevaM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0152-1647>

Abstract. The article regards / features/ studies ... The study proves relevant due to ... The article aims at ... The principal research method is... The empirical data include ... The paper reveals / claims ... The findings contribute to ... **200–250 words.**

Keywords: genre, stanza, classical poetic form, quatrain, tercet, rhyme **(3–15 words).**

For citation: Nikolaeva, M. N. (2022). Strophic and genre diversity of O. Wilde's poetry. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(45), __. <https://doi.org/xxx>

Введение / Introduction

Творческая индивидуальность Оскара Уайльда, представителя англо-ирландской литературы, ключевой фигуры эстетизма и западноевропейского модернизма, формировалась под воздействием философско-эстетических доктрин Уолтера Пейтера, оксфордского наставника Уайльда и идей Джона Рёскина. Так, У. Пейтер утверждал, что «only organizing power of art could arrest the rush of time <...> and would allow the individual's awareness 'to burn always with this hard, gem-like flame'» (Varty, 2000, p. X).

Современные исследователи отмечают, что изучение творчества О. Уайльда «through a contextualized historical perspective has become an important approach» (Yang, 2020, p. 36). Мы согласны, что важно рассматривать творчество писателя с опорой на жизненные факты. Однако сформировавшийся за столетие «феномен Уайльда», который «проявился в особом внимании к личности О. Уайльда, в какой-то степени заслонила для многих его творчество не только в массовом сознании, но и в трудах исследователей, как его современников, так и уайльдоведов последующих поколений» (Луков, 2007).

Текст

Во введении четко формулируются цели и задачи. Концепция исследования базируется на доказанных научных положениях.

Методология исследования / Methodology

В разделе **Методология исследования** приводится обоснование выбора методологического подхода, дается описание эксперимента, материала и процедуры исследования. Текст

Текст текст текст текст

Результаты и дискуссия / Результаты исследования / Ход исследования / Results and discussion

В разделе **Результаты** приводится описание того, что было получено, а не сделано. Важно придерживаться последовательного логического изложения. Результаты иллюстрируются минимально необходимыми примерами. В разделе **Дискуссия** полученные результаты анализируются в контексте уже имеющихся данных. Рассматриваются возможные причины и следствия. Текст

Текст текст текст текст

Заключение / Conclusion

В **Заключении** подводятся теоретически, методологически и практически значимые итоги и перспективы исследования. Новая информация не вводится. Текст

Текст текст текст текст

Список источников

1. Varty, A. (2000). Introduction. *The Collected Poems of Oscar Wilde*. Wordsworth Edition Limited. III–XXVI.

2. Yang, Yu. (2020). The Aesthetics of Exhibitionism: Oscar Wilde as a Public Aesthete. *English Language, Literature & Culture*, 5(1), 36–44. <https://doi.org/10.11648/j.ellc.20200501.14>
3. Луков, Вл. А., & Соломатина, Н. В. (2007). *Феномен Уайльда: тезаурусный анализ*. Издательство Московского гуманитарного университета. https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov%26Solomatina_Wilde/
4. Чупрына, О. Г., Баранова, К. М., & Меркулова, М. Г. (2018). Судьба как концепт в языке и культуре. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 3, 120–125.
5. Тетельман, А. И. (2007). *Взаимодействие жанров в творчестве Оскара Уайльда* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Казань].
6. Рауд, Н. П. (2007). *Образный строй поэзии Оскара Уайльда* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Санкт-Петербург].
7. Бахнова, Ю. А. (2010). *Поэзия Оскара Уайльда в переводах поэтов Серебряного века* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Томск].
8. Уайльд, О. (2017). *Критик как художник. Искусство и действительность*. Рипол Классик.
9. *Литературная энциклопедия терминов и понятий* (под ред. А. Н. Николюкина). (2001). ИНИОН РАН: Интелвак.
10. *Твердые стихотворные формы*. (2021, 18 мая). <https://myfilology.ru//137/tverdye-stikhotvornye-formy>
11. Бехер, Р. И. (1965). Философия сонета, или Маленькое наставление по сонету. *Вопросы литературы*, 10, 190–208.
12. Николаева, М. Н. (2015). Языковые особенности стихотворных «пейзажных картин» О. Уайльда. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(17), 50–57.

References

1. Varty, A. (2000). Introduction. *The Collected Poems of Oscar Wilde*. Wordsworth Edition Limited. III–XXVI.
2. Yang, Yu. (2020). The Aesthetics of Exhibitionism: Oscar Wilde as a Public Aesthete. *English Language, Literature & Culture*, 5(1), 36–44. <https://doi.org/10.11648/j.ellc.20200501.14>
3. Lukov, Vl. A., & Solomatina, N. V. (2007). *Phenomenon of O. Wilde's: thesaurus analysis*. Moscow Humanities University Publishing house. https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov%26Solomatina_Wilde/ (In Russ.).
4. Chupryna, O. G., Baranova, K. M., & Merkulova, M. G. (2018). Fate as a concept in language and culture. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 3, 120–125. (In Russ.).
5. Tetelman, A. I. (2007). *Genre interrelation in O. Wilde's works* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Kazan]. (In Russ.).
6. Raud, N. P. (2007). *Image system in O. Wilde's poetry* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Saint-Petersburg]. (In Russ.).
7. Bakhnova, Yu. A. (2010). *O. Wilde's poetry in Silver Age poets' translation* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Tomsk]. (In Russ.).
8. Wilde, O. (2017). *Critic as artist. Art and reality*. Ripol Klassik. (In Russ.).
9. *Literary encyclopaedia of terms and concepts*. (2001). INION RAN: Intelvak. (In Russ.).
10. *Fixed verse*. (2021, May 18). <https://myfilology.ru//137/tverdye-stikhotvornye-formy/> (In Russ.).
11. Beher, R. I. (1965). Sonnet philosophy or a small guidebook on sonnets. *Voprosy literatury*, 10, 190–208. (In Russ.).
12. Nikolaeva, M. N. (2015). Language features of O. Wilde's Impressionism poems. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1 (17), 50–57. (In Russ.).

Информация об авторе

Марина Николаевна Николаева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Marina N. Nikolaeva — PhD (Philology), Docent, Associate Professor of English Philology Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

*Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interest.*

Рукопись статьи отправляется по электронной почте секретарям «Вестника» (Л. А. Борботько, И. И. Матвеева) **в зависимости от принадлежности статьи той или иной тематике:**

– литературоведение (иностранные языки), германистика, романистика, теория языка, теория межкультурной коммуникации языковое образование, лингводидактика (иностраннный язык): ludmilaborbotko@gmail.com;

– литературоведение (русский язык, славянские языки), русистика, языковое образование: vestnikmgpu@mail.ru

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование».

MCU Journal

of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education

2024, № 1 (53)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82093 от 17 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор педагогических наук, профессор *Е. Г. Тарева*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденева*

Редактор:

Е. С. Терновскова

Корректор:

К. М. Музамилова

Перевод на английский язык:

Л. А. Борботько

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 29.03.2024 г.

Формат: 70 × 108 1/16. Бумага: офсетная.

Объем: 11,25 печ. л. Тираж: 1000 экз.